

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ РФ И ЧР

Чехословакия и Советская Россия на обломках империй

МОСКВА

«НОЛИМЕДИА»

2020

УДК 93/94
ББК 63.3(4)
Ч56

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор филологических наук *Л.Н. Будагова*,
доктор исторических наук *Э.Г. Задорожнюк*,
доктор исторических наук *Е.П. Серапионова* (отв. ред.)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, проф. *Г.В. Рокина*
(Марийский государственный университет),
доктор исторических наук *Н.Н. Станков*
(Институт славяноведения РАН)

Автор обложки художник *П.К. Донской*

Чехословакия и Советская Россия на обломках империй.

456 Колл. монография / Отв. ред. Е.П. Серапионова. — М.: Институт славяноведения РАН : ПОЛИМЕДИА, 2020. — 192 с.

ISBN 978-5-7576-0442-8 (ИСл РАН)

DOI 10.31168/0442-8

ISBN 978-5-89180-126-4 (ПОЛИМЕДИА)

Книга является результатом труда историков, архивистов и филологов из Чехии, Словакии, Белоруссии и России. В ней повествуется об окончании Первой мировой войны, распаде империй и образовании Чехословацкой республики в 1918 г. Особое внимание в коллективной монографии уделено включению в состав нового государства Подкарпатья. В центре внимания также проблемы установления и развития дипломатических контактов между Советской Россией / СССР и Чехословакией, теория, идеология и практика государственного строительства, проблемы межнациональных отношений внутри новых государств, история русской эмиграции в ЧСР, отражение исторических событий в литературе.

Для специалистов по истории и культуре Центральной Европы и России, а также всех интересующихся событиями XX века.

The book is a result of joint efforts of historians, archivists and philologists from the Czech Republic, Slovakia, Belarus and Russia. It deals with the end of the First World War, the collapse of empires and the formation of the Czechoslovak Republic in 1918. Particular attention is paid to the inclusion of Subcarpathia in the new state. The problems of establishing and developing diplomatic contacts between Soviet Russia / The USSR and Czechoslovakia are also in the center of attention as well as the theory, ideology and practice of state building, the problems of interethnic relations within the new states, the history of Russian emigration in Czechoslovakia and reflection of historical events in literature.

For specialists in history and culture of Central Europe and Russia and all those interested in the events of the twentieth century.

УДК 93/94
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0442-8
(ИСл РАН)

ISBN 978-5-89180-126-4
(ПОЛИМЕДИА)

DOI 10.31168/0442-8

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Комиссия историков и архивистов РФ и ЧР, 2020
© Коллектив авторов, текст, 2020
© Оформление. ООО «ПОЛИМЕДИА», 2020

Содержание

Введение	7
Глава 1	
Труд «Мировая революция» Томаша Гаррига Масарика: настоятельность нового прочтения (<i>Э.Г. Задорожнюк</i>)	9
Глава 2	
Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность) (<i>Р. Влчек</i>)	26
Глава 3	
Расхождение чешского общества с Австро-Венгрией в ходе Первой мировой войны (<i>Я. Билек</i>)	45
Глава 4	
Влияние Первой мировой войны на внутривнутриполитическое развитие России с точки зрения чехословацких легионеров (<i>Л. Гарбулёва</i>)	56
Глава 5	
Судьбы первой волны русской эмиграции в Чехословакии (<i>Е.И. Пивовар</i>)	69
Глава 6	
Распад Австро-Венгрии и этнические проблемы государств-наследников (<i>Я. Рыхлик</i>)	77
Глава 7	
Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии (<i>Д. Губены, Н. Круглова</i>)	86
Глава 8	
Инкорпорация Подкарпатской Руси в состав Чехословакии в 1919 г. в оценках русинских деятелей и чешских чиновников (<i>К.В. Шевченко</i>)	96
Глава 9	
Юридическая интерпретация связи Подкарпатской Руси с Чехословакией в толковании Вратислава Калоусека (<i>Б. Ироусек</i>)	115

Глава 10

- Возникновение чехословацкой дипломатической службы
(*Я. Немечек*) 123

Глава 11

- Установление отношений Чехословакии с Советской Россией.
Дипломатия и решение проблемы репатриации (*Э. Ворачек*) 134

Глава 12

- Чехословакия и вопрос о признании Советской России
в начале 1920-х гг. (*Е.П. Сератионова*)..... 148

Глава 13

- Новые архивные документы,
касающиеся современных чешско-российских отношений,
в Национальном архиве в Праге
(*Й. Кржестян, Я. Кагуда, Л. Клочкова*) 163

Глава 14

- Конец Первой мировой
и видоизменения творческих ориентиров
в литературах западных и южных славян (*Л.Н. Будагова*) 168

Глава 15

- Границы, речевые стратегии и семиосфера
(Конец империи в чешской литературе) (*В. Папоушек*) 178
- Сведения об авторах 190

Contents

Foreword	7
Chapter 1	
T.G. Masaryk’s Book “World Revolution”: Urgency of New Reading (<i>Ella G. Zadorozhnyuk</i>)	9
Chapter 2	
Slavism as a Pillar of the Emerging Czechoslovak State (Idea, Ideology and Statehood) (<i>Radomír Vlček</i>)	26
Chapter 3	
The Divergence of Czech Society with Austria-Hungary During the First World War (<i>Jan Bílek</i>)	45
Chapter 4	
The Influence of the First World War on the Internal Political Development of Russia from the Point of View of Czechoslovak Legionnaires (<i>Lubica Harbuřová</i>)	56
Chapter 5	
The Destinies of the Russian Emigrants of the “First Wave” in Czechoslovakia (<i>Efim I. Pivovarov</i>)	69
Chapter 6	
The Fall of Austria-Hungary and Ethnic Problems of the New Successor States (<i>Jan Rychlík</i>)	77
Chapter 7	
The Accession of Subcarpathian Rus to Czechoslovakia (<i>David Hubený, Nadezhda Kruglova</i>)	86
Chapter 8	
The Incorporation of Subcarpathian Rus as a Part of Czechoslovakia in 1919 in the Estimates of the Ruthenian figures and Czech Officials (<i>Kiril V. Shevczenko</i>)	96

Chapter 9

- Legal Interpretation of the Connection
between Subcarpathian Rus and Czechoslovakia
as interpreted by Vratislav Kalousek (*Bohumil Jiroušek*) 115

Chapter 10

- The emergence of the Czechoslovak diplomatic service
(*Jan Němeček*) 123

Chapter 11

- The Establishment of Czechoslovak Relations with Soviet Russia.
Diplomacy and the Solution to the Problem of Repatriation
(*Emil Voráček*) 134

Chapter 12

- Czechoslovakia and the Issue of Recognition of Soviet Russia
in the early 1920s (*Elena P. Serapionova*) 148

Chapter 13

- New Archival Documents
Relating to Modern Czech-Russian Relations
in the National Archives in Prague
(*Jiří Křesťan, Jan Kahuda, Lenka Kločková*) 163

Chapter 14

- The End of World War the First
and Reflections of Creative Landmarks in the Literatures
of the Western and Southern Slavs (*Ljudmila N. Budagova*) 168

Chapter 15

- Borders, Speech Strategies, and the Semiosphere
(The End of The Empire in Czech Literature) (*Vladimír Papoušek*) 178
- Information about authors 190

Введение

В 2018 г. в связи со столетней датой окончания Первой мировой войны, Институтом Славяноведения РАН, Венгерским культурным центром и Комиссией историков и архивистов РФ и ЧР была организована и проведена международная конференция под названием «Конец Первой мировой войны, распад империй и образование новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе». После доработки докладов, часть из них была опубликована в виде журнальных статей, а материалы, касающиеся образования Чехословакии и подготовленные преимущественно членами двусторонней комиссии историков и архивистов России и Чехии по традиции было решено опубликовать отдельной книгой.

В 2020 г. исполнилось 25 лет с начала работы совместной комиссии историков и архивистов РФ и ЧР. За это время в рамках заседаний комиссии проведено более 10 международных конференций, все материалы опубликованы, в виде сборников статей.

Коллективная монография, представленная вашему вниманию, является результатом труда чешских, словацких и российских авторов — историков, архивистов и литературоведов, профессионально занимающихся историей и культурой Чехии и Словакии.

Авторы сосредоточили внимание на последствиях Первой мировой войны — революционных событиях в России, изменении европейских границ, распаде Австро-Венгерской и Российской империй, строительстве новых государств и формировании их границ, в частности, Чехословацкой республики. Особо подробно освещена проблема вхождения Подкарпатья в состав ЧСР (причины, условия, оценки). Авторы книги обратились к идейным основам создания чехословацкого государства, славянской идее, идейному наследию первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика, его восприятию мировой революции, ее влияния на последующее европейское развитие.

Отдельная глава посвящена решению национального вопроса внутри нового чехословацкого государства и связанным с этим проблемами.

Помощь чехословацкого правительства русским эмигрантам, вынужденным покинуть родину после революции, когда-то была камнем преткновения в двусторонних чехословацко-советских отношениях. Теперь она рассматривается историками как гуманитарный акт и политика, сближавшая чехов, словаков и русских в условиях послевоенной, послереволюционной действительности.

История дипломатии, установления и развития двусторонних отношений между ЧСР и Советской Россией / СССР — еще одна проблема, поднятая в книге. С вопросом двусторонних отношений связано и восприятие революционной России чехословацкими легионерами.

Одна из глав монографии, подготовленная чешскими архивистами, повествует о коллекции документов по истории российско-чехословацких отношений, доступных исследователям в Национальном архиве в Праге.

Как отразились судьбоносные события конца Первой мировой войны, революций, распада государств и создания новых государственных образований в чехословацкой литературе, показано в двух заключительных главах, написанных литературоведами.

Книга публикуется на русском языке. Редколлегия выражает глубокую благодарность коллегам, взявшим на себя труд по переводу с чешского, словацкого и английского языков.

Редколлегия

Труд «Мировая революция» Томаша Гаррига Масарика: настоятельность нового прочтения

Двухтомный труд Томаша Гаррига Масарика о мировой революции¹, в котором изложена, главным образом, предыстория образования независимой Чехословакии, посвящен ключевым событиям того времени — февральской и октябрьской революциям в России в 1917 г. и формированию чехословацкого корпуса в 1918 г.² Недавно отмечавшаяся столетняя годовщина этих событий, а вслед за ней и вековой юбилей Версальского договора — возможность еще раз перечитать и по-новому оценить основоположения этого труда Масарика.

Книга вышла в 1925 г. на чешском и русском языках; последовало еще несколько переводов на иностранные языки. Мы упомянем лишь украиноязычный, интересный в свете современной истории Украины. Он вышел к 80-летию президента с разрешения его канцелярии. Переводчик — инженер М. Саевич — во введении к книге представляет Масарика как «искреннейшего друга» украинского народа; «пример величайшего Славянина; образец великого человека интеллекта, труда и достоинства и неустанного борца за честность, правду и гуманность»³. Он пишет, призывая извлечь уроки из трудов и политических действий Масарика: «Все диаметрально противоположные результаты нашего и чешского народов наглядно видны именно при сравнении наших и чешских усилий по обрете-

¹ Т.Г. Масарик. Мировая революция. Воспоминания. Авторизованный перевод Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. Т. I. Прага, 1926. 245 с.; Т. II. Прага, 1927. 390 с. В 2018 г. он был опубликован в издательстве «Вече» без предисловия, комментариев, именного указателя и даже упоминания переводчика.

² См.: Серапионова Е.П. К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011. С. 120–136.

³ Масарик Т.Г. Світова революція за війни й у війні. Львів, 1930. Ч. 1–2. Т. 1. С. VI.

нию государственной независимости»⁴. Идеи Масарика вызывают интерес у исследователей и политиков-практиков других славянских народов, особенно в кризисные для них времена.

Надо сказать, что произведение Масарика «Мировая революция» в его родной стране воспринималось по-разному. Одно дело — 1928 год, когда Чехословакия входила если не в пятерку, то в десятку наиболее развитых на то время стран мира, другое — 1938 год, когда при преступном попустительстве стран Запада Германия оккупировала часть Чехословакии (поживились и ее соседи, включая Венгрию и славянскую Польшу). Совсем иные ситуации складывались в 1948, 1968, 1988–1989 гг. Сейчас говорить о «русском вкладе» в освобождение и восстановление Чехословакии в ЧР считается «дурным тоном». По-новому в Чехии и Словакии, равно как и в России, книгу следует перечитать и сегодня, в период острого идеологического противостояния после выборов в нижнюю палату чешского парламента 2017 г.

Книга создавалась на основании отрывочных записей; многие были потеряны в ходе весьма нелегких перемещений уже далеко не молодого мыслителя и политика Т.Г. Масарика, фактически обогнувшего в 1916–1918 гг. земной шар за два года до своего 70-летия. Сам он, в частности, об этом писал так: «Буду говорить лишь об основном. В то время было столько работы, что я не мог писать подробного дневника: я делал лишь краткие заметки, в большинстве случаев заносил лишь пароли и имена. Делалось это также из опасения, что записи могут попасть во враждебные руки. Я должен был быть всегда готов к тому, что мои записки пропадут (была сделана попытка их выкрасть) и потому я не имел права компрометировать лиц, с которыми встречался. По этой причине, теперь даже мне самому мои личные записи не всегда ясны, многие детали должны были выпасть»⁵.

Все же данный труд отличается цельностью и продуманностью, а главное — утверждением ценностей гуманизма и демократии в духе идеал-политики. Это видно из начальной главы «Завет Коменского» и заключительной — «Демократия и гуманизм». Седьмая

⁴ Масарик Т.Г. Світова революція... Ч. 1–2. Т. 1. С. IV; на украинском языке: «змагань за державну самостійність».

⁵ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания... Т. I. С. 6.

глава, названа, можно сказать, не без парадоксальной причудливости: «Американская демократия. *Finis Austriae*» — как будто именно американским гуманизму и демократии пришлось обеспечить и констатировать смерть Австро-Венгерской империи.

Но при этом — вольно или невольно — на передний край повествования о достижении независимости страны выступает Россия с ее революциями 1917 г. и анабазисом чехословацкого корпуса, во многом благодаря которому материализовалась мечта о свободной стране в самом центре Европы. При этом автор книги отводит ключевую роль в обретении независимости Чехословакии странам Запада, а вторичную — революционным событиям, имевшим место у мощного восточного соседа. Заключительные слова второго тома труда Масарика говорят об этом однозначно: «Таким образом, ответ на вопрос, поскольку нас освободила Россия и поскольку западные союзники, не может быть неясным. Русская часть в освобождении меньше, гораздо меньше западной»⁶. Остается добавить, что слово «поскольку» нужно трактовать словами «в какой мере».

Ниже Масарик называет одну из причин этого, тщательно проанализированную ранее в трехтомнике «Россия и Европа»: «Россия, царская и официальная Россия, была не славянской, а византийской»⁷. Поэтому и революция здесь не могла быть подлинно демократической, а большевики, пришедшие к власти, носили в себе черты все того же византизма. Тем самым, Масарик высказывает свое мнение: с какой-де стати России, даже считающейся республиканской, было заботиться о появлении демократических славянских государств на территории бывших империй? Вот профессор Вудро Вильсон с его 14 пунктами — совсем другое дело, тем более, что он тщательно советовался по этому поводу с другим профессором — самим Масариком и стремился сотрудничать (правда, не совсем удачно) еще с одним профессором — Павлом Николаевичем Милюковым (так он его именовал в беседах с К. Чапеком)⁸.

⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания... Т. 2. С. 241.

⁷ Там же.

⁸ Официально Милюков был приват-доцентом Московского университета в 1886–1892 гг., пока не был лишен права преподавания по решению своего коллеги профессора В. Ключевского по политическим мотивам. Масарик стал экстраординарным профессором Пражского университета по философии в 1882 г.; Вильсон в 1900 г. был избран профессором юриспруден-

Подобное смещение акцентов в книге Масарика обнаружить не так уж трудно и в других ее частях, связанных с обсуждением и осуждением революции 1917 г. в России. Правда, человеку, который столь строго и убедительно разоблачал самодержавие в канун его 300-летия в трехтомнике «Россия и Европа», негоже было клеймить заодно и народ, его свергнувший, даже если этот народ в ходе революции выбрал большевиков В. Ленина с Л. Троцким, а не эсеров и В. Чернова с Б. Савинковым и тем более не кадетов с Милоковым и профессорами П. Новгородцевым и П. Струве, позднее приглашенных президентом Чехословакии в рамках начатой им «Русской акции помощи». Одна из представителей эмиграции Е.Д. Кускова очень проницательно заметила, что «разгадку потрясений», охвативших Россию, Масарик «хочет найти отчасти в характере русских вождей»⁹ — в ходе как прямых, так и опосредствованных контактов с ними.

При этом он стремился избегать жестких моралистических оценок участников текущих событий, подчеркивая крайнюю противоречивость революции в России и связывая ее с идеей революции мировой. Он подчеркивал сложность мотивации каждого из своих исторических противников либо соратников в борьбе за государственную независимость Чехословакии. В этом плане особенно интересны его оценки настоящего и будущего своей страны и всего мира как с позиций идеал-политика, признававшего высшими ценностями демократию и гуманизм, так и реал-политика, который ради достижения своих целей шел на контакты с любыми силами в самых сложных обстоятельствах.

В статье под «идеал-политиком» подразумевается государственный деятель, руководствующийся в своей деятельности идеальными мотивами, в случае Масарика — идеалами гуманизма и демокра-

ции в Принстонском университете, который возглавлял в качестве ректора в 1902–1910 гг. Правда, по западноевропейским стандартам Милоков считался именно профессором; кроме того, он в конце 1890-х гг. заведовал кафедрой в Софийском университете, откуда тоже был уволен по требованию царского правительства, а в 1920 г. возглавил Совет профессоров в Франко-русском институте в Париже. Такое «вторжение» профессуры в высшую политику — сам по себе весьма интересный феномен, нуждающийся в особом анализе.

⁹ Кускова Е.Д. Томаш Гарриг Масарик и русская интеллигенция // Современные записки. Париж, 1930. № 42. С. 409.

тии, так или и иначе, по его убеждению, призванными победить реалии теократических режимов¹⁰.

Следует добавить, что идеал-политик не только провозглашает приоритет идеалов, но и реализует их, не считаясь со сложностями и потерями. Это не обязательно этически «хороший» политик, с ним могут быть связаны социально-деструктивные действия. Так, более всего приближающийся к положительному образу идеал-политика индийский царь Ашока (304–232 г. до н.э.) проводил идею мира, исходя из высших ценностей буддизма. Он объединил Индию, но не навязывал силой свою религию приверженцам других конфессий. Крайне «плохой» идеал-политик — римский император Нерон (37–68 н.э.) — считался «отцом отечества», но известность приобрело его выражение о том, что он хотел бы видеть римский народ имеющим одну голову — тогда можно было бы «идеально» отрубить ее единым ударом.

Более точны характеристики реал-политика, которые даются не только историками, но и представителями других социальных наук. Термин «реал-политика» (от немецкого «die Realpolitik»), введен в 1853 г. историком Л. фон Рохау) употребляется достаточно часто, упоминает его и классический носитель — фон Бисмарк, превративший Германию в империю. Конечно, и он руководствовался высокими ценностями, одна из которых — объединение Германии (как для Масарика высшей ценностью являлась единая Чехословакия). Идеалом для Бисмарка была монархия, а для Масарика — республика, хотя последний не пренебрегал диктаторскими полномочиями и не боялся признаваться в этом. Но в историю создатель Германской империи вошел именно как реал-политик¹¹.

Прибегая к понятиям идеал-политик и реал-политик, отметим, что они соотносятся во многом с тем, что социолог М. Вебер назвал «идеальными типами». Это — мыслительные конструкции, характеризующие некие культурно-исторические объекты или субъекты, являющиеся полновесным выражением определенных ценностей; они — скорее, исследовательский инструмент, чем отражение реальности.

¹⁰ См.: *Задорожнюк Э.Г.* Томаш Гарриг Масарик о старой и новой России в труде «Мировая революция» (К 170-летию со дня рождения) // Славянский альманах. 2020. В печати.

¹¹ Там же.

Если перечитывать книгу «Мировая революция» под этим углом зрения, то изображенные в ней лица, в первую очередь его коллеги по профессорскому званию, часто предстают в некоем двойственном свете. Но Масарик не случайно был великим идеал- и реал-политиком одновременно, оптимально сочетавшим эти составляющие в своей подвижнической деятельности по созданию новой республики в центре Европы на развалинах Австро-Венгерской империи. Опасения относительно дальнейшей судьбы «малых народов» (термин самого Масарика) высказывались им неоднократно. Остается добавить, что эти опасения были оправданы.

Во времена же работы над трудом «Мировая революция» неприязнь Масарика к марксизму и особенно ленинизму, зафиксированная еще в книге «Россия и Европа»¹², не помешала ему рассмотреть реальную ситуацию: народ России предпочел власть большевиков любой другой — и в этом предпочтении он был непоколебим. Масарик также признал, что новая Россия делала для достижения независимости Чехословакии гораздо больше, чем Россия старая. Правда, отношения с большевистской властью были Масариком надолго заморожены, и мотивация такой заморозки просматривается в книге «Мировая революция» (особенно в эскизных, часто в двух — трех предложениях портретах революционеров и их противников)¹³. Прежде чем перейти к их рассмотрению в ракурсе соотношения идеал- и реал-политики, нужно хотя бы кратко припомнить ход событий в России и оценить роль Масарика в них.

¹² Подробнее см.: *Абрамов М.А., Задорожнюк Э.Г., Малевич О.М.* Томаш Гарриг Масарик: жизнь, дело, учение // Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 2. СПб., 2004. С. 588–655.

¹³ Революция 25 октября резко сменила приоритеты активности Масарика: «о войне до победного конца» пришлось забыть, и в то же время ее продолжать на других фронтах. Масарик перебрался в Москву, а затем в Киев, а переписываться теперь пришлось уже не с Милюковым, а с Г. Плехановым и, правда, опосредованно, даже В. Лениным — «величайшим радикалом, пришедшим к власти» (*Масарик Т.Г.* Мировая революция. Воспоминания... Т. 2. С. 323). Так Масарик именует Ленина во втором томе, но в томе первом называет его человеком, который «часто признавал, что делаются ошибки и что нужно учиться» (Там же. Т. 1. С. 201). Перечитывать характеристики Ленина как человека подлинно рискованного (каковым был и сам Масарик, а если учитывать его тогдашний возраст — то даже более рискованным) в желании устроить революцию и ввести систему советов, которая «есть не что иное, как расширение примитивных русского мира и артели» (Там же. С. 204), крайне интересно. Однако следов ни переписки, ни прямых контактов с вождем революции в книге о революции мировой обнаружить не удалось.

Масарик допускал, что относительную самостоятельность Чехословакия могла получить еще в конце 1916 г., когда по велению нового императора Карла I Австро-Венгрия могла бы превратиться в тройственную державу. Однако весной 1917 г. после Февральской революции в Российской империи ситуация изменилась — и для Масарика местом ожидания тоста за независимость Чехословакии стала уже новая Россия. Но провозглашение независимого государства состоялось в Америке; там Масарик получил радостную весть о распаде империи, а затем о своем избрании президентом республики.

Еще в Меморандуме от 7 марта 1917 г., составленным представителями Чешско-Словацкого национального войска в России, будущий президент приветствовался как «временный диктатор самостоятельного государства». В этом документе Чешско-Словацкий Национальный Совет в Париже, председателем которого был Т.Г. Масарик, совсем не случайно именовался «временным правительством» — по аналогии с таковым в России. Меморандум был написан на русском и чешском языках и заканчивался словами: «Да здравствует независимая Чехия и Словачина, да здравствует ее диктатор проф. Масарик!». Документ был подписан так: «Действующая армия»¹⁴. Особо примечательно, что солдаты выдвигали на «трон» философа; в России кандидаты в диктаторы — Л. Корнилов и А. Керенский — появились несколько позднее.

Как идеал-политик Масарик такого своего статуса не одобрял, но как реал-политик понимал, что данное «назначение снизу» было важно для консолидации сил новой полиэтнической нации. 17 лет спустя П. Струве в статье «80-летие Т.Г. Масарика» отмечал, что «в формальной роли избираемого на срок президента республики Масарик приблизился к положению пожизненного монарха своей страны»¹⁵, осуществляя тем самым завет чешских и словацких солдат в Киеве.

Как раз в это время Масарик находился в Англии, в Оксфорде, откуда отправлял телеграммы новым членам Временного правительства: князю Г. Львову, профессору П. Милюкову. Будучи мини-

¹⁴ См.: *Айзнуэвит К.* Масарик в революционном Петрограде. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/masarik-v-revolucionnom-petrograde> (дата обращения: 1 сентября 2018 г.).

¹⁵ Россия и славянство. (Париж). 1930. 8 марта.

стром иностранных дел, тот заблокировал проект решения военного министра А. Гучкова, предполагавшего использовать пленных чехов и словаков на заводах и фабриках в качестве рабочих. Масарик, конечно, понимал, что подобная «бесхозность» пленных недопустима — и отправился в Россию, надеясь на содействие своего коллеги-профессора и одновременно ориентируясь на поддержку Франции. Он предполагал, что, по крайней мере, «30.000 пленников и среди них несколько тысяч югославян» должны быть отправлены во Францию. «Часть пленников, — пишет он, — должна была работать во Франции на заводах». Вот такой выбор: можно работать во Франции, но не в России... И еще: «Мы завели французскую дисциплину»¹⁶ — имеются в виду первоначальные воинские формирования чехов и словаков в России.

К середине 1930-х годов эти упования на Францию не ослабевали, хотя год спустя после кончины Масарика страна подписала Мюнхенское соглашение. Англия с островной осмотрительностью поддерживала планы создания нового государства, которое, согласно британскому геополитику Х.Д. Маккиндеру, могло служить лишь буфером в противостоянии России и Германии — под контролем «морских держав»¹⁷. Правда, упования на нее в 1938 г. тоже остались тщетными.

В труде «Мировая революция» мотивация поездки в Россию изложена так: «Первые сведения о русской революции были неопределенные и невероятные: я боялся ее с самого начала и все же, когда она пришла, я был неприятно удивлен — какие будут последствия для союзников и для всего хода войны? Когда я получил более подробные сведения и кое-как ориентировался, я послал 18 марта Милюкову и Родзянко телеграмму, в которой выражал свое удовольствие по поводу переворота. Я выдвинул вперед славянскую программу; это подчеркивание в данном положении не было лишним ни для России, ни для Запада. Мне было не легко говорить о плане

¹⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 186.

¹⁷ Подробнее см.: *Задорожник Э.* Взгляды британского геополитика на славянский вопрос (К 100-летию выхода книги Х.Д. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность») // Портал «Перспективы». 23.10.2019. URL: http://www.perspektivy.info/misl/cenn/vzglady_britanskogo_geopolitika_na_slavanskij_vopros_k_100-letiju_vyhoda_knigi_kh_d_makkindera_demokraticeskije_idealny_i_realnost_2019-10-23.htm

союзников освободить угнетенные народы и усилить демократию, в то время, когда я знал, что один из союзников — царская Россия, — не слишком заботился о демократии и свободе; поэтому теперь, после революции, я мог сказать, без всяких оговорок, что свободная Россия имеет полное право провозглашать свободу славян. Я кратко формулировал славянскую программу следующим образом: единение Польши в тесном союзе с Россией, единение сербов, хорватов и словинцев и, конечно, освобождение и единение нас — чехов и словаков. К этому я добавил, что дело касается не только нас славян, но и латинских народов — французов, итальянцев и румын и их справедливых национальных идеалов»¹⁸. К этому во многом и сводился «*Finis Austriae*», описанный в книге о мировой революции, в которой содержатся призывы к идеалам гуманизма и демократии в американском представлении.

Вскоре Милуков своего поста лишился, формирование чехословацких военных сил ускорило лишь летом 1917 г. после сражения у Зборова («тесный союз» Польши с Россией обернулся в 1920 г. кровопролитной войной между ними). Правда, как реал-политик Масарик сдержанно относился к попыткам втянуть чехословацкие войска во внутренние дела России.

Нужно заметить, что дискуссии о позиции Масарика относительно поведения легионеров в условиях Гражданской войны в России продолжают и сегодня. При этом оценка роли легиона колеблется от «освободителей» до «интервентов»¹⁹.

Что касается более ранних и более общих оценок, то в послесловии ко второму тому книги «Россия и Европа» приведена характе-

¹⁸ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 146–147.

¹⁹ Один из диспутантов, характеризуя участие легиона (точнее — корпуса) в Гражданской войне, отмечает: «После устранения даже гипотетической угрозы со стороны Советской власти и взятия под контроль Транссибирской магистрали на всем ее протяжении чехословацкий легион двинулся не к Владивостоку, а, напротив, к Волге где стал основой фронта военных действий против Советской России» (См.: Соколов Б. Чехословацкий легион: освободители или агрессоры? // Свободная мысль. 2018. № 1. С. 51). Его ответ однозначен: агрессоры — и на этом основании он отрицательно относится к установлению памятных знаков в честь легионеров, призывая к сохранению лишь памятных мест на кладбищах. Но и этот автор признает осмотрительность Масарика, призывавшего к невмешательству во внутренние дела России, подтверждая в этом плане его характеристику как пронципального реал-политика.

ристика позиции Масарика монархистом В. Шульгиным²⁰, который упоминается и в труде «Мировая революция». В. Шульгин считал Масарика «фактором создания» Чехословакии, который при этом «игнорировал (и даже ненавидел) другой фактор — Россию»²¹. Суждение это конечно же не совсем справедливо: перед русской культурой Масарик преклонялся. Эти прямолинейные и им подобные оценки высказывались людьми, идеологически ангажированными. Что касается оценок самой книги, то Масарик старался избегать крайностей в политике.

С. Мельгунов в статье «Чешский патриот о войне и русской революции» считал: хотя Масарик близок и дорог русской демократии, все же ряд мест его книги можно читать лишь с горечью. Дело в том, что он вынес «обвинительный акт против России. И не только России царской, но и России народной». Особенно возмутили автора статьи слова Масарика: «и большевистская революция нам не повредила»²².

Избавиться от горечи автору приведенных здесь цитат из статьи удалось бы в какой-то мере, если бы он внимательнее вдумался в два первых слова в ее названии: чешский, а затем чехословацкий патриот, да еще заявлявший о своей любви к России, не мог не выбрать как раз взвешенной линии в оценке судьбоносных преобразований, включая революционное стремление построить Россию новую. Ведь именно с позиций чешского патриотизма Масарик, защищавший устои жизни «малых народов», адекватно и, можно сказать, релевантно, излагает ключевые моменты и фигуры русской революции. Прочтение труда «Мировая революция» побуждает адекватно оценивать государственную мудрость мыслителя и политика, президента новой страны и возможного кандидата в лидеры Соединенных штатов Европы (по убеждению, к примеру, всемирно известного драматурга Б. Шоу).

²⁰ Политика, принявшего отречение царя, следует отличать от министра иностранных дел Украины А. Шульгина, с которым Масарику пришлось иметь дело напрямую.

²¹ *Абрамов М.А., Задорожнюк Э.Г., Малевич О.М.* Указ. соч. С. 601–602.

²² *Мельгунов С.П.* Чешский патриот о войне и русской революции (По поводу воспоминаний Т.Г. Масарика) // *Голос минувшего на чужой стороне.* Париж, 1926. № 1. С. 263, 265.

Еще один ключ к расшифровке принципов видения в рассматриваемом труде идеал- и реал-политика Масарика роли России в становлении независимой Чехословакии — его зарисовки деятелей революции в ракурсе соотношения и у них идеал- и реал-политики.

Правда, важнейшую роль в создании независимой Чехословакии Масарик отводил президенту США, а до этого профессору юриспруденции: «Значение антиавстрийского решения Вильсона наш народ хорошо и по собственному душевному побуждению оценил»²³. Отсюда появление в европейских странах множества зданий, улиц, площадей и учреждений, носящих и сегодня его имя. Сам Масарик уподобляет его А. Линкольну — освободителю от рабства, но все же — с позиций реал-политика — отмечает: «Для американца Вильсон является более теоретиком, чем практиком»²⁴. Действительно, еще один профессор экономист Дж. Кейнс утверждал, что Вильсона вводили в заблуждение «победители» Ж. Клемансо и Д. Ллойд-Джордж; это убедительно изложено в его труде об экономических и политических последствиях Версальского мира, который немедленно повелел перевести на русский язык В. Ленин²⁵.

Все же нельзя не отметить, что именно Вильсон как ультра-идеал-политик не позволял этим ультра-реал-политикам «додумать» Германию и установить «тотальный контроль» над государствами, появившимися или укрепившимися вследствие распада Австро-Венгрии. Если бы его послушались, шансов на реванш Германии было бы гораздо меньше — и в этом плане идеал-политика американского президента оказалась бы как раз лучшей реал-политикой. Масарик смотрел на вещи гораздо трезвее, но тоже не отказывался от ценностей идеал-политики в оценке того же Версальского мира. Эти обобщенные оценки, как представляется, носят одновременно и ретроспективный, и перспективный характер на время написания книги.

Вильсон на Версальской конференции проявил чрезмерное благодушие и оптимизм относительно мирного будущего Европы. Масарик не позволял себе критики в отношении к этому оптимизму,

²³ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. II. С. 125.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ См.: Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. М., 1922.

но и тревога за судьбы вновь созданных государств его не покидала. Действительно, Запад при попустительстве США через год после его смерти предал Чехословакию, чего Вильсон никак не мог бы представить и что Масарик предчувствовал, никогда не сбрасывая со счетов Россию, какой бы — «византийской» в царском или большевистском варианте — она ни была.

Итак, окончательную роль в «прыжке» Чехословакии к независимости, по его убеждению, сыграл американский президент: «Именно ответ Вильсона подействовал разлагающе на Австро-Венгрию, поднял настроения у нас дома»²⁶. Пользуясь реверсивным выражением римского императора Цезаря, можно, однако, утверждать, что Вильсон «не дошел» (хотя войска США сыграли немалую роль в победе над Германской империей), «не увидел» (хотя свел личное знакомство с будущим президентом Чехословакии), но «победил!» Поэтому, как писал в этом труде Масарик, «и у нас в конце концов победила идея, победили идеалисты, а не хитрецы»²⁷. Что не удалось Хельшицкому и Жижке, а позднее «Омладине», то удалось «малому народу» и заграничному движению, приведшему в страну легионы, равно как «умелому осуществлению переворота в момент, когда Вена капитулировала перед Вильсоном»²⁸. Так — и не иначе. Примечательно, что данными словами заканчивается историческая часть труда «Мировая революция», а за нею следует самая большая (стостраничная) в книге глава «Демократия и гуманизм» — с прославлением этих ценностей, так сказать, по благословению заокеанского идеал-политика. Характерно, что в вышедшей в 1926 г. книге «Великие люди» Масарик включил в их число вслед за Ф. Достоевским и Л. Толстым именно В. Вильсона, указав, что тот «провозгласил веру в народ и доверие к нему как основу демократии против монархизма и аристократии»²⁹.

Профессор Милюков также вызывал симпатии у Масарика. Масарик с Милюковым состоял в дружеских отношениях³⁰. Сам же

²⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. II. С. 242.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 248.

²⁹ См.: Masaryk T.G. Velicí mužové. Vybral V.K. Škrach. Praha, 1926. S. 188.

³⁰ Подробнее см.: Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик и русские эмигранты в ЧСР // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 63.

Милюков в очерке «Мои встречи с Масариком» писал, что его портрет с надписью «Своему другу» висел в его кабинете, что между ними и до, и после 1917 г. велись душевные беседы. Однако в приводимых в этих же воспоминаниях выдержках из письма Милюкову в Ростов, Масарик отмечал, что «он не ждет успеха ни от кадетов, ни от эсеров» и что «власть большевиков продлится дольше, нежели ожидают их противники»³¹. Они знакомились с трудами друг друга и встретились в 1916 г. в Англии. «Удивительная игра судьбы»³², согласно Масарику, что первый стал министром иностранных дел уже в 1917 г. Но, как отмечено выше, Милюков лишился поста еще до прибытия Масарика в Петербург, а затем допускал возможность переговоров с немцами, что ставило под угрозу дело самостоятельности Чехословакии.

В труде «Россия и Европа» Масарик, характеризуя выступление Милюкова как критика царского режима, все в том же Лондоне в 1909 г., отмечал факт его осцилляции между «оппозицией его величеству» и «оппозицией его величества». Первой позиции придерживались революционеры, Милюков же признавал, что приемлемо «только нормальное политическое развитие»³³. Масарик рассматривал такую точку зрения как весьма здравую и был уверен, что встреча с коллегой по профессорскому званию поможет делу становления независимости Чехословакии. Милюков, не удержавшись на своем посту, в дальнейшем стал врагом советской власти. Однако он невольно поддержал ее линию на мир с Германией и, по крайней мере, в этом моменте, составил, образно говоря, оппозицию большевистского правительства, скорее, чем оппозицию ему. Поэтому и контакты между двумя профессорами-политиками в дальнейшем интенсивностью не отмечались, а местом своего пребывания в эмиграции Милюков выбрал Париж, а не Прагу, в отличие от многих его соратников по руководству партией кадетов (включая, к примеру, профессоров П. Новгородцева и П. Струве).

³¹ Последние новости. Париж, 1937. 21, 23 сентября.

³² Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 197. Встречаясь в 1916 г. с Э. Греем, министром иностранных дел Великобритании, Милюков просил его оценить «чешские ожидания Масарика». Тот ответил, что и тут «компетенция должна принадлежать России». Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. М., 2015. С. 779.

³³ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. II. С. 456.

Правда, в Прагу Милуков приезжал достаточно часто, выступая там с лекциями и в дискуссиях.

Такой реал-политики Масарик не принимал. Как раз после подобных маневров Милукова, а не из-за русофильства/русофобства и ненадежности большевиков, он «еще больше укрепился во взгляде не путаться в русские внутренние дела, вытекающие из революции»³⁴. Это крайне примечательное суждение. Реал-политик Масарик в своем труде трезво замечает, что большевики отнюдь не были германофилами, а немцы большевикам не доверяли³⁵ — как раз во времена Брестского мира.

Что же касается вождей и противников Октябрьской революции, то их он судит, в первую очередь, анализируя ситуацию как реал-политик: «Я следил шаг за шагом с самого начала за Ленинским (так в оригинале. — Э. З.) направлением»³⁶. А далее следует жесткая критика лидера большевиков за его идейный примитивизм. Ленин говорил, что нужно учиться — казалось бы, истина сомнений не вызывает тем более, что это же всю сознательную жизнь повторял и сам Масарик. Однако он же утверждал: «большевистская полубразованность хуже, чем полная безграмотность»³⁷.

Ленин предвидел реальный исход Брестского мира; именно он проявил здравый политический инстинкт, проводя корабль новой России между Сциллой «врагов» — Центральных держав и Харибдой «друзей» — стран Антанты. Он же мобилизовал на революцию новые страны (к примеру, Венгрию и часть Чехословакии в 1919 г.), появившиеся в Европе. Это в латентных формах Масарик как раз признает. Он подчеркивал, что Ленину постоянно следовал Троцкий, ратовавший в целом за связь с союзниками и выступавший против немцев даже во времена Брестского мира, но все же в целом ориентировавшийся на интересы России, не особо связывая их со всемирной революцией³⁸.

Надо сказать, что Масарик еще за 30 лет до написания книги «Мировая революция» сделал попытку создать психологические

³⁴ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 197.

³⁵ Там же. С. 218.

³⁶ Там же. С. 199.

³⁷ Там же. С. 202.

³⁸ Там же. С. 217.

портреты лидеров французской революции. В книге «Культе разума и высшего существа», написанной на основе работ 1894 г., он пишет о Робеспьере: «Робеспьер при всем своем фанатизме был демагогом. Он был достаточно расчетливым и не без хитринки. Он не был великим, о чем свидетельствует не только его конец, но и все его деяния. С неуёмным упорством и софистической изобретательностью он все время стремится быть впереди, хочет, чтобы его обожествляли»³⁹. Такого рода соображения просматривались и в оценках деятелей новой революции, но Масарик, прежде всего, оценивает их, в первую очередь, как реал-политиков.

Так, что касается И. Сталина, то именно он, по словам Масарика, в наибольшей степени был знаком с проблемами чехословацких воинских объединений. Во-первых, он, по указаниям Ленина, одобрил совместные операции чехословацких частей и частей Красной армии в противостоянии немцам при Бахмаче в марте 1918 г. Во-вторых, именно ему пришлось озвучить позицию Совнаркома, который «желает им [чехам и словакам] помочь всеми силами на русской территории»⁴⁰. Как раз поэтому Сталин предстает в изображении Масарика бóльшим реал-политиком, чем Ленин и Троцкий.

Все сказанное демонстрирует сложность задачи, которую пришлось решать Масарику в прямых и непрямых контактах и с вождями революции, и с их противниками. Приводимые Масариком факты и тональность их оценки позволяют утверждать, что он в принципе не был настроен на борьбу с большевизмом как бы сильно не ненавидел его. Такого «греха» Масарику не прощали политические силы антибольшевистской направленности, этим же объясняется и менявшееся, включая сдержанное, отношение будущего президента Чехословакии к известному мятежу 1918 г. чехословацкого корпуса. Ясно, что эту провокацию устроили отнюдь не промасариковские силы, а если учесть весьма примечательное суждение Р.Б. Локкарта: «Как я желал бы теперь, чтобы президент Масарик находился в России в то тяжелое время! Убежден, что он никогда бы не дал санкций на сибирское восстание. Союзники послушались бы его и мы бы избежали этой чудовищной авантюры,

³⁹ Masaryk T.G. Kult rozumu a nejvyšší bytosti (1793–1794). Praha, 1934. S. 37.

⁴⁰ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 225.

которая обрекала на смерть тысячи русских и стоила миллионы фунтов золота британским налогоплательщикам»⁴¹, то контрпродуктивность поддержки мятежа виделась им как раз с позиций реал-политики.

Адекватно, на наш взгляд, оценивает Масарик и не столь крупные фигуры того времени — часто в форме полемической. Так, приводя следующее суждение: «Большевистский генералиссимус (левый эсер М. Муравьев, вскоре казненный теми же большевиками. — Э. З.) как-то уж слишком «очевидно» уступал мне»⁴², допуская консолидацию военных частей Чехословакии и ее сибирский анабазис. Масарик уточняет: скорее, этот бывший жандарм, а затем советский военачальник учитывал логику вещей, а не руководствовался благими пожеланиями.

Масарик участвовал в похоронах уважаемого им Н. Духонина в Киеве и посещал его вдову, считая, что генерал мог бы не только завершить войну, но и не допустить революционной катастрофы, не отменяя факта революции⁴³.

Наконец, Б. Савинков — яркая личность, отношения с которой отбрасывают на Масарика густые тени — вплоть до того, что будущий президент напрямую финансировал этого «террористического титана, ставшего Гамлетом» в покушении на Ленина. Правда, в беседах с К. Чапком президент жаловался на нехватку денежных средств для дела революции в Чехословакии⁴⁴. Следует отметить, что факт обещания и даже предоставления такой помощи в марте 1918 г. признается и современными исследователями, приводящими свидетельство Масарика о том, что средства-де были выделены для литературной работы Савинкова⁴⁵. Он встречался с Масариком в президентской резиденции в Праге в сентябре 1921 г. «Я, — пишет Масарик, — был разочарован: политически... он неправильно судил о положении в России и недооценивал силу большевиков»⁴⁶.

⁴¹ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера английской разведки. М., 2016. С. 287.

⁴² Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 199.

⁴³ Там же. С. 188.

⁴⁴ Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 94.

⁴⁵ Рыхлик Я. Т.Г. Масарик и гражданская война в России // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства. М., 2005. С. 15, 28.

⁴⁶ Масарик Т.Г. Мировая революция... Т. I. С. 219, 223–224.

В целом, можно утверждать на основании прочтения книги Масарика о мировой революции, что в его личности и деятельности по созданию независимой Чехословакии черты идеал- и реал-политика сочетались оптимально, в отличие от идеалиста Вильсона и реал-политика Миллюкова.

Э.Г. Задорожнюк
(Москва)

Славянство как опора формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность)

С сегодняшней точки зрения славянство является совокупностью мыслей и взглядов, состоящей из представлений о существовании чрезвычайно тесных связей между славянскими народами (славянская взаимность) и об их единстве (панславизм). Основой таким образом понимаемого славянства является концепция чрезвычайно узких языковых, литературных, исторических, этнографических, фольклорных, а также религиозных и политических связей, которые должны были быть присущи общностям, говорящим на славянских языках. Сослагательное наклонение «должны были быть» в определении славянства очень важно. Оно точно выражает присущее славянству в полной мере противоречие между реальностью в смысле существования действительных связей и его идеальным образом. Без более обстоятельного разбора добавим, что более обычным является второй вариант, более того, вариант, выступающий в роли сконструированной цели, в котором славянство превозносят как нечто исключительное, что обеспечит славянским народам отличное будущее⁴⁷.

Несмотря на это, можно говорить о том, что славянство затрагивает, а ранее это проявлялось еще более выражено, широкий культурно-цивилизационный контекст нашего существования, и что особенно в прошлом оно играло в жизни славянских народов, а значит и чехов, значительную роль. Реальным было прежде всего то, что при более точном определении называется культурным миром славянства. Вместе с этим, часто в понимании иных людей, чем те, которые отстаивали упомянутую форму славянства, проявлялись также политизированные взгляды, связывающие славянство с пред-

⁴⁷ Vlček R. Ruský panslavismus — realita a fikce. Praha, 2002. S. 248–255.

ставлениями о лучшей жизни. Эти взгляды принадлежали не только отдельным личностям или группам в форме кружков, клубов, союзов и политических партий, но и целым народам. Такое понимание славянства создавало политическое (политизированное), скорее желаемое, чем реально существующее славянство⁴⁸.

В обеих плоскостях, культурно-цивилизационной и политической, славянство было представлено широким спектром взглядов. От смутных представлений о существовании связей в определенных сферах жизни древних славян до утверждения о единстве современных славянских народов, т.е. панславизмом.

Славянство обосновывалось в первую очередь лингвистическими параметрами. На первом месте в нем стояли представления об очень близких родственных связях между славянскими языками. Отправной точкой являлось обожествление единого праславянского языкового корня. На этом было построено представление о близком родстве, а значит и сходности остальных областей жизни славянских общностей.

Основой и одновременно принципом славянства было создание образов самих себя. Речь шла о рефлексии выработанных стереотипов и гетеростереотипов, в которых были представлены и уточнены взгляды на различные проявления культурно-цивилизационной и политической славянской взаимности и славянское единство (панславизм). Эти стереотипы принадлежали не только чешской, русской или польской общностям, но и другим славянским народам. Это обуславливало их взаимовлияние, не объединяя, однако, славянство в единое универсальное направление мысли, присущее целому «славянскому миру».

Конкретные национальные формы славянства, так же, как и их вариации, в ходе времен обуславливал ряд факторов. Прежде всего речь шла о политическом развитии всего мира, а не только славянских стран. Еще одним значительным фактором была степень развития славянских народов и некоторые проявления их более медленного продвижения, чем у других народов. Нельзя оставить в стороне также и цели, идеализированные представления об эмансипации

⁴⁸ Vlček R. Místo a úloha slovanství v procesu formování moderního českého národa (realita a fikce) // 19. století v nás. Mýty, symboly, instituce, vzory chování a myšlení, které nás přežily / Ed. Milan Řepa. Praha, 2008. S. 175–192.

народов, профессиональных общностей или социальных групп, видящих в славянстве в большей или меньшей мере опору своих амбиций⁴⁹.

Славянство имело в целом глубокие исторические корни. В области языка они появились уже в Средние века, однако, более известными, явственными, а также разветвленными они стали в Новое время, начало которого датируется последними десятилетиями XVIII в. Причиной этого были новые идеи, принесенные миру Просвещением, и связанный с ними процесс формирования современной национальной идентичности, в традиционном историографическом узусе малых славянских народов обозначаемый как Национальное возрождение. Славянство стало его составной частью уже в самом начале, однако, не в качестве реальности, хотя многие адепты славянства утверждают это до сих пор, а в качестве фикции, создающей его вспомогательный мыслительный элемент, «костыль», и подчеркивающей, посредством обращения к мнимому существованию широкого славянского целого, те знаки национальной идентификации, которые до того момента не были у славянских народов достаточно выраженными и для самостоятельной национальной идентичности достоверными. К этому необходимо добавить, что этот «костыль» мог и даже был обязан (как это и было на практике), в представлениях своих создателей превратиться в грозный посох. Как некоторые исследователи подчеркивают, игра славянской картой, обычно русской, польской, югославской или других стран, например, чешской картой, должна была содействовать достижению целей, которые иначе были бы для обособленной славянской общности недостижимы⁵⁰.

И хотя процесс формирования идентичности имел для славянских общностей ряд сходных черт, так же, как и сходную последовательность, проявления славянства как опоры национального сознания не были у всех из них идентичными. Существенную роль в этом играло историческое развитие, в котором отсылка к славянской взаимности поддерживала медленно растущее строительство

⁴⁹ Hroch M. Hledání souvislostí. Eseje z komparativních dějin Evropy. Praha, 2018. S. 223–300.

⁵⁰ Vlček R. Slovanství, panslavismus a rusofilství při formování moderního českého národa // Slovanské historické studie 30. Praha — Brno, 2005. S. 59–109.

национального дома посредством сравнения с близкими связями или даже единством с предположительно несомненными краеугольными камнями других (остальных) славянских народов.

Славянство не было конструктом исключительно славян. В его создании приняли участие и немецкие общности. С одной стороны тем, что часть их воспринимала среду славянских народов как малоизвестную, но тем более привлекательную и перспективную часть света, и при этом превозносила (некоторые) предполагаемо сходные признаки развития и коммуникации славянских народов, с другой стороны тем, что другая их часть создавала проекты германского культурно-цивилизационного или даже политического единства — пангерманизма. Причины возникновения пангерманистских воззрений были сходны со славянскими, но, конечно, с опорой на однозначно определенные немецкие государственные единицы, т.е. они коренились в конструктивной государствообразующей способности немецких общностей. В случае славян эта способность была отсталой и оставалась лишь очень ограниченной. Длительное время единственным самостоятельным и одновременно влиятельным во внешней политике государством была Россия. В ситуации внедрения государственно-политических амбиций остальных славянских народов их отсылка к так называемому большому брату становилась явственной политизацией идеи славянской взаимности и единства (панславизм) с надеждой на помощь, которую бы Россия могла (должна была) оказать при удовлетворении их эмансипационных амбиций. В этой ситуации уже явственно проявилась основополагающая проблема славянства, а именно противоречие между реальностью его существования, или, точнее говоря, желаемую (взлелеянную) действительностью и его интерпретацией, которая все больше, именно по причине политизации, становилась целевой задачей конкретных амбициозных слоев (личностей) определенной славянской общности. В этом смысле славянство просуществовало до нынешних времен, когда, конечно, большая часть общества понимает, что исполняет исключительно заданную роль для продвижения амбиций отдельных личностей, либо небольших коллективов, стремящихся обожествлением мнимого традиционного родства и единства славянских общностей превознести самих себя и одновременно опорочить так называемого общего врага.

В ходе XIX в. славянство в своем большинстве конкретизировалось в форме представлений о том, когда, кому и каким способом может помочь, или же какие и между какими славянскими общностями идеи славянской взаимности и единства имеют смысл. Немалую роль при этом играли представления об общей судьбе и связанное с ними видение предполагаемого, или в некоторых случаях реального общего соратника, так же, как и общего врага. Иными словами, с кем и против кого уместно или даже необходимо при реализации проекта славянского родства и единства объединиться. В чешской среде в 1830-е гг. таким образом сформировалось полонофильство, в 1840-е гг. чешско-словацкая взаимность, в течение всего XIX в. было распространено русофильство.

Некритические формы проявления славянской взаимности с самого начала своего существования находили оппонентов, которые априорно отрицали славянскую взаимность и утверждали, что приверженцы этой идеи сводят идентичность славянских общностей лишь к определенному признаку и полностью игнорируют традиционную базу гуманизма и Просвещения. Особенно заметно это было в землях Австрийской, затем Австро-Венгерской монархии, где подавление проявлений славянства было вызвано не столько априорным осуждением всего славянского, хотя порой именно так и оказывалось, сколько необходимостью экономической и политической эмансипации австро-венгерского дворянства и австро-венгерской буржуазии как наднациональных общностей, выдвигавших своей главной целью строительство большого, могущественного и никем и ничем не подвергаемого сомнениям государственного целого.

Это, конечно, не дает повода утверждать, что славянство относилось исключительно к культурно-цивилизационной плоскости, в то время как его критика и осуждение — к политической, от которой главным образом интеллектуалы славянских народов XIX в. решительно отстранялись. В действительности отстаиваемая ими культурно-цивилизационная эмансипация собственных народов, проводимая со ссылкой на действия более широких славянских кругов, была политическим делом, хотя лишь в исключительных случаях предполагавшим создание самостоятельного государственного устройства, а тем самым разрушение многонациональной системы,

в которой (главным образом в Австрийской, затем Австро-Венгерской монархии) они жили.

Нельзя, однако, сомневаться в том, что без славянской идеи национальная идентичность малых славянских народов продвигалась бы медленнее и с большими временными задержками. Она, несомненно, имела огромное значение для укоренения этой идентичности и придания ей большей выразительности. Значительную роль славянство, конечно, сыграло и в зарождающемся самостоятельном чехословацком государстве в 1920-х и 1930-х гг. Оно стало, подобно тому, как ранее в процессе формирования современной национальной идентичности и впоследствии при продвижении гражданских слоев славянских народов, живших внутри государств с иными национальностями, важной опорой, даже государственно-идеологической.

Положение чехословацкого государства после его провозглашения 28 октября 1918 г. было в значительной мере неопределенным. Конец войны, прежде всего перемирие, подписанное вскоре австро-венгерским императором Карлом I (1916–1918), и последующая капитуляция создали для чехословацкого государства подходящие условия. У нового чехословацкого государства, однако, даже близко не было крепкого фундамента для самостоятельного существования. Об этом свидетельствовал и факт отсутствия однозначного международного политического признания. Это уже в ходе Первой мировой войны и даже перед нею понимал ряд видных деятелей, прежде всего первый президент Томаш Гарриг Масарик (1850-1937), именно по этой причине систематически и долгое время добивавшийся такого признания.

Т.Г. Масарик уехал из страны в конце 1914 г., в период, когда ему грозило обвинение со стороны австро-венгерских властей в государственной измене. Главной причиной его отъезда было стремление убедить представителей союзных государств, т.е. врагов Австро-Венгрии, что возникновение нового государства в Центральной Европе, главным образом такого, которое было бы основано в первую очередь на чешско-словацкой взаимности, а не на сохранении Австро-Венгерской монархии или создании иного государственного устройства, например, в форме монархии без немецкой Австрии, является оптимальным решением политического и национального вопроса данного региона.

Масарик, естественно, не был единственным, кто пытался решить этот вопрос. Сейчас не идет речь о его сотрудничестве с Эдвардом Бенешем (1884–1948), Миланом Рагиславом Штефаником (1880–1919) или другими чешскими и словацкими деятелями, хотя это существенный и общеизвестный факт, но о сотрудничестве с представителями других, живших в то время в Австро-Венгрии несамостоятельных народов, главным образом югославам, полякам и украинцев. Недавно на это обратил внимание профессор Ян Рыхлик в своей книге «1918 — распад Австро-Венгрии и возникновение Чехословакии»⁵¹.

Будущий первый председатель чехословацкого правительства Карел Крамарж (1860–1937) в статье, опубликованной 4-го августа 1914 г., т.е. непосредственно после начала Первой мировой войны в газете «*Národní listy*» («Национальная газета») выразил чешский взгляд на войну как на борьбу между Германством и Славянством. С одной стороны, этим он подтвердил свое прежнее убеждение в значении славянства, но, с другой стороны, выражал лояльность Австро-Венгерской монархии. Однако нет необходимости это заявление Крамаржа особо подчеркивать. Подобные высказывания не были единичными среди других чешских политиков и интеллектуалов, не вмешивавшихся в политику⁵².

Большинство представителей чешской политической сцены, подобно Крамаржу оставшиеся во время Первой мировой войны дома в Австро-Венгрии и действовавшие в основном в чешском пространстве, питали иллюзии, что некоторые иностранные государства, прежде всего страны Антанты, заинтересованы в справедливом решении национального вопроса малых народов, живших внутри многонациональной Австро-Венгрии. Вплоть до осени 1916 г. в своем подавляющем большинстве они сохранили по отношению к Австро-Венгерской монархии лояльность и не проявляли слишком явственно стремлений к ее распаду. Но существовали, однако, тайные общества, действовавшие и готовившиеся к изменению действительности. Вероятно, самым известным из них была организация, известная как «Тайный совет Мафии» («Чешская ма-

⁵¹ Rychlík J. 1918 — Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018. S. 80–99.

⁵² Paulová M. Dějiny Mafie. S. 86–87.

фия»). Во главе нее стояли Пршемысл Шамал (1867–1941), Йозеф Шейнер (1861–1932), Карел Крамарж и Алоиз Рашин (1867–1923). Помимо всего прочего они поддерживали контакты с Масариком, агитировавшим за чешскую (чешско-словацкую) независимость за границей, и организовали разведывательную деятельность в пользу стран-союзников, т. е. по отношению к Австро-Венгрии они развивали явно антигосударственную активность. За это такие личности как Вацлав Клофач (1868–1942), Карел Крамарж, Йозеф Шейнер и Алоиз Рашин были арестованы, обвинены в государственной измене и приговорены к смертной казни, и избежали ее только благодаря амнистии, объявленной после смерти Франца Иосифа I (1848–1916) новым австро-венгерским императором Карлом I (1916–1918).

Масарик с 1915 г. решительно проводил за границей идею самостоятельного государства. Поначалу и он, однако, был под властью иллюзии, что союзные державы, главным образом Великобритания, готовы максимально пойти навстречу и помочь в решении чешского вопроса, сформулированного таким образом. Вскоре он, конечно, понял, что ни Франция, ни Великобритания, на которых он надеялся в большей степени, будучи заинтересованными в поражении Австро-Венгрии, не заинтересованы в ее распаде. Причиной этого было то, что их главные представители едва ли могли вообразить иное государственное устройство территории, на которой на протяжении трехсот лет существовала эта империя. Они не только с трудом представляли себе, но и считали политически рискованным создание новых, небольших государств, видя в этом опасность других, прежде всего конфликтов на национальной основе, которых они, решая вопрос послевоенного устройства мира, хотели избежать. Может быть стоит вспомнить Венский конгресс, состоявшийся за сто лет до этого с октября 1814 г. по июнь 1815 г., где в ряду бесспорно интересных предложений по изменению геополитического устройства Европы нашлось единственное решение о возвращении к тому положению, которое существовало в Европе до наполеоновских войн и Великой французской революции, т. е. к реставрации геополитической ситуации рубежа 1780-х — 1790-х гг.⁵³

⁵³ Kissinger H. *Obnovení světového řádu. Metternich, Castlereagh a potíže s mírem v letech 1812–1822.* Praha, 2009. S. 173–205.

Масарик, однако, не сдался. Чтобы провести свой проект, сущностью которого являлось возникновение нового государства, он начал формулировать явственное, и, как минимум со своей точки зрения, реальное, видение ситуации, которое было бы для представителей держав понятным и настолько приемлемым, чтобы и они были заинтересованы включить его в свои цели, но не в качестве чего-то совершенно нового, а в качестве надстройки, коррелирующей с их представлениями. С высоты сегодняшнего знания вещей можно однозначно говорить о том, что это у него получилось. При более подробном анализе, однако, необходимо сказать, что этот успех был обеспечен лишь благодаря тому, что чешский вопрос, составной частью и основой которого было возникновение чехословацкого государства, Масарик поместил в более широкий европейский контекст. Прежде всего в этом смысле речь шла о ясном представлении о том, каким образом самостоятельное государство, теперь уже преподносимое как Чехо-Словакия, поможет в разрешении проблем Центральной Европы, которые отчасти и послужили причиной начала войны, т.е. прежде всего тех проблем, которые имели национальный характер. Хотя утверждения в духе вышеуказанного заявления Крамаржа от 4 августа 1914 г. о том, что война является столкновением Славянства и Германства, странами-союзниками в общем принимались, Масарику значительно помогла разработка идеи славянского единства. Она указывала на некоторое более широкое целое, чем сепаратное существование небольшого государства. В понимании Масарика, что и без этого было известно из его многочисленных лекций за границей и публикаторской деятельности за десятилетия до Первой мировой войны, подчеркивалось не столько романтизированное и в принципе иллюзорное славянство, но конкретное реальное сотрудничество, которое было, есть и, главное, должно было в будущем стать опорой самостоятельных славянских народов, живущих в собственных государствах, своей внутренней славянской связью действовавших как обязательный фактор против великодержавных политических и экономических амбиций таких стран, как, например, Германия.

Когда в последние два года войны Т. Г. Масарик конкретизировал эту идею, то не обошел Россию. Даже осознавая перемены, которые в ней происходили, и даже наоборот, беря их во внимание.

Как известно, Россией он занимался долгое время, однако, как это видно из его работы «Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России», прежде всего с культурно-цивилизационной точки зрения. В описываемый период он продвинулся значительно дальше. Впрочем, уже во времена Первой русской революции 1905–1907 гг. Масарик очень внимательно наблюдал за нею и много об этом писал. В описываемый период он не только значительно политизировал ситуацию, но также тщательно взвешивал, обычно в контексте чешских легионов в России, насколько Россия может реально помочь в чешском вопросе.

В отличие от К. Крамаржа Т. Г. Масарик не слишком надеялся на царскую Россию в первой половине Первой мировой войны. Впрочем, из-за своего критического отношения к ней Масарик был до политических перемен февраля–марта 1917 г. персоной нон грата в России. Но даже тогда Масарик не испытывал к России амбивалентного отношения. Он никогда не воспринимал Россию с априорной политической точки зрения, которая вынуждала бы его смотреть на нее однозначно негативно. Уже послевоенные работы Масарика показывают его веру в успех того, что можно бы было обозначить термином «русская политическая реформа». Подтверждением этого являлся факт, что его отношение к России хотя и не было никогда не критично русофильским, но также не было никогда априорно отвергающим ее.

Многие вещи в отношении России Масарик рассматривал в практическом чешском ракурсе. Он осознавал, например, не только реальность собственно России, его воззрения в этом отношении были развитием критической точки зрения чешского журналиста Карела Гавличека Боровского (1821–1855), который в качестве одного из первых чехов познал русскую среду действительно на собственном опыте, но и значение образа России, в котором она во второй половине XIX в. стала для чешского общества ценной (и, собственно, неизбежной) составной частью продвижения национального решения чешского вопроса. Иными словами, он понял значение выражения той эпохи «игра славянской и, в ее рамках, русской картой»⁵⁴.

⁵⁴ Vlček R. Masaryk a české rusofilství // Vratislav Doubek, Ladislav Hladký, Radomír Vlček a kol. T. G. Masaryk a Slované. Praha, 2013. S. 27–45.

В представлениях Масарика проект славянства продвинулся далее в значении чешского критического видения последних десятилетий XIX в. Этим он бесповоротно преобразился из предшествующего романтизированного образа, выполняющего роль всего лишь опоры — костыля, в грозящий посох, задачей которого было предостеречь немецких конкурентов от их нежелания относиться с уважением к амбициям и целям чешских национальных идентификационных требований. Практическим примером начала такого понимания была реакция чешского политического представительства во главе с Франтишеком Палацким (1798–1876) и Франтишеком Ладиславом Ригером (1818–1893) на австро-венгерское соглашение июня 1867 г. в виде демонстративных поисков путей сближения с Россией. Для этого была использована организованная в том же году Этнографическая выставка в Москве и Славянский съезд в Петербурге. Палацкий с Ригером, однако, поехали на них через Париж, где хотели договориться с императором Наполеоном III (1852–1870) о поддержке чешского вопроса⁵⁵.

Реализовать свое видение чехословацкой самостоятельности в опоре на чешско-словацкую, и, шире, славянскую взаимность Масарику в конце концов удалось. Несомненную роль в этом сыграл ход мировой войны, включая ее длительность, перемены в России, произошедшие в 1917 г., так же как и активность местного чешского сопротивления и более широких кругов. Это также повлияло на факт, заключающийся в том, что после возникновения самостоятельной Чехословакии оживление славянских проектов стало естественной составной частью представлений о ее существовании. Это относилось почти ко всем слоям общества, в том числе к более широким кругам. Существенную роль в этом играла точка зрения на современную Россию, отношение к которой в последующие годы стало компонентом соперничества отдельных политических партий и политических кругов, главным образом их конкретных представителей. Казалось, что общие идеи славянства скрылись за конкретными политическими действиями и высказываниями отдельных деятелей, не признаваемыми, однако, более широкой общественностью. Но реальность была совершенно иной.

⁵⁵ Pfaff I. Česká přínáležitost k Západu v letech 1815–1878. Brno, 1996. S. 171–203.

Эдвард Бенеш, так же как и Масарик, был длительное время (в принципе систематически) настроен к предреволюционной и после-революционной России критически. В своей работе, которая вышла вскоре после Второй мировой войны, но создавалась в межвоенный период и продолжала другие, подобным образом концептуализированные работы 1920–1930-х гг., «Размышления о славянстве», он констатировал: «Славянство является для нас незаменимым основанием и каждая чехословацкая политика должна из него, как из основания, особенно по итогам Второй мировой войны, исходить»⁵⁶. Славянство, с его точки зрения, сыграло значительную роль не только для чешского и словацкого народов в качестве народообразующего элемента, но и для чехословацкого государства как идея государствообразующая.

Подобным образом к славянству в тот же период относился Карел Крамарж, защитник традиционной монархической России и русской эмиграции. Крамарж в 1922 г. опубликовал труд «Пять лекций о внешней политике», в котором назвал сотрудничество между славянами ключевой задачей чехословацкой политики⁵⁷. В отличие от других настоящих чешских русофилов, которых в Чехословакии было достаточно, он имел в виду действительно широкую славянскую взаимность. Хотя в его представлениях о славянской взаимности Россия и играла большую роль, славянство для Крамаржа не было русским продуктом, он дистанцировался от того, что обычно определялось как русский великодержавный панславизм⁵⁸. Знаменательным было его заявление, в котором он назвал Чехословакию государством, «освобожденным славянской идеей»⁵⁹. Необходимо, однако, иметь в виду, что Крамарж и после возникновения чехословацкой республики в принципе оставался на своих прежних позициях, т.е. в рамках своей неославянской программы, которую решительно отстаивал в предвоенное время. Он воспринимал ее как движение славянского сотрудничества с целью создания с его помощью действенного барьера против немецкой политической и экономической экспансии⁶⁰.

⁵⁶ Beneš E. Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 301–302.

⁵⁷ Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 62, 90–93; 107–108.

⁵⁸ Vlček R. Ruský panslavismus — realita a fikce... S. 238–247.

⁵⁹ Kramář K. Na obranu slovanské politiky. Praha, 1926. S. 7–35.

⁶⁰ Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 267–280.

Для славянства в нарождающейся Чехословакии и главным образом для его идеологического профиля было принципиально, что в противовес Крамаржу, в чьем понимании славянство еще перед войной стало конфронтационной идеологией, направленной против германства, причем не только в международном пространстве, но и внутри чешского, а позднее внутри конституирующегося чехословацкого пространства, Масарик считал славянство путем решения не только узко специализированных национальных интересов, но и более общим проявлением гуманизма и инструментом всесторонней демократии. Прежде всего с этой точки зрения понимание Масариком славянства и после возникновения чехословацкой республики опиралось на критический подход к жизненной реальности и прошлому славянских народов, по понятным причинам прежде всего народа чешского и словацкого. Его неотделяемой составной частью было и впредь осуждение прежнего русского панславизма, стремящегося создать общеславянское политическое целое во главе и под руководством России. Масарик явственно предупреждал о возможности его актуализации в пространстве конституирующегося советского государства⁶¹.

Если для Масарика чешское критическое понимание славянства было проявлением гуманизма и демократии, русский панславизм он определял как отражение государственно-политической агрессии и культурного империализма. По мнению Масарика, славянство, с которым в идеологии формировавшейся чехословацкой республики он несомненно считался, не должно было быть направлено «против тех других», так, как это было в понимании Крамаржа против немцев, но специфической объединяющей идеологией, направленной к общечеловеческой демократической организации и гуманности. Прежде всего в такой форме чехословацкая республика должна была стать инструментом решения политических и национальных проблем, приведших к Первой мировой войне, как в ходе войны Масарик обещал представителям союзных держав. Поэтому именно в таком смысле он защищал значение критического понимания славянства, интерпретированного исходя из его традиционного объективного взгляда, и его необходимость в чехословацком государстве⁶².

⁶¹ Masaryk T.G. O bolševictví. Praha, 1990. S. 7–12.

⁶² Vlček R. Fenomén ruského panslavismu v Masarykově pojetí // TGM, Rusko a Evropa. Dílo — vize — přítomnost / Ed. K. Krátký. Praha, 2002. S. 407–422.

Похоже к славянству и к его использованию для идеологии чехословацкого государства относился и Эдвард Бенеш. Не только его заслугами в середине 1920-х гг. между чехословацкими политиками и политически ангажированными интеллектуалами велась оживленная пространная дискуссия о славянстве. Ее составной частью помимо прочего являлась подготовка открытия Славянского института, который был официально учрежден законом Национального собрания Чехословакии в 1921 г. Это событие, которого определенно добивался Масарик, указывает на значение, которое придавали славянству в этот период чехословацкие политики. Снова необходимо подчеркнуть, что значение приписывалось не какому-то абстрактному славянству, а реальному славянству, построенному на конкретных связях между народами славянского языкового пространства.

Например, Э. Бенеш, объединявший своим интеллектом и влиянием вышеуказанные группы, в 1925–1926 гг. внес свой вклад в дискуссию о славянстве посредством серии статей, опубликованных во влиятельном журнале, выходившем с 1898 г. — «*Славянском обзоре*», ориентированном на профессиональное исследование славянства и вопросов, связанных со славянством, а также на их популяризацию в широких слоях общества. В статьях он подчеркнул, что славянскую идею нельзя даже в малейшей степени окружать ореолом, так же как нельзя и проклинать. В чешской и словацкой среде, эта идея, с его точки зрения, длительное время имела как позитивную, так и негативную сторону. Позитивная — коренилось, на взгляд Бенеша, в ее роли в становлении национального самоопределения, необходимого национального самосознания, а тем самым и в возникновении самостоятельного чехословацкого государства. Того, что необходимо было продолжать в это время (с позиции Бенеша в первые годы конституировавшейся республики), на что можно и нужно опираться, на чем можно (необходимо) было основываться как на перспективных ценностях формировавшегося государства и чешско-словацкого народа. Негативную сторону славянства Бенеш видел в его непомерном давлении на изменение государственных границ. С этого ракурса он даже видел причастность славянства к развязыванию войн и революций. Поэтому, подчеркивал Бенеш, если славянство должно выполнять в чехословацком государстве правильную задачу, приносящую пользу и в принципе играть государствообразующую

роль, необходимо использовать линию его критической чешской традиции, исходящей из понимания славянства Карелом Гавличекком Боровским и Томашем Гарриг Масариком. В отсылке к такому пониманию он видел также путь к решению актуальных, однако обычно связанных с традициями, проблем между некоторыми славянскими странами, главным образом — Россией и Польшей. Его, как он говорил, «*новая славянская политика*» (он, конечно, имел в виду межвоенное славянство), а не «традиционное» неославянство Крамаржа, должна была иметь позитивное содержание, исходящее из чувства славянской принадлежности, что вело бы (а в его понимании, действительно уже вело) к практическому применению при продвижении действительно общих интересов славянских народов.

Основой славянства в понимании Бенеша должны были быть общие действия славянских народов и договоренность при решении различных проблем. Это все должно было происходить, учитывая, что в действительности далеко не всегда интересы отдельных славян бывают полностью тождественны. Реальность таких действий Бенеш видел прежде всего в культуре, хотя в то же время, как это заметно из вышесказанного, он имел в виду и политику славянских народов. Чтобы быть конкретным: он непосредственно видел такой путь в отношениях между Чехословакией, Польшей и Королевством сербов, хорватов и словенцев, т.е. Югославией. Россия в его славянской политической концепции стояла в стороне, при этом не только большевистская Россия, но и Россия прежняя, царская. Он был убежден, что все русское окружение, находящееся в большей или меньшей степени под влиянием традиционной политики российского государства, никоим образом не могло выработать критического понимания славянства, а находилось в плену таких представлений, когда первостепенное внимание уделялось великодержавным политическим (даже империалистическим) и культурным (цивилизационным) интересам. Бенеш видел в этом преемственность между царской и большевистской Россией, притом, с его точки зрения, царская Россия «породила» Россию большевистскую. Возвращение в прошлое, к царской России было бы, на его взгляд, для славянства так же небезопасно, как и влияние большевистской России. Использование или какое угодно подражание русской форме славянства, на взгляд Бенеша, ни в коем случае не было бы по-

лезным для демократии и гуманизма, к которым славянство должно стремиться как к наивысшей цели⁶³.

Славянство вскоре после установления самостоятельного чехословацкого государства стало в чехословацкой среде предметом дискуссий не только политиков, но и обращающихся к политике интеллектуалов. Мы можем наблюдать это с 1919 г. на страницах газет и другой периодической и непериодической печати, в брошюрах и пространных работах, выходящих в то время в Чехословакии. Именно в них чаще, чем где-либо еще, развертывалась дискуссия об отношении к России. Точки зрения в этом случае значительно различались, применялся партийный подход, определенно детерминирующий биполярный взгляд, оценивающий существующую или прошлую Россию как априорно позитивно, так и априорно негативно. В других выступлениях, часто ведущих политиков, такие крайности подвергались сомнениям и осуждались. Обычно критике подвергался Крамарж за то, что чрезмерно упоминал немецкую опасность и неуместно сосредотачивался на старой России. Примером такой открытой критики понимания Крамаржем чехословацкого отношения к России был чешский историк Ян Славик (1885–1978), который, кроме этого, упрекал его за «антибольшевизм любой ценой»⁶⁴.

Между дискутирующими особенно выделялся публицист и писатель Фердинанд Пероутка (1895–1978). В соответствии с его взглядами на возникновение самостоятельного государства чешское и словацкое славянство выполнило свою историческую роль. Он, однако, не считал славянство для новой Чехословакии чем-то, не имеющим смысла. Этот смысл он видел в новых реальных как культурных, так и политических взаимоотношениях и связях между славянскими народами. Во многом его понимание было близко пониманию Бенеша, хотя несколько менее отрефлексированным с политической точки зрения. Однако, больше, чем Бенеш, он подчеркивал, что огромный удар славянству нанес большевистский переворот в Рос-

⁶³ *Voj o mír a bezpečnost státu. Československá zahraniční politika v projevech ministra Dra. Ed. Beneše 1924–1933.* Praha, 1934. S. 170.

⁶⁴ *Bouček J., Slavík J. Příběh zakázaného historika.* Praha, 2002. S. 1214; *Vlček R. Tradice českých bádání o minulosti carského Ruska // Slovanský přehled* 103. 2017. Č. 3. S. 557–560.

сии. В его понимании тавтологическая идеология советской России полностью опровергла основу славянства. При этом славянская идея, на взгляд Пероутки, без сильной России была значительно ослаблена, хотя и не являлась непредставимой и нереальной. Тем не менее понимание Пероутки межвоенного славянства значительно отличалось от понимания Масарика, Бенеша или Крамаржа: в отличие от них он не видел в нем конструктивного смысла. Славянство было для него всего лишь подходящей опорой, отсылающей к положительным страницам прошлого прежде всего в культурно-цивилизационном, а частично и в политическом смысле⁶⁵.

Так же, как Фердинанд Пероутка, рассуждал публицист, социальный демократ Алоиз Гайн (1870–1953). Гайн как политик пришел к мысли о том, что должна была бы существовать реальная славянская политика, характеризующаяся, или точнее, основанная на реальном сотрудничестве (остальных, т.е. не включающих Россию) славянских государств. Россию он совершенно оставлял в стороне по причине ее политической ориентации 1920-х гг. Несмотря на это, даже он не отворачивался от нее полностью. Так же как Масарик или Крамарж, Гайн был убежден, что в России произойдут такие перемены, которые снова сделают возможным сотрудничество, основанное на славянском фундаменте.

На взгляд Гайна, славянство определено было для Чехословакии необходимостью, поскольку в той форме, в которой он его понимал и определял, оно выполняло роль инструмента, укрепляющего не только чехословацкую, но и общеевропейскую внешнюю и внутреннюю стабильность. Именно поэтому он призывал, чтобы Чехословакия усиливала свой славянский характер и стремилась к более выразительному ведению своей линии во взаимоотношениях с другими славянскими странами. Но при этом позиция Гайна соотносилась с высказыванием Бенеша второй половины 1920-х гг.: «Концепции политического сотрудничества между славянскими народами могут быть созданы в ходе развития в будущем, но всегда с учетом интересов Европы. Не в наших интересах угрожать миру панславистскими планами»⁶⁶.

⁶⁵ *Peroutka F. Budování státu II. Praha, 1991. S. 850.*

⁶⁶ *Voj o mír a bezpečnost státu... S. 166.*

Славик, Пероутка и Гайн — это примеры для чешского (чехословацкого) межвоенного славянства важных личностей, воспринимавших его как органическую часть жизни чешского и словацкого общества. У Славика и Гайна с большей, у Пероутки с меньшей степенью интенсивности. Подобным образом мы могли бы анализировать взгляды других интеллектуалов и представителей чешской мысли 1920-х — 1930-х гг. Из анализа стало бы понятно, что из того, как относились к славянству Масарик, Крамарж, Бенеш, Гайн и другие, видно, что рассуждения о славянстве в чехословацком пространстве стали после возникновения самостоятельного чехословацкого государства составной частью общепринятых рассуждений о его смысле и положении в рамках Европы. В Чехословакии славянство проявлялось и использовалась как опора государственно и политически определенной чешскости и чешско-словацкости. Посредством разбора взглядов иных политиков мы пришли бы к утверждению о том, что не существовало понимания славянства не только в единственной, но даже не в единообразной форме. Оно стало проявлением партийности, модифицированным в соответствии с собственными представлениями о дальнейшем развитии чехословацкого государства. У некоторых лиц и коллективов, главным образом левой направленности, это вело к злоупотреблению и априорной защите связей с русским / советским пространством, т.е. к тому, что ни изначальному пониманию славянства XIX в., ни его последующему критическому пониманию рубежа XIX–XX вв. не было присуще.

Точно так же было и в трактовках, касающихся формы и значения славянства в чешском и словацком прошлом. В межвоенный период для его объективного объяснения особую роль сыграла чешская и чехословацкая славистика, которая в это время сделала более основательной свою научную базу. Этнически она не была исключительно чешской или словацкой, в ней значительную роль играла славистика, сформировавшаяся на немецком философском факультете Карлова университета в Праге, так же как и славистика, развивавшаяся некоторыми русскими эмигрантами, жившими в межвоенной Чехословакии.

Заключение:

Славянство сыграло в межвоенной Чехословакии значительную роль. Оно стало составной частью ее государственной политической идеологии в смысле ее внутренней идентификации, так же как идеей, определяющей ее внешнюю политическую ориентацию. Важной была, главным образом, его критическая, фигурально выражаясь, «реальная» форма. Исключением, однако, не было и игнорирование его, против которого резко выступали такие личности, как Томаш Гарриг Масарик или Эдвард Бенеш.

Это, на мой взгляд, завет сегодняшнему дню. Прежде всего в том смысле, чтобы славянство воспринималось как реальная совокупность идей, его ценность не снижалась бы, но одновременно с этим были бы определены тенденции экстремистского злоупотребления им и пропаганда, открывающая доступ к воздействию иных, отличных от подлинно славянских идей.

Славянство сыграло, с одной стороны, важную идентификационную определяющую роль, чтобы, с другой стороны, обратить внимание на факт, что наряду с победоносными державами, такими как Франция или Великобритания, существуют малые, скажем, естественные союзники, с которыми Чехословакию связывает общая судьба не только в значении создания самостоятельного государства, но и в значении долговременных культурно-цивилизационных связей. Эти связи не давали никаких преимуществ, но для конституирующей идеологии сыграли принципиальную роль в качестве опоры для реального или лишь потенциального сотрудничества.

*Радомир Влчек
(Брно)*

*Перевод с чешского
Г.П. Мельникова*

Расхождение чешского общества с Австро-Венгрией в ходе Первой мировой войны

Чешское общество в течение долгого XIX в. прошло, как и ряд других народов, путь динамичного развития⁶⁷. С конца XVIII в. за период национального возрождения, в процессе самоосознания нации, произошло развитие одного из ее конструктивных факторов — национального языка, средства коммуникации и сплочения. Уже в 1890-е гг. мастера художественного слова создавали произведения, сравнимые по уровню, с другими европейскими литературами⁶⁸. Примерно так же дело обстояло с музыкой и живописью⁶⁹. Введение образования на чешском языке в последней трети XVIII в., начиналось с обязательного посещения начальной школы и завершалось в одном из специализированных профессиональных, или высших учебных заведений. Это привело к разделению в 1882 г.⁷⁰ пражского университета Карла-Фердинанда на чешский и немецкий. Результатом развития науки, сначала опиравшимся на созданный в 1818 г. для обоих народов, но национализированный чехами,

⁶⁷ Urban O. Kapitalismus a česká společnost: k otázkám formování české společnosti v 19. století. Praha, 1978; *Ibidem*. Česká společnost 1848–1918. Praha, 1982; Kořalka J. Češi v Habsburské říši a v Evropě 1815–1914. Praha, 1996; Hroch M. Na prahu národní existence: touha a skutečnost. Praha, 1999; Borovička M., Kaše J., Kučera J. P., Bělina P. Velké dějiny zemí Koruny české. Sv. XII.b. Praha — Litomyšl, 2013; Hlavačka M. a kol. České země v 19. století: proměny společnosti v moderní době. Sv. 1–2. Praha, 2014; Hroch M. V národním zájmu: požadavky a cíle evropských národních hnutí devatenáctého století ve srovnávací perspektivě. Praha, 1999; Řezník M. Formování moderního národa: (evropské «dlouhé» 19. století). Praha, 2003.

⁶⁸ См.: Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2008; Papoušek V. a kol. Dějiny nové moderny: česká literatura v letech 1905–1923. Praha, 2010.

⁶⁹ Marek J. Česká moderní kultura. Praha, 1998.

⁷⁰ Morkes F. Kapitoly o školství, o ministerstvu a jeho představitelích: (období let 1848–2001). Praha, 2002; Havránek J. a kol. Dějiny Univerzity Karlovy. III, 1802–1918. Praha, 1997.

Патриотический (сейчас Национальный) музей, стали первая популярная энциклопедия Ригера — Научный словарь (1860–1874) — и возникшая в 1891 г. по частной инициативе Чешская академия наук, искусств и словесности⁷¹. В ее стенах возникла возможность вне-университетского изучения родного языка с помощью созданной в 1911 г. Канцелярии Словаря чешского языка⁷².

Подъем национальной экономики произошел после мирового кризиса 1870–1880 гг., по завершении «периода великой дефляции», когда в 1890-х гг. настало оживление и концентрация промышленного производства с государственным вмешательством в экономическую и социальную сферы, а также подчинение политики экономике. Вместе с модернизацией сельско-хозяйственного производства и пищевой промышленности, представленной легендарными мельницами, сахарными, пивными и винокурными заводами, наряду с банковской системой, в результате интенсивного научно-технического прогресса возрастала роль индустрии. От текстильной отрасли и станкостроения, химии и полиграфии до стройматериалов, энергетики, телекоммуникаций, электротехники и автомобильной промышленности — всюду внедрялось товарное производство. С автозавода «Laurin & Klement» в Младе Болеславе в 1905 г. выехали первые автомобили, ныне известные под маркой «Škoda», которые активно экспортировались и на территорию царской России⁷³. О переменах в экономике Чехии свидетельствовала и тенденция многократного прироста капитала в финансовом секторе национальных банков, сберегательных касс и ломбардов. Количество чешских акционерных банков с 1895 г. по 1914 г. увеличилось в четыре раза, их акционерный капитал возрос в десятки раз. Тем самым они обогнали немецкие банки в чешских землях, однако при этом медленно понижая долю австрийских крупных банков. Четыре

⁷¹ Sklenář K. *Obraz vlasti: příběh Národního muzea*. Praha, 2001; Winters S.B. *Sto let českého encyklopedismu (1860–1959): od F.L. Riegera a Jana Otty k T.G. Masarykovi a Bohumilu Němcovi* // *Časopis Matice moravské* 121. 2002. Č. 2. S. 339–400; *Bohemia docta: k historickým kořenům vědy v českých zemích*. Praha, 2010.

⁷² Uhlířová L. *Reflexe činnosti Kanceláře Slovníku jazyka českého* // *Naše řeč*. 2011. Č. 1. S. 1–13.

⁷³ Vavřčka Kempná L. *Škodovky do celého světa: export automobilů L&K a Škoda v letech 1905–1991*. Praha, 2013.

ведущих банка за несколько лет до войны вошли в эксклюзивный консорциум по предоставлению государственных займов. Рождались и такие амбициозные планы, как нереализованный международный проект «Славянские банки»; происходил и экспорт чешского капитала за границу, прежде всего на Балканы⁷⁴.

В итоге в середине XIX в. после устранения консервативного, хотя и меняющегося под влиянием мировых тенденций, меттерниховского режима, установленного после поражения французской революции и власти Наполеона, развивающееся чешское общество пережило в рамках габсбургской монархии ее переход от стадии позднефеодального, абсолютистского и тоталитарного режима к либеральному, к гарантированным гражданским правам, расширяющемуся избирательному праву, к демократизации политической жизни со своей репрезентацией. Однако после 1848 г. новую политическую систему и конституционность государства сдерживал неоабсолютистский, хотя и реформированный баховский режим. С 1860 г. в связи с социальными изменениями общества (после недостаточных для него сначала одной, а потом двух национальных партий) в последней трети века стал формироваться их целый спектр. Тем не менее, политические амбиции народа, переживавшего в составе многонациональной Австрии и Австро-Венгрии подъем, оставались неудовлетворенными. Была попытка при участии как в парламентском большинстве так и в оппозиции, а также в правительстве, доказать нелегитимность действующего государственного и политического устройства. Именно чешское присутствие в исполнительной власти и в кабинете Туна в 1898–1899 гг. наглядно продемонстрировало применявшиеся к чехам лимиты.

На рубеже XIX и XX вв. в рамках Цислейтании чешское общество с положительными результатами завершило процесс своей модернизации. Являясь эмансипированным в языке, культуре, политике, науке и экономике, оно могло конкурировать с другими развитыми европейскими народами. Однако несмотря на то, что политика в лице Ригера, Кайзла и Крамаржа достигла на тот момент

⁷⁴ Kubů E., Šouša J. Karel Kramář, Jaroslav Preiss a projekt Slovanské banky // Karel Kramář (1860–1937): život a dílo. Praha, 2009. S. 225–247; Nečas C. Podnikání českých bank v cizině 1898–1918: rozpínavost českého bankovního kapitálu ve střední, jihovýchodní a východní Evropě v období rakousko-uherského imperialismu. Brno, 1993.

максимально возможных результатов, она не смогла воспрепятствовать нарастающей утрате иллюзий по поводу решения чешского вопроса. Политические разочарования в чешской борьбе в Австрии не предотвратило и введение всеобщего избирательного права (для мужчин), которое, что касается равноправия, являлось тогда едва ли не самым прогрессивным. Выборы 1907 г., проведенные по новым правилам, стали предпоследними перед разгоревшимся глобальным конфликтом Первой мировой войны⁷⁵. В ее преддверье чешскому обществу было что терять. Но, по логике проверенной схемы развития, идущей от национального возрождения через некоторую автономию к собственному самостоятельному государству, оно могло и выиграть.

Самые успешные чешские политические деятели должны были во время мировой войны, на которую чешские призывники шли послушно, без вдохновения, а кое-кто и с планом побега, вновь задуматься о реалиях геополитической данности чешских земель и о существовании чехов в пространстве между Германией и Россией. Поколения чешских политиков осознавали выгоды принадлежности чешского народа к придунайской монархии и принимали государственный *raison d'être*. Палацкий уже в 1848 г. отказался от вытекающего из феодальных обязательств чешского королевства перед империей, или Германским союзом, участия чехов в общегерманском Франкфуртском национальном собрании, и выступил за реформированную Австрию в виде федерации — будь то на историко-правовой основе (страны), или естественно-правовой (народы). Нереализованная государственно-правовая программа в виде федерализма определяла чешскую политику, сформулированную в лишенном иллюзий высказывании Палацкого: «Мы были до Авст-

⁷⁵ См.: *Bělina P. Velká válka // Velké dějiny zemí Koruny české. Svazek XII b., 1890–1918. Praha, 2013. S. 557–734; Šedivý I. Češi, české země a Velká válka 1914–1918. Praha, 2001 a 2014 (2. vydání); Kvaček R. První světová válka a česká otázka. Praha, 2003 a 2013 (2. vydání). И более ранние: *Prokš P. Politikové a vznik republiky: 1914–1918. Praha, 1998; Pichlík K. Bez legend: zahraniční odboj 1914–1918: zápas o československý program. Praha, 1991; Jindra Z. První světová válka. Praha, 1984 a 1987 (2. vydání); Galandauer J. Vznik Československé republiky 1918: programy, projekty, perspektivy. Praha, 1988; Kárník Z. Socialisté na rozcestí: Habsburk, Masaryk či Šmeral. Praha, 1968 a Karolinum, 1996 (2. vydání); Paulová M. Tajný výbor (Maffie) a spolupráce s Jihoslovany v letech 1916–1918. Praha, 1968; Tobolka Z.V. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl IV, 1914–1918. Praha, 1937.**

рии, будем и после нее!» И это после выдавливания Австрии из Германии войной 1866 г. и последующего Австро-Венгерского соглашения и введения дуализма, т.е. двойного центра, после создания польского псевдогосударства в Галиции и провала соглашения о равноправии с чехами в форме фундаментальных статей. Чешская политическая лояльность не была вознаграждена. Таким образом довоенная чешская политика в принципе (т.е. за исключением миниатюрной государственно-правовой прогрессивной партии) не предусматривала выхода из Габсбургской монархии при условии ее реформирования. Однако решить национальный вопрос, к чему стремилась монархия, — не удалось.

Начало войны принесло две альтернативные концепции чешского существования вне настоящего государственного устройства. Первую предложил рантье и политик Карел Крамарж, она продолжала традиции неославизма, опиралась на ориентацию на Россию и на создание федеративной Славянской империи, к которой бы относились земли Чешской короны; но оказалась нежизнеспособной из-за своей утопичности, военных поражений и внутреннего кризиса царской империи⁷⁶. Носителем второй концепции, исходящей из социологического и политологического анализа воюющих сторон, был университетский преподаватель и политик Томаш Г. Масарик. Находясь в эмиграции, он формировал ее шаг за шагом в виде концепции самостоятельного чехословацкого государства западного типа в его наилучшем варианте и возглавил движение за ее реализацию⁷⁷. Однако в первой фазе войны, в 1914–1917 гг., преобладала традиционная политика заинтересованности чехов в Австрии — в виде их спасительной лояльности, без выступлений с трибуны не созванного парламента, с ограниченным простором для маневров и результатами, не имевшими смысла без учета интересов бывших партнеров, рассчитывавших на иные средства. Чешское общество душили стремления немцев к доминированию в Австрии и в Чехии; чехи воспринимали разжигаемую немецкую эйфорию и радикальный пангерманский шовинизм как очередные государственные

⁷⁶ *Серационова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.

⁷⁷ *Polák S. T. G. Masaryk: za ideálem a pravdou. Svazek 5, 1914–1918. Praha, 2009.*

меры, направленные против их интересов. Дискурс «Центральной Европы» («Mitteleuropa», 1915) Наумана и задачи онемечивания, которые ставил Союз бывших немецких депутатов земского парламента в Чехии (1916), подтверждали все самые худшие опасения⁷⁸.

По мнению части австро-венгерских властей война должна была изменить государство изнутри. Средством против возвышения чехов служило стремление стратегических военных органов и немецких партий избавиться от дестабилизирующего чешско-немецкого спора путем усиления немецкого характера государства, опиравшегося, в том числе, и на восприятие Германии как главного союзника. Такой подход неприятно затронул чешское общество и постепенно достиг своей кульминации, когда, к примеру, в 1914 г. был арестован депутат и председатель национал-социальной партии Вацлав Клофач, а в мае 1915 г. — депутат и председатель младочешской партии Карел Крамарж. Последний в ходе судебного разбирательства получил смертный приговор, и для его исполнения не хватило лишь подписи умирающего императора Франца-Иосифа I. Подобным образом воспринималось и преследование спортивно-патриотической организации «Сокол».

Во второй фазе военного конфликта в 1917–1918 гг. австрийская сторона уже воевала не за победу, а за некое подобие мира. В течение 1917 г. большая часть чешских политических партий изменила свои взгляды на то, как теперь защищать национальные интересы, какие преследовать цели и как добиваться реализации своих программ⁷⁹. Новый император Карл I старался сохранить ослабленную монархию внешнеполитическими и внутреннеполитическими мерами, прежде всего, за счет уменьшения излишнего влияния армии и подготовкой к созыву парламента. В ноябре 1916 г. возникли репрезентативные органы чешской внутренней политики — Национальный комитет и одновременно единый Чешский союз имперских депутатов, в который не вступили лишь две маргинальные партии. Чешские политики на основе неудачного опыта предыдущих лет, скорее опасались реанимирования политической жизни. В то же

⁷⁸ Kořalka J. Mitteleuropa Friedricha Naumanna jako plán německé hegemonie v Evropě za první světové války // Dějiny a současnost. 2003. Č. 1. S. 12–16.

⁷⁹ Bílek J. Prohlášení Českého svazu z 31. ledna 1917 // Léta do pole okovaná 1914–1918. Svazek 1917. Praha, (в печати).

время они сознавали, что национальные интересы можно защитить лишь политическими средствами. Они предлагали сохранять лояльность и хотели предотвратить ухудшение положения чехов; перспективу связывали с признанием подвергавшейся сомнению чешской лояльности — при победе монархии — и с выполнением чешской традиционной государственно-правовой программы после войны. Беспокойство вызывала возможность отторжения Галиции и как следствие — неотвратимость немецкого перевеса в Цислейтании. Чешские политики хотели обеспечить себе участие в ожидавшемся изменении конституции и активно противодействовали стремлению властных кругов решить национальную проблему так, чтобы языковой (немецкий в качестве государственного), и административный (разделение на земли) вопросы урегулировать сверху дарованной конституцией, абсолютистским методом до заседания парламента.

На рубеже третьего и четвертого года войны в ситуацию вмешался призыв американцев к воюющим сторонам огласить свои цели. Союзники на это ответили нотой от 10-го января 1917 г., где впервые коснулись чехословацкого вопроса. Формулировка об освобождении чехословаков (во французской версии; и чехо-словаков — в английской) от чужеземного владычества была воспринята как давление на габсбургскую монархию. (Для Антанты такие высказывания ее представителей тогда ничего не значили⁸⁰.) Однако речь шла о первом и на долгое время еще и последнем успехе заграничного сопротивления Масарика. В тексте были в той же связи названы и другие народы и народности империи — итальянцы, славяне (имелись в виду юго-славяне) и румыны, причем их политические представители от этой идеи, проявив преданность Габсбургам, отказались. Чешский союз составил лояльное письмо, которое министр иностранных дел отклонил, предложив собственный текст, свободный от всякой критики. Союз принял следующую редакцию: «президиум Чешского союза отвергает данную инсинуацию [ответ

⁸⁰ *Werstadt J.* Tajná diplomatická dohra spojenecké prohlášení válečných cílů z 10. ledna 1917 // *Naše revoluce*. 1937. S. 79–93 (согласно изданным документам министерства иностранных дел США). США, также как и Великобритания, предлагали Австро-Венгрии сепаратный мир с сохранением целостности главных земель монархии. Эту возможность по причине союза с Германией, она отвергла.

государств Антанты], которая основывается на абсолютно ложных предпосылках, и решительно заявляет, что чешский народ, как в прошлом, настоящем и впредь, видит свое будущее и условия для своего развития лишь под Габсбургским скипетром».

Уступки монархии в тексте заявления от 31-го января показали слабость и ограниченность лояльности и нелояльности. И хотя чешская эмиграция, не согласная с гласом домашних политиков, долго переживала всевозможные опасения, нельзя сказать, чтобы их голос оказывал на что-то влияние. Монархия за лояльное отношение к себе, в том числе и за уступки ей, чешских австрофилов никак не отблагодарила. Чешский союз не добился даже аудиенции своего правителя. Монарх умилиствовал чешских политиков, сказав, что любит чехов, обещал сеанс художнику Швабинскому, пару раз говорил о пражской коронации, о посещении Чехии...⁸¹ И убежденные активисты, и оппортунисты были расстроены, разочарованы. Проавстрийская политика оказалась исчерпанной, не заслуживающей доверия. Правительство «просто-напросто довело ее до разрыва с чаяниями большей части народа и подготовила прекрасную почву для создания национальной наступательной оппозиции, которую уже нельзя было так легко одолеть»⁸². Двойная лояльность — к народу и к действующему государству — изживала себя. Чехи прощались со своей заинтересованностью в многовековом проекте габсбургской монархии. (Однако в следующем году от нее первыми отказались сами немцы!)

Из совокупности факторов, повлиявших на крутой поворот в чешской политике, свою роль сыграла и раздутость на международной арене вредности заявления от 31-го января. Это подтвердили как заграничное сопротивление, так и (после долгого периода пассивности) сопротивление внутри страны. Группа, отвернувшаяся от Австро-Венгрии, ускорила консолидацию и расширила свое влияние и на общественное мнение, и внутри политических партий. Самым известным примером ее активности стал Манифест чешских писателей, который готовился с начала года и был

⁸¹ Ср.: *Galandauer J. Český monarchismus na křižovatce — poslední pokusy o korunovaci českého krále // Nezapomenuté historie: sborník k 70. narozeninám Františka Svátka. Brno, 2007. S. 159–172.*

⁸² *Kárník Z. Socialisté na rozcestí: Habsburk, Masaryk či Šmeral. S. 71.*

опубликован в середине мая⁸³. Кто мог, тот, поддавшись течению, свернул с пути защитного, изжившего себя проавстрийского активизма на путь достижения национальной независимости. Самая сильная чешская политическая партия процветающих и осторожных аграриев под руководством Швеглы, учитывая все возможные политические комбинации, осуществила переход без персональных потерь. У социал-демократов все плохое свалили на единственного отстраненного Шмерала. У младочехов, где арестованный Крамарж не нес ответственности за активистский этап их деятельности, ее участники были решительно исключены из партии⁸⁴. Католики на путь, к которому был готов народ, вступили последними, в сентябре 1918 г., без пяти минут двенадцать.

По сравнению с предшествующей эпохой ход событий вдруг словно ускорился. Экономически 1917 г. стал для Австро-Венгрии переходом «от недостатка к бедности», периодом полной истощенности ресурсов, которая из экономики, перетекала как ожидалось, и в другие области⁸⁵. Падение русского царизма и вступление в войну против Германии США ускорили созыв австрийского парламента, заседания которого состоялись в конце мая. Изменение чешской позиции проявилось в поданном по традиции государственно-правовом заявлении, с требованиями, имеющими характер естественного права, поскольку в документе неожиданно упоминались венгерские словаки и говорилось о необходимости преобразовать двуединую монархии в союзную державу национальных государств.

В оборот вошло понятие «самостоятельного государства», под которым понимались разные вещи (от автономно-правовой единицы до международного субъекта); эти категории в политико-тактических аспектах использовались гибко. Июльская отсрочка чешского участия в парламентском подкомитете по реформе конституции, информация о наступлении у Зборова чехословацких легионов, реального войска еще не существующего государства, отказ от учас-

⁸³ *Kučera M. Přehled manifestů české tvůrčí inteligence z jara 1917 // Sborník k dějinám 19. a 20. Století. 1999. S. 249–301.*

⁸⁴ *Bílek J. Karel Kramář a Jindřich G. Maštálka: „Tys’ nebyl přítelem heroických rozhodnutí...“ // Karel Kramář (1860–1937): život a dílo. S. 177–199.*

⁸⁵ *Jindra Z., Jakubec I. a kol. Hospodářský vzestup českých zemí od poloviny 18. století do konce monarchie. Praha, 2015. S. 465.*

тия в новом австрийском правительстве подтвердили, что чешские политики изменили свой подход, и что их действия направлены к радикальной цели создания самостоятельного государства. Однако только в следующем году, после «аферы Сикста», когда нереформированная Австро-Венгрия самоубийственно подтвердила миру свою зависимость от Германии, международное решение чешского, или же чехословацкого, вопроса становилось более очевидным. В тот же период с государством, которое, опираясь на немцев, выполняло их программу, разошлись даже самые последние из его чешских сторонников. Не осталось ничего, на что можно было бы опереться, прежняя вера была утрачена.

Представители эмиграции лишь с лета 1918 г. стали получать признание как независимое временное правительство. Многообещающая идея, сулившая реализацию программы максимум и выход из затяжной безысходности, превратилась в реальность. Осенью 1918 г. большая часть чешского общества радовалась достижению цели, желанной для каждой зрелой нации, — государственной независимости. В начале октября председатель Чешского союза в красивейшем здании венского парламента передал решение чешского вопроса в компетенцию международной мирной конференции⁸⁶. 28 октября в Праге состоялось провозглашение самостоятельного государства. Разрыв с распавшейся монархией формально завершил на первом заседании чехословацкого Национального собрания 14-го ноября 1918 г. Карел Крамарж, когда во вступительной речи заявил: «Все пути, которые нас связывали с габсбургско-лотарингской династией, порваны (Прекрасно! Депутаты встают, громкие овации.). Договоры 1526 г. и прагматическая санкция больше не действуют (Прекрасно, аплодисменты.). Габсбургско-лотарингская династия утратила на чешский трон все права (Так и есть! Прекрасно! Овации.). А мы, свободные и вольные, заявляем, что наше Чехословацкое государство есть свободная Чехословацкая республика (Прекрасно! Слава! Громкие овации.)»⁸⁷. Бывшему императору отказали в пребывании в замке под Прагой и в любых других местах рес-

⁸⁶ Klimek A. Říjen 1918: vznik Československa. Praha, 1998. S. 17–19.

⁸⁷ Archiv Poslanecké sněmovny Parlamentu České republiky, Praha, Společná československá digitální parlamentní knihovna, Národní shromáždění československé 1918–1920, stenoprotokoly. <https://www.psp.cz/eknih/index.htm> [přístup 2018].

публики, габсбургское имущество было конфисковано. Сегменты эпохи кануна 1918 г. устарели и получили в нарративе своего государства новую оценку.

Достоин внимания тот факт, что ментальный переход от существующей монархии к собственному государству основная часть чешских политиков, подстрекаемых с одной стороны действиями австрийского истеблишмента, а с другой, — заграничным и местным сопротивлением, проходила с весны по осень 1917 г. В конце концов чешский опыт Первой мировой войны, трагичный своими смертями, как и в других странах, был увенчан положительным финалом. При создании нового государства политико-гражданское толкование чехословацкого народа не могло быть продуктивным. Нереальным оказался и этнический конструкт единой нации чехов и словаков. Всего лишь через 20 лет чешское общество и его Чехословацкая республика, с целым рядом других народов и народностей, имея свои границы, и, в отличие от соседних государств, действующую парламентскую демократию, вступила в конфронтацию с нацистской Германией.

*Ян Билек
(Прага)*

*Перевод с чешского
А.В. Амелиной*

Влияние Первой мировой войны на внутривнутриполитическое развитие России в восприятии чехословацких легионеров

В день провозглашения Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. на территории России находились тысячи чехов и словаков, куда их привели события Первой мировой войны. Большинство из них проделало многокилометровый путь от Украины через всю Россию, Поволжье, Урал, Забайкалье до Дальнего Востока либо как военнопленные австро-венгерской армии, либо в качестве чехословацких легионеров. Они стали не только непосредственными свидетелями последствий Первой мировой войны для внутривнутриполитического развития России, но и в определенный отрезок времени сами были активными участниками событий⁸⁸.

Первая мировая война ускорила глубокий внутривнутриполитический, общественный и экономический кризис в империи Романовых. С падением царизма в феврале–марте 1917 г. начался один из наиболее драматических периодов в истории России, когда полностью обнаружилась вся сложность и глубина существовавших там проблем. В борьбе за политическую власть в стране, развернувшейся в марте–октябре 1917 г., победила самая радикальная сила российских

⁸⁸ Проблематика создания и действий чехословацких легионеров в России отражена в многочисленных мемуарах, старой и новой исторической литературе. Из множества работ чешской и словацкой историографии см. напр.: *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.: Českoslovenští legionáři (1914–1920)*. Praha, 1996; *Sak R. Anabáze: dráma československých legionářů v Rusku (1914–1920)*. Praha, 1996; *Křížek J. Němci, Lenin a československé légie*. Praha, 1997; *Štefan-ský V. Slovenská otázka v československých légiích v Rusku // Vojenské obzory*. 1995. Č. 2. S. 17–29; *Československé legie v Rusku / Ed. V. Veber*. Praha, 2003; *Fic V.M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1920*. I. díl. Praha, 2006, II. díl. Brno, 2007, III. díl. Brno, 2008, IV. díl. Brno, 2014.; *Vácha D. Bratrstvo: všední a dramatické dny československých legií v Rusku (1914–1918)*. Praha, 2015; *Emmert F. Československé legie v Rusku: velký příběh malé armády, která změnila mapu Evropy*. Brno, 2018; *Brádlarová D. Volající nebo podnikatel?: hospodářské a finanční aktivity československých legií během jejich anabáze v Rusku a na Sibiři*. Praha, 2019.

ского политического спектра — партия большевиков, которая в октябре 1917 г. захватила власть в свои руки.

Чешские и словацкие солдаты, находившиеся на территории России, внимательно отслеживали политическую ситуацию и развитие событий в 1917 г. В своих воспоминаниях и корреспонденции они запечатлели атмосферу полной разрухи, анархии, дезертирства русских солдат, нежелания воевать и серьезные политические перемены в России.

Неудачи на фронтах вели к усилению развала армии и недовольству в тылу. Преобладали настроения такого рода: «Войны никто не хочет, зачем нас гонят на войну как стадо?»⁸⁹. Росло число дезертиров, что русские солдаты объясняли обычно одной фразой: «Надоело воевать». Словацкий военнопленный, а вскоре и легионер, Микулаш Гацек воспринимал тогда Россию так: «...Россия огромная, могучая и богатая, но порядка в ней нет. Некоторые врожденные особенности русского человека, непростые исторические условия и кроме того недостаток образования — все это весьма замедлило культурное развитие России, она отстала от других государств»⁹⁰.

Падение царизма не принесло стране желанный мир и окончание войны. Летом 1917 г. газета «Slovenské hlasy»⁹¹ писала: «В России постоянное кипение как в котле... Но в российской политической жизни требуется хорошенько переварить эту темную массу народа, пока из нее не выкристаллизуется, не выделится действительно народная партия»⁹².

Политическая борьба в России достигла своего пика в октябре 1917 г. Словацкий писатель Янко Есенский был непосредственным свидетелем октябрьских событий в Петрограде: «...Разразилась еще одна страшная буря — ноябрьская большевистская революция. До сих пор невиданная холера явилась в виде монгольского черепа Ленина. Череп и кости с молотом и серпом, а не звезда. После недели непрекращающейся стрельбы рухнуло самое могучее сла-

⁸⁹ *Jesenský J. Cestou k slobode. Úryvky z denníka 1914–1918. Martin, 1933. S. 98.*

⁹⁰ *Gacek M. Sibírske zápisky (1915–1920). Martin, 1936. S. 81.*

⁹¹ «Slovenské hlasy» — легионерская газета, выходила в России в 1917–1920 гг. Сначала издавалась как приложение к киевской газете «Čechoslovan». Затем редакция перебралась в Петроград. С января 1920 г. газета печаталась в Иркутске, а в июне–июле 1923 г. — во Владивостоке.

⁹² *Slovenské hlasy. Rusko. Roč. 1. Č. 8. 21.08.1917.*

вянское государство. Романтик Керенский, переодетый в женское платье, бежал»⁹³.

За развитием политических событий в России внимательно следили и другие чехословацкие легионеры. «Наши чуткие уши прислушивались ко всему. Ничто не ускользало от нас из грозных, панических слухов, которые потихоньку подкрадывались к нам, которые день за днем заваливали нас все новыми и новыми подробностями, которые становились все более ужасными и невероятными»⁹⁴. «Мы часто не понимали сложности российской обстановки»⁹⁵, но сходились в том, что «везде анархия и развал. Большевики хотят не победить немцев, а совершить мировую революцию»⁹⁶.

Сразу же после победы большевиков Россия очутилась в огне Гражданской войны. В ноябре 1917 г. на Украине власть захватила Центральная народная рада, на Дону казачий атаман А.М. Каледин объявил военное управление, южный Урал оказался под властью оренбургского казачьего атамана генерала А.И. Дутова. Сибирь пыталась обрести автономию. Сибирские областные съезды в октябре и декабре 1917 г. объявили об автономии Сибири и предпринимали конкретные шаги к созыву Сибирской областной думы. Дума должна была стать представительным органом Сибири и назначить исполнительный орган автономии — сибирское правительство. Сибирская областная дума собралась в январе 1918 г. в Томске и избрала Временное правительство автономной Сибири. Постепенно на территории России образовались и в первой половине 1918 г. действовали 19 самостоятельных местных и региональных правительств⁹⁷. Гражданская война развернулась по всей России и разделила ее. «В начале 1918 г. еще звучал голос широких русских равнин: ”Долой царей! Долой рабство! Народы заявляйте о своих

⁹³ *Jesenský J.* Cestou k slobode. Úryvky z denníka 1914–1918. S. 169.

⁹⁴ *Gacek M.* Sibirské zápisky (1915–1920). Martin, 1936. S. 125.

⁹⁵ Словацкий легионер Ян Хорват в своих воспоминаниях писал: «То, что делалось тогда в России мы не могли до конца понять, но это было очень далеко от наших целей. См.: Slovenská národná knižnica — Archív literatúry a umenia (ďalej len SNK — ALU) Martin. Fond. Ján Chorvát. List J. Chorváta F. Čatlošovi. Sig. 129 J 134.

⁹⁶ *Gacek M.* Sibirské zápisky (1915–1920)... S. 134.

⁹⁷ *Тимонина Н.* Сибирское областничество (60-е гг. XIX в. — 1920 г.) // Глубинка. Омск, 1995. I. С. 25.

правах! Сами определяйте и устраивайте свои судьбы!” — Но голос уже не единый. Разобщенность, интриги, насилие раскололи его: левые, правые, большевики, украинцы, казаки — каждый гудит на свой лад»⁹⁸.

Гражданская война в России втянула в вихрь событий и чехословацкие легионы. По соглашению с советским правительством от 26 марта 1918 г. чехословацкие воинские части должны были следовать на восток, где из Владивостока их должны были эвакуировать союзники для отправки на фронт. Переправка такого большого количества вооруженных солдат через охваченную Гражданской войной территорию сама по себе была нелегким делом. Этот путь в своих воспоминаниях описали многие легионеры. «Потихоньку пробираемся от станции к станции, от города к городу, одна часть за другой. Так потихоньку проезжаем такие города как Курск, Воронеж. Всюду вокруг нас царит ужасная нищета, города и деревни убогие, дорог нет, селяне голодают, никто не знает, что будет дальше. Никакой русской армии, только большевики, а против них офицеры и всевозможные банды»⁹⁹.

Местная советская власть пыталась разоружить чехословацких легионеров, соглашение не соблюдалось, и ситуация становилась все более напряженной пока не вылилась в открытый конфликт в мае 1918 г. в Челябинске, после которого чехословацкие части начали открытое вооруженное выступление и стали захватывать территорию вдоль Транссибирской магистрали, чтобы проложить себе путь во Владивосток¹⁰⁰.

После свержения советской власти в Сибири возобновили свою работу автономные органы. В Омске было вновь создано Временное сибирское правительство под председательством П.В. Вологодского¹⁰¹. Деятельность правительства была сосредоточена на созыве Сибирской областной думы, восстановления порядка в Сибири, возобновлении деятельности общероссийского Учредительного со-

⁹⁸ *Klačko R.* 1918. *Slovenské hlasy*. 1918. Roč. 2. Č. 22. 31.12.1918.

⁹⁹ *Jurman O.* Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku. Praha, 2016. S. 61.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996. S. 85–119, 237–252.

¹⁰¹ Петр Васильевич Вологодский (1863–1928, Шанхай) — юрист. В 1918 г. Председатель Временного сибирского правительства. Член правительства адмирала Колчака. После поражения Колчака в эмиграции в Китае.

брана и борьбе с советской властью. С этой целью начали формировать русские военные подразделения, которые должны были сотрудничать с чехословацкими частями¹⁰². В Самаре из эсеровских депутатов разогнанного большевиками Учредительного собрания¹⁰³ образовался Комитет членов Учредительного собрания (КОМУЧ), который призвал крестьян к борьбе против большевиков и начал формировать по всей Сибири подпольные партийные и военные ячейки. Таким образом в Сибири образовался один из важнейших фронтов Гражданской войны.

Сложность ситуации в Сибири, неясность расстановки политических сил отмечали в своих записках многие легионеры. Один из них Владимир Дакснер так описал обстановку в Сибири: «...Сам Иркутск как столица Сибирского автономного правительства долго не продержится... новое сибирское правительство формирует войска, которые вместе с нами наносят поражения большевистским «красногвардейцам», среди которых много венгров, немцев, пленных... Русские красногвардейцы сами преступники, которых после революции выпустили из тюрем, а они потом захватили власть»¹⁰⁴. При характеристике положения чехословацких легионеров в этой запутанной ситуации Владимир Дакснер предельно краток: «Мы представляем собой собственное государство, ... а сибирское правительство на нас опирается»¹⁰⁵. Янко Есенский, характеризуя разделение власти в Сибири, был более обстоятелен: «...Существовало большевистское, так называемое советское правительство, с которым мы воевали. Кроме него были еще сибирское правительство в Омске, самарское правительство в Самаре, уральское в Екатеринбурге, где-то под Читой казачье с атаманом Семеновым, а еще дальше во Владивостоке своё, ну и еще наше»¹⁰⁶. Янко Есенский как заместитель

¹⁰² Подробнее см.: *Harbul'ová Ľ. Československé vojenské jednotky v Rusku a ich vzťahy s centrami protibolševického odporu na Sibíri v rokoch 1918–1919 // Kováčová V. a kol. Rusko (Sovietsky zväz) a Slovensko v priesečníkoch dejín. Rossija (Sovetskij Sojuz) i Slovákija na obščich perekrestkach istoriji. Banská Bystrica, 2016.*

¹⁰³ *Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 3–18.*

¹⁰⁴ SNK — ALU Martin. Fond. Vladimír Daxner. Listy S. a Oľge Daxnerovým. Inokantjevskaja pri Irkutsku 24. 05. 1918. Sig. 80 A 17.

¹⁰⁵ Ibid. List B. Daxnerovej — Hanesovej. Čeljabinsk 18. 8. 1918. Sig. 80 C 43.

¹⁰⁶ *Jesenský J. Cestou k slobode. Úryvky z denníka 1914–1918. S. 206.*

председателя Чешско-Словацкого национального совета (ЧСНС) имел возможность лично встретиться с русскими высшими политическими деятелями. Например, участников совместных челябинских совещаний в 1918 г. он описал так: «Авксентьев говорил темпераментно, жестикулируя... Гришин-Алмазов держался презрительно и с усмешкой. Надсмехался над нами, спрашивая, почему мы не едем во Францию отдыхать, если мы так устали... Маслов был патриархальный, добродушный человек с грустными глазами. Видел он там и Колчака с худым чисто выбритым правильно очерченным приятным лицом, небольшого роста, учтвого господина адмирала, будущего диктатора с трагическим концом»¹⁰⁷.

Развитие событий в Сибири отразилось на страницах газеты «Slovenské hlasy». Внимание газеты привлекла деятельность Временного сибирского правительства по созданию единого всероссийского правительства: «Временное сибирское правительство издало Обращение к населению Сибири. В нем говорилось, что в настоящий момент оно желает вступить в отношения со всеми правительствами на западе и востоке, будучи в твердой уверенности, что эти отношения приведут к созданию мощного, твердого, единого общерусского правительства»¹⁰⁸.

С конца лета 1918 г. вопрос о едином всероссийском правительстве ставился и под влиянием представителей Антанты. Первые попытки организовать встречу представителей различных политических центров окончились неудачей. В начале сентября 1918 г. КОМУЧ созвал заседание всех оппозиционных сил в Уфе. В результате этих переговоров 24 сентября 1918 г. появилось Временное Всероссийское правительство — пятичленная Директория с центром в Омске. О провозглашении правительства Директории газета «Slovenské hlasy» писала: «В России еще воюют русские якобинцы — большевики. Под лозунгами, что ведут борьбу со старыми порядками, религией, государственным правом, парламентом за социальное равенство, они предают своих собственных борцов, свое собственное общество. Хотя мы видим, что русская революция течет в русле французской, новая русская директория не будет

¹⁰⁷ *Jesenský J. Cestou k slobode. Úryvky z denníka 1914–1918. S. 213.*

¹⁰⁸ *Slovenské hlasy. Rusko. Roč. 2. 1918. Č. 6. 14. 09. 1918.*

французской. Ее главной задачей станет борьба против предателей и угнетателей Славянства»¹⁰⁹.

Правительство Директории на самом деле являлось компромиссом между КОМУЧем и Временным сибирским правительством, и это был лишь вопрос времени, сколько оно выдержит. Ее внутренняя нестабильность (постоянные распри между эсерами из КОМУЧа и кадетами из Временного сибирского правительства), а также повторная активизация большевиков, которые 8 октября 1918 г. захватили Самару, привели к консолидации правой части сибирского политического спектра и консервативно настроенных военных. Ситуация достигла апогея, когда в Омске в ночь с 17 на 18 ноября офицеры арестовали часть членов Директории и передали власть в руки кабинета министров, который выбрал своим «верховным правителем» адмирала Александра Васильевича Колчака. В Сибири была установлена военная диктатура. Один из чешских легионеров так запечатлел начало правления адмирала Колчака: «Мы видели, как формировалось войско Колчака. В то время он был правителем России с резиденцией в Сибири, в Омске, создавал армию против большевиков. Колчак, диктатор, реакционер, стягивал к себе русские высшие слои («сметанку» в чешском варианте. — *Прим. перев.*), буржуазию, часть русских офицеров, которые не могли забыть царя Николая и заодно уничтожили бедную русскую демократию, еще слабую»¹¹⁰.

Правление Колчака продержалось до осени 1919 г., после чего стало приходить в упадок из-за усилившегося наступления Красной армии, нападений партизанов и недовольства населения. В ноябре 1919 г. армия Колчака распалась на горстки людей, стремившихся выжить. Тысячи офицеров и солдат бежали на восток. 13 ноября Колчак оставил Омск и выехал в Иркутск. В то время антиколчаковское восстание вспыхнуло во Владивостоке, а в декабре 1919 г. и в Иркутске. 4 января 1920 г. Колчак обратился к представителям Антанты с просьбой об охране. Антанта поручила эту роль чехословацким легионерам. Однако, представители иркутского Совета потребовали выдачи Колчака, сделав это условием, облегчавшим

¹⁰⁹ *Jesenský J. Direktórium // Slovenské hlasy. Rusko. 1918. Roč. 2. Č. 8. 26.09.1918.*

¹¹⁰ *Jurman O. Legionářská odysea. Z Čech až do Vladivostoku. Praha, 2016. S. 78.*

проезд легионеров во Владивосток. Колчак был выдан, и 7 февраля казнен иркутскими большевиками. После расправы над Колчаком лишь забайкальский казачий атаман Семёнов, действовавший в окрестностях Читы, представлял собой значительную антисоветскую силу. Но к концу 1920 г. советское правительство укрепило свои позиции на территории всей Сибири.

В работах чешских и словацких легионеров, которые прошли через всю Россию, доминировали воспоминания об их пребывании и деятельности в Сибири. В большинстве этих воспоминаний запечатлено правление адмирала Колчака, причем в центре их внимания оказался конец колчаковского правительства и отступление его армии: «Осенью 1919 г. на антибольшевистском фронте разразилась катастрофа. Повторились события 1918 г., только в обратном направлении. Как тогда большевики оставляли фронт и разбежались по домам, в 1919 г. Белая армия адмирала Колчака пустилась наутек перед большевиками. В середине ноября пал Омск, столица Сибири. Адмирал Колчак и его министры бежали от большевиков на восток...»¹¹¹. В воспоминаниях чувствуется растерянность и сочувствие к солдатам армии Колчака и несчастиям простых людей, втянутых в Гражданскую войну. «Все трещало по швам. За нами уже не было никакой армии, большевики напирали на нас все больше и больше. Перед нами в Иркутске произошел переворот... Войско Колчака бежало на конях и на санях»¹¹², — вспоминал легионер Ян Поляк.

Словак Йозеф Миколай запечатлел в своих воспоминаниях отступление чехословацких легионеров и войск Колчака из Омска в направлении на Иркутск: «Большевики нас преследовали не только по железной дороге, но и по иркутскому тракту (дороге), по которой перед нами отступали остатки колчаковской армии. Местами мы вынуждены были заграждать им путь, занимая мосты. Зима была лютая, русской армии было хуже, они отступали на санях, а мы в поездах. Колчаковской армии досталось больше всего. От Омска отступали на санях, на лошадях до Читы несколько тысяч километров. Большинство из них погибли не в боях с большевиками, а от

¹¹¹ *Mikolaj J.* Ako to s nami bolo. (Rozpomienky na svetovú vojnu, Rusko, jeho revolúciu a československé légie). Spišská Nová Ves, 1937. S. 85.

¹¹² *Písecký F.* Hej, Slováci! Hrst' rozpomienok slovenských legionárov. Praha, 1933. S. 58.

зимы и болезней»¹¹³. Другой словацкий легионер Игнаций Буцек так обрисовал последние дни правления Колчака: «Тогда пал Колчак. Я видел, как шли его составы через нашу станцию (Камала). Охрана у них была строго дисциплинирована и вооружена как на фронте: револьверами, саблями, ружьями и гранатами. Видно было, что они боятся, так как никого не подпускали к вагонам. Прошло несколько составов с семьями чиновников, офицеров и более обеспеченных людей. При отступлении с армией Колчака в пешем строю и на возах, запряженных конями, замерзали в санях маленькие дети. Мертвых детей без жалости выбрасывали в снег на съедение волкам и прочей нечисти. Даже больные были вынуждены бежать, спасаясь от мести большевиков. Был сильный голод. Люди, бежавшие рядом с нами, были готовы на все за кусок хлеба»¹¹⁴.

Фердинанд Чатлош был одним из немногих словаков, которым удалось побывать вблизи А.В. Колчака. В своих воспоминаниях он описал совместный ужин в вагоне Колчака незадолго до его расстрела. «Меня удивило природное благородство, с которым отнеслись ко мне в такое напряженное время, в обстановке нескрываемого недоверия к нам, согласились допустить меня в вагон, пригласив на ужин. Еще больше меня удивило (сидя за соседним столом от хозяина, я мог в этом убедиться), что никаких королевских угощений не выставили, сам Колчак начал и закончил ужин простой русской едой — гречневой кашей. После ужина к моему еще большему удивлению какой-то университетский профессор прочел лекцию о демократических принципах правления. Колчак с большим вниманием ее слушал, а я думал о возможности невозможного — может ли убежденный монархист править демократическими способами»¹¹⁵.

Чехословацкие легионеры в своих воспоминаниях отразили не только конкретные боевые эпизоды, но и события Гражданской войны в Сибири, врезавшиеся в память. Мы находим там описания разрушенных и сгоревших станций, разломанных железнодорожных путей, взорванных паровозов, разобранных мостов, деревушек,

¹¹³ *Mikolaj J. Op. cit. S. 86.*

¹¹⁴ *Písecký F.; Gregor-Tajovský J. Sborník rozpomienok ruských legionárov Slovákov. Praha, 1933. S. 13.*

¹¹⁵ *Písecký F.; Gregor-Tajovský J. Op. cit. S. 28.*

от которых остались лишь пожарища¹¹⁶. «Мы были поражены, обнаружив жителей в землянках, когда от их домов остались лишь пепелища. На наш вопрос, кто это сделал, они ответили: ”красильниковцы — казаки”»¹¹⁷, — вспоминал Ян Хорват. Одними из действующих лиц сибирской военно-политической сцены были повстанческие банды.

Ф. Чатлош обрисовал это так: «В Мокруши было сосредоточено около полутора тысяч повстанцев. Их штаб располагался в Алегинской. В Алегинской и в Таравшете начинались хорошие естественные укрепления повстанцев, которые особенно зимой прекрасно их защищали. Из этих гнезд они совершали нападения и терроризировали всю округу. Их укрытия знали лишь сибирские охотники на медведей, а крупной военной силой регулярного войска туда проникнуть было нельзя»¹¹⁸.

Больше всего legionерам врезались в память жестокости и зверства, совершавшиеся над людьми. Йозеф Миколай стал свидетелем такой картины: «Солдаты хотели посчитаться с Семеновым. Они последовали за ним поездом к манчжурской границе. На последней русской станции произошел бой, в котором победили большевики. Они захватили санитарный поезд семёновцев. Раненых поубивали, а их мертвые тела привезли в угольном вагоне в Даурию. Мы получили приказ выйти на станцию. А там перед нашими глазами развернулось страшное действие. Один солдат вошел в вагон и стал сбрасывать на землю мертвые тела убитых. Они были полностью раздеты и изуродованы. Но большевикам этого показалось мало. Они хотели нагнать на нас страх. Они начали стрелять в мертвых из револьверов и пинать их ногами в головы и грудь. При этом чертовски покрикивали на нас: «Смотрите, как гибнет буржуазия. Смерть

¹¹⁶ Й. Грегор-Тайовский, проезжавший через Западную Сибирь после отступления большевиков, так описывал представшую перед ним картину: «Чем дальше на запад, тем больше свидетельств красноармейских способов сражений... Разрушенные пути, сломанные мостики, на сохранившихся растерзанные вагоны, развернутые локомотивы, на 20–30-ти метровом высоком мосту 2 столкнувшихся поезда, локомотивы которых врезались прямо на мосту, один вероятно сгоревший, а другой доломанный, стоят прямо на рельсах, а третий валяется в стороне внизу на берегу...» // *Gregor-Tajovský J. Rozprávky o československých légiách v Rusku*. Bratislava, 1920. S. 222–223.

¹¹⁷ SNK — ALU Martin. Fond. Ján Chorvát. List J. Chorváta F. Čatlošovi. Sig. 129 J 13.

¹¹⁸ *Písecký F. Hej, Slováci! Hrst' rozpomienok slovenských legionárov...* S. 22.

контрреволюционерам! Затем нас отпустили. Мертвые обезображенные братья, тело убитого прапорщика было продырявлено пулями как сито, продолжали валяться в снегу во рву под железнодорожной насыпью. Они лежали там две недели»¹¹⁹.

Вблизи железнодорожного полотна чехословацкие легионеры могли видеть такие картины: «... На дорогах можно было видеть павших от усталости или болезней и замерших или убитых повстанческими шайками людей... Страшная трагедия разыгрывалась прямо перед нашими глазами. Занесенная беженцами эпидемия тифа свирепствовала в сибирских деревнях, где население гибло от болезни как мухи по осени»¹²⁰.

Кроме описания военных действий, важных политических событий и их действующих лиц чехословацкие легионеры в своих воспоминаниях затрагивали и другие темы. Некоторые из них в своих работах отражали русские реалии, обрисовывали характер и обычаи русского народа, либо описывали сибирскую природу, которая их пленила. Многих легионеров очаровало озеро Байкал. Чешский легионер О. Юрман писал о нем так: «Озеро Байкал большое, самое глубокое озеро в мире. Вода в нем холодная, как лед. Даже в самую жару, которая бывает летом в Сибири, ноги не выдерживают в ней и пяти минут. Здесь тьма комаров и таких желтых мух, которые во время еды лезут прямо в рот. Вокруг озера особенно с правой стороны в направлении на восток высокие скалы, холмы, но там растут такие красивые высокие цветы, что мы поражались... Когда едешь вдоль Байкала, то должен проехать через 42 прорубленных в скалах туннеля. Только выедешь из одного, сразу въезжаешь в другой. По левой стороне озеро, вода, а справа сразу высокие холмы, скалы»¹²¹.

Ян Поляк, который находился в лагере для военнопленных в Барнауле, наблюдал за жизнью населения региона: «Погода стояла теплая. От Новониколаевска вплоть до китайской границы простиралась ровная, плодородная земля, но плохо обработанная. Там занимались в основном разведением скота. Мы видели огромные табуны лошадей, стада разного скота, овец. Производили много

¹¹⁹ *Mikolaj J.* Ako to s nami bolo... S. 61–62

¹²⁰ *Písecký F.; Gregor-Tajovský J.* Op. cit. S. 213.

¹²¹ *Jurman O.* Op. cit. S. 91.

масла, выращивали сахарную свеклу, которую перерабатывали на сахароваренном заводе на Алтае, русские занимались земледелием, киргизы — коневодством... У последних не было постоянного места жительства, они перегоняли свои стада верблюдов, коров, табуны лошадей...»¹²².

Многих легионеров захватила неповторимая атмосфера русских железнодорожных станций и русская традиция чаепития. Йозеф Грегор-Тайовский запечатлел атмосферу вокзала в Челябинске: «В залах собираются семьи переселенцев из России в Сибирь и беженцев с занятых немцами территорий. Из множества их вещей выделяются меха, комоды, перины, шубы и чайники. Сидят, лежат на всем этом бабки, матери, обнимая вещи или лишь касаясь их головами и руками. Маленьких детей укладывают на вещи, как раскладывают кукол в деревнях. Также как там: какие одеты, какие в рубашках, а некоторые в старье, в зашитой, пыльной, залатанной одежде»¹²³.

Сохранились и описания русских городов, в которых побывали легионеры. Эти описания являются ценными свидетельствами об атмосфере, царившей в сибирских городах в 1917–1920 гг. Например, Ян Поляк, попавший в Тобольск, описал город так: «Тобольск отделен от всего мира. Там нет железной дороги, а вода окружает его с трех сторон... В городе жили в основном русские, а в деревнях — татары, которые занимались земледелием и разведением скота. Зимой дни были короткими, а летом длинными, ночи длились всего несколько часов, и полной темноты не было. Все переезды совершались зимой на санях по замёрзшей реке»¹²⁴. Сохранилось и описание Иркутска Микулаша Гацека: «Мы на прекрасном белом вокзале Иркутска под холмом. Он слывет жемчужиной Сибири. Перед нами понтонный мост и город полукругом на берегу великолепной Ангары... Река удивительно чистая, прозрачная, на дне виден каждый камушек, хоть она и глубокая... А в городе ровные широкие улицы, своеобразные деревянные дома с высокими оконными наличниками... А вот и центральная улица... Красивый

¹²² Písecký F. Hej, Slováci! Hrst' rozpomienok slovenských legionárov... S. 55.

¹²³ Gregore-Tajovský J. Rozprávky o československých légiách v Rusku... S. 212–213.

¹²⁴ Písecký F. Hej, Slováci! Hrst' rozpomienok slovenských legionárov... S. 56.

театр, здание общественного собрания, здесь уже находим кирпичные дома в несколько этажей... На этом доме следы боев юнкеров с большевиками. Магазины закрыты, на улицах мало света, странная прохлада, тишина во всем городе...»¹²⁵.

Первая мировая война ускорила внутривосточные и общественные перемены в России. Свидетелями этих изменений стали тысячи чешских и словацких легионеров, находившиеся в то время на российской территории. После возвращения домой многие из них в своих мемуарах и специальных работах запечатлели общественные и политические изменения в России, свидетелями которых являлись. Образ России в указанных исторических источниках представляет собой интересный исследовательский материал для изучения политической жизни России и ее жителей в период Первой мировой войны и во время коренных общественных перемен непосредственно после ее окончания.

*Любица Гарбулёва
(Прешов)*

*Перевод со словацкого
Е.П. Серапионовой*

¹²⁵ Gacek M. Op. cit. S. 151.

Судьбы российской эмиграции «первой волны» в Чехословакии

Русская Прага и россияне в Чехословацкой республике в целом, занимают одно из ключевых мест в облике историко-культурного феномена российского зарубежья межвоенных лет¹²⁶. Уникальность этого феномена проявилась и в высокой концентрации интеллектуальных сил и учащейся молодежи, в воссоздании научных, образовательных, просветительских, музейных, архивных учреждений, большого числа общественных организаций российских соотечественников и т.д.

Численность российской общины в Чехословакии в начале 20-х годов XX века составила свыше 25 тысяч человек¹²⁷, и лишь к началу Второй мировой войны она несколько снизилось. В исследовании Анастасии Копршиовой приведен интересный анализ социального состава россиян на основе Пражского телефонного справочника 1937–1938 гг. «Русская Акция», по мнению исследовательницы, не прошла даром, две трети абонентов указали род занятий, требовавший высшего и среднего образования¹²⁸.

Большинство россиян тех лет в Праге, Брно, Пршибраме, Мокропсах, Братиславе и других местах республики — это представители научной, творческой интеллигенции, студенческая молодежь (бывшие участники Белого движения, недоучившиеся студенты,

¹²⁶ См. об этом подробнее: *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы) М., 1995; *Копршиова А.* Российские эмигранты во Вшенорах — Мокропсах — Черношицах (двадцатые годы 20-го века), Прага, 2000; *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008 и др.

¹²⁷ См.: *Немечек Я.* К актуальности изучения тематики русской эмиграции в межвоенной Чехословакии // Как зарождалась Русская Прага. М., 2017. С. 17.

¹²⁸ *Копршиова А.* Указ. соч.

выпускники гимназий, военных училищ), офицерство Первой мировой и Гражданской войн. В сельской местности Чехословакии — это и представители казачества.

Появление первых значительных по численности русских общин в Чехословакии относится уже к 1919 г. В них входили представители интеллигенции, предприниматели, офицеры и низшие чины, побывавшие в австрийском плену. Как известно, в апреле 1919 г. была создана Чешско-русская еднота. В задачи организации входило укрепление российско-чехословацких связей, изучения России в Чехословакии и т.д.¹²⁹

Большую роль в укреплении этих двусторонних связей сыграл, безусловно, Карел Крамарж и его русская по своему происхождению супруга, поддержка, которую они оба оказывали русским студентам и эмигрантам из России в целом¹³⁰.

Общепризнана и определяющая роль в судьбах российского зарубежья в целом и, особенно, эмигрантов из России в Чехословакии «Русской акции» правительства Томаша Масарика¹³¹.

Межминистерский кабинет Чехословацкой Республики, задачей которого была помощь голодающим в России и содействие прибывающим в Чехословакию эмигрантам, был создан 28 июля 1921 г. Делами эмигрантов, в том числе финансированием их поддержки занимался МИД Республики и в общей сложности на «Русскую акцию» было израсходовано свыше 500 миллионов чехословацких крон или 5 % среднегодового бюджета Республики¹³².

Одним из главных направлений этой деятельности была поддержка эмигрантской молодежи в деле получения высшего образования. Десятки тысяч российских студентов окончили вузы в стране.

Были созданы и эмигрантские высшие и средние специальные учебные заведения. Такие как, Русский юридический факультет,

¹²⁹ См.: Пивовар Е.И. Указ. соч. С. 249.

¹³⁰ См. об этом подробнее: *Серационова Е.П.* Карел Крамарж и Россия: 1890–1937 годы. Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными деятелями. М., 2006.

¹³¹ См., напр.: *Копришова А.* Личные контакты президента Масарика с российской эмиграцией // Т.Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства. М., 2005.

¹³² См.: Пивовар Е.И. Указ. соч. С. 248–249.

Русский педагогический институт имени Яна Амоса Каменского, Институт сельскохозяйственной кооперации, Русский народный (впоследствии — свободный) университет и др. С другой стороны, российские профессора работали в Чехословацкой высшей школе, среди студентов которой были и россияне. Так в знаменитом Карловом университете в Праге преподавали Н.П. Кондаков, А.А. Кизеветтер, А.В. Флоровский, М.М. Новиков и др. В.В. Стратонов читал курс лекций в Чешском высшем техническом училище в Праге, в Брно в университете имени Масарика русскую филологию и древнечешскую литературу преподавал Р.О. Якобсон¹³³. Представители российской научной мысли сумели продолжить свою деятельность. В ряде исследований коллег и в своих собственных работах мы отмечали и деятельность Экономического кабинета Сергея Николаевича Прокоповича, Академической группы под руководством Никодима Павловича Кондакова и др.¹³⁴

Неоднократно, именно в Праге, собирались на свои съезды и конференции представители российской эмигрантской общественности с разных концов «России в изгнании». Здесь проходили педагогические съезды, съезд российских библиотекарей, партийные съезды и конференции. В 1923 г. в Праге состоялся Первый съезд зарубежных организаций партии эсеров, а в последующие годы велась активная публицистическая деятельность ее лидеров, здесь располагалась штаб-квартира и проходили съезды партии «Крестьянская Россия», имевшей отделения в Польше, Латвии, Эстонии, Франции, Харбине¹³⁵.

Прагу не случайно именовали «русскими Афинами» и «русским Оксфордом» как центр образования и науки. А Глеб Струве называл этот город главным университетским городом Русского зарубежья¹³⁶.

¹³³ См.: Немечек Я. К актуальности изучения тематики русской эмиграции в межвоенной Чехословакии // Как зарождалась Русская Прага, М., 2017. С. 16–17; Пивовар Е.И. Указ. соч. С. 116–117, 204–206, 248–249, 388–389, 394–395 и др.

¹³⁴ См.: Пивовар Е.И. Указ. соч.; Немечек Я. Указ. соч., Пивовар Е.И. Мир русской Праги в контексте глобального диалога культур XX — начала XXI в. // Как зарождалась Русская Прага. М., 2017. С. 10.

¹³⁵ См.: Пивовар Е.И. Мир русской Праги в контексте глобального диалога культур XX — начала XXI в. // Как зарождалась Русская Прага. М., 2017. С. 10.

¹³⁶ См.: Струве Г. Русская литература в изгнании... С. 24.

При этом российская интеллигенция охотно и быстро осваивавшая чешский язык, чтобы преподавать, писать, вести исследовательскую работу в чешских научных учреждениях не столько ассимилировалась, сколько интегрировалась на равных в чехословацкое общество¹³⁷.

В то же время, Прага стала ведущим центром движения по сохранению российской эмиграцией культурно-языковой идентичности. Именно здесь действовали ведущие силы эмигрантского просветительства и работы с молодежью в лице Земгора. В 1921 г. здесь вышел первый сборник группы евразийцев как самобытного политико-философского течения, ищущего новые пути исторического развития России¹³⁸. В Праге В.В. Зеньковским и группой единомышленников создан первый центр Русского студенческого христианского движения (РСХД). А в 1925 г. в день рождения А.С. Пушкина впервые был проведен День русской культуры, ставший на долгие годы одним из важнейших мероприятий российской эмиграции по всему миру¹³⁹. И именно в Прагу в Русский Заграничный Архив стекались уникальные документы, благодаря которым и стало возможным обстоятельное изучение истории российского зарубежья в наши дни, а собрания Русского культурно-исторического музея позволили сохранить произведения художников и скульпторов Зарубежной России¹⁴⁰.

И.П. Савицкий привел данные о том, что власти Чехословакии оказывали существенную финансовую помощь выпускавшемуся в Праге еженедельнику «Воля России», а также ряду других эмигрантских изданий таких как, «Современные записки» и «Последние новости» в Париже, берлинские газеты «Голос России» и «Дни»¹⁴¹.

Когда мы говорим о судьбах российской эмиграции «первой волны» в Чехословакии, то сразу вспоминаем имена наших со-

¹³⁷ См.: *Серапионова Е.П.* Русская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы.) М., 1995.

¹³⁸ См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 249.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ См.: *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 250.

¹⁴¹ См.: *Пивовар Е.И.* Мир Русской Праги в контексте глобального диалога культур XX — начала XXI в. // Как зарождалась Русская Прага. М., 2017. С. 9; *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия. Прага, 2002. С. 117–118.

отечественников, прославивших свою Родину. Это такие известные историки, археологи, искусствоведы, византиноведы, философы, правоведы, литературоведы как Н.П. Кондаков, А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин, А.В. Флоровский, И.И. Лаппо, Н.Л. Окунев, П.Б. Струве, Е.Ф. Шмурло, С.Г. Пушкирев, Г.М. Катков, А.П. Калининский, Н.О. Лосский, Р.О. Якобсон, В.И. Немирович-Данченко, П.И. Новгородцев. Это и известные политические и общественные деятели — И.И. Петрункевич, А.В. Маклецов, Н.Н. Богданов, Е.К. Брешко — Брешковская, С.И. Варшавский и др.

В Чехословакии постоянно или подолгу жили писатели Аркадий Аверченко, Евгений Чириков, поэтесса Марина Цветаева. Бывали здесь и активно печатались писатели эмигранты (Ходасевич, Амфиотров, Бунин, Зайцев, Шмелев, Бальмонт, Степун), а Куприн, Ремизов, Мережковский, Гиппиус, А. Черный и др. сотрудничали с чехословацкими издательствами и журналами¹⁴².

Многие представители русской творческой и интеллектуальной элиты, находясь в эмиграции, связали с Чехословакией всю оставшуюся часть жизни. Среди них историк византийского и русского искусства Никодим Павлович Кондаков (1844–1925), преподававший в Карловом университете до своей кончины. Выпускник Московского университета, профессор-историк Александр Александрович Кизеветтер (1886–1933), в последние годы жизни Председатель Русского исторического общества, астрофизик Всеволод Викторович Стратонов (1868–1939) до революции декан физико-математического факультета МГУ.

Другие эмигранты переехали из Чехословацкой Республики в иные европейские страны и США, где также достойно представляли российскую науку и культуру.

Экономист С.Н. Прокопович в 1938 г. выехал из Чехословакии сначала в Швейцарию, а затем в США, где опубликовал уже в 1952 г. двухтомный труд «Народное хозяйство СССР» (Нью-Йорк, 1952 г.). Ректор Московского университета в 1919–1920 гг. Михаил Михайлович Новиков, преподававший в Русском народном университете

¹⁴² См.: *Серапионова Е.П.* Указ. соч., *Пивовар Е.И.* Указ. соч., *Савицкий И.* Указ. соч.; Дом в изгнании. Очерки русской эмиграции в Чехословакии. 1918–1945, Прага, 2008; Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике. Прага, 2000 и др.

и Карловом Университете в 1923–1939 гг., затем Словацком университете, в последние годы работал в США и в 1955 г. возглавлял Оргкомитет по празднованию 200-летнего юбилея Московского университета в Нью-Йорке.

Историк Сергей Германович Пушкарев преподавал с 1924 г. в Русском народном университете, являлся членом Славянского института в Праге. Здесь он подготовил ряд трудов по русской истории, в частности работу «Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России». Работа была напечатана в «Записках Русского научно-исследовательского объединения в Праге» за 1939 и 1941 гг. С 1949 г. он работал в США, читал лекции по русской истории в Русском институте Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Философ Николай Онуфриевич Лосский, высланный из Советской России в 1922 г., работал в Праге до 1942 г., будучи профессором Русского народного университета, затем в Братиславе, после Второй мировой войны преподавал в Париже, в Свято-Сергиевом Богословском институте и Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке.

Поразительна судьба выдающегося лингвиста XX столетия, педагога и литературоведа Романа Осиповича Якобсона. В феврале 1920 г. он выехал из Советской России в Ревель, в составе торговой делегации Центросоюза в качестве сотрудника РОСТА, отсюда направился в Чехословакию как переводчик миссии Красного Креста, занимавшейся репатриацией на Родину военнопленных. Затем он работал в Советском постпредстве в Праге. В 1926 г. Р.О. Якобсон становится одним из основателей Пражского лингвистического кружка. В 1930 г. в Праге он защитил докторскую диссертацию и в 1931 г. переехал в Брно, где преподавал Русскую и Древнечешскую литературу в Университете им. Масарика. В 1937 г. Р.О. Якобсон получил чехословацкое гражданство, участвовал в международных научных конгрессах.

Сразу после ввода немецких войск в Чехословакию, его семья скрывалась в Праге в течении месяца, дожидаясь виз и 23 апреля выехала в Данию, где Якобсон читал лекции в Копенгагенском университете, отсюда в сентябре того же года он переехал в Осло, где его избрали членом Академии наук Норвегии. 9 апреля 1940 г. Якобсоны, едва услышав объявление о нацистском вторжении

в Норвегию, бежали к шведской границе и въехали в нейтральную Швецию в качестве беженцев. Там Якобсон некоторое время преподавал в Университете Упсалы. В мае 1941 г. он с женой на грузовом судне отправился в США, где работал в Гарварде, а в 1962 г. был номинирован на Нобелевскую премию по литературе. В послевоенные годы ученый неоднократно бывал в СССР на международных съездах славистов и философских конференциях и симпозиумах.

Трагическая судьба также постигла представителей Российского Зарубежья в Чехословакии. Генерал Сергей Войцеховский умер в Озерлаге недалеко от Тайшета в 1951 г. Писатель и публицист, выпускник Русского юридического факультета в Праге Константин Чхедидзе, во время Второй мировой войны сотрудничавший с Российским антифашистским движением в Праге, был арестован СМЕРШ в 1945 г. и вернулся из ГУЛАГ только в 1955 г. Юрист, писатель, профессор Георгий Гарин-Михайловский, сын русского писателя, погиб в заключении в Воркуте. Русский дипломат, переводчик, владевший десятью языками, Владимир Рафальский выбросился из окна пражского дома, куда после ареста был привезен советской контрразведкой¹⁴³.

Были и примеры возвращения выдающихся представителей Русской Праги на Родину. В частности, Валентин Федорович Булгаков, последний секретарь Л.Н. Толстого, инициатор создания Русского культурно-исторического музея в Праге, председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, всю войну находился в концлагере Вайсенбург в Баварии. Был освобожден американцами, вернулся в Прагу, а в 1948 г. принял советское гражданство. Вернувшись в СССР, он поселился в Ясной Поляне, где в течение 20 лет был хранителем Дома-музея Л.Н. Толстого. В 1958 г. В.Ф. Булгаков был принят в члены Союза писателей СССР. Его книги «Встречи с художниками», «О Толстом. Воспоминания и рассказы», опубликованные в 2012 г., мемуары «Как прожита жизнь» изданы в СССР и Российской Федерации.

В заключении, отметим несколько штрихов повседневной жизни, которая отображала, например, фотография, документальная и художественная, любительская и профессиональная. «Немало воен-

¹⁴³ См.: Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008. С. 250.

ных, особенно, из недоучившихся студентов, поехало на учебу в Чехословакию. При первой же возможности приобретали один фотоаппарат на группу. Снимали все подряд: учебу, лекции, практические занятия на природе, экскурсии, праздники, концерты и вечеринки» — отмечает Андрей Корляков, составитель уникальных альбомов «Русская фотография в эмиграции», где присутствуют и снимки, сделанные в 20–30-е годы XX века в Чехословакии¹⁴⁴. Среди них групповые фото школьников, заседания Комитета по обеспечению образования студентов, делегатов Педагогического съезда в Праге 1927 г., группы студентов Русского народного университета, уникальные семейные снимки Н.О. Лосского с женой и сыновьями, сыновей Петра Бернгардовича Струве. Ряд уникальных снимков 1920-х годов из личного архива Анастасии Копршиковой помещены в книге «Дом в изгнании» (Прага 2008 г.). Среди них, фотографии детей в столовой Русской гимназии, студентов в типографии, фотопортреты П.И. Новгородцева, В.И. Немирович-Данченко, В.Н. Тукалевского, Г.А. Мусатова и других выдающихся деятелей науки и культуры Русской Праги¹⁴⁵.

Одним из любимых мест русских соотечественников в Праге был ресторан «Огонек» (Malá Štěpánská 11), здание это пострадало от налетов американской авиации в феврале 1945 г. В Праге же, на Тыловой площади (Tylovo nám.) на Виноградах, располагалась русская столовая при гостинице «Беранек», это также было одним из популярных мест встреч представителей русской эмиграции. На протяжении 20 лет здесь собирались и члены общества «Чешско-русской едноты».

*Е.И. Пивовар
(Москва)*

¹⁴⁴ См. Волкова Г.В. Образы Праги в фотографическом наследии российской эмиграции 1920–1930-х гг. // Как зарождалась Русская Прага, М., 2017. С. 45; Великий Русский исход: Европа / Сост. А. Корляков. Paris, 2009. С. 5.

¹⁴⁵ См. Волкова Г.В. Указ. соч. С. 45; Великий Русский исход: Европа / Сост. А. Корляков. Paris, 2009. С. 286–325.

Распад Австро-Венгрии и этнические проблемы государств-наследников

В тот день, когда было подписано перемирие в Компьене, положившее конец Первой мировой войне, император Карл отказался от трона, а Польша заявила о независимости, в Вене скончался основатель социал-демократической партии Виктор Адлер, весьма уважаемый человек. О нем чешские социал-демократы всегда отзывались с большим пиететом. В конце жизни он чувствовал, что прожил ее не напрасно, Адлер жил, чтобы увидеть мирную революцию в Австрии, которая, по его мысли, приведет к демократическому социализму и справедливости. Он жил, чтобы увидеть также революцию в Германии, а так как демократия, как он полагал, должна была победить и там, он недвусмысленно призывал к объединению Австрии и Германии. В этом он видел осуществление всех стремлений германской нации к справедливости. Вместе с тем, Адлер мечтал о независимости и других наций, которые теперь должны были ее получить.

В конце 1918 г., когда к концу близилась самая страшная в истории война, возможно, многие чувствовали то же, что и Адлер. И даже когда города распавшейся монархии и, прежде всего, ее столица, Вена, столкнулись с голодом и опустели от эпидемии испанского гриппа, верилось, что только что закончившаяся война будет последней, и что начнется эра всеобщего мира, справедливости и братства. Одни воспринимали распад империи со страхом и сожалением, а другие — с радостью. Но все желали чего-то нового в сложившейся ситуации. В отличие от скончавшегося Адлера они продолжали жить, и вскоре поняли, что не все так просто. Оказалось, что освободившиеся народы не прочь были взять друг друга за глотку и снова ввязаться в войну, но на этот раз уже из-за спорных территорий. Не проявились никакие признаки эпохи всеобщего процветания. Более состоятельные члены общества имели основания для

беспокойства: над Европой нависла угроза большевизма. Многие представители бедных слоев, которые в основном и пострадали от бедствий и ужасов войны, были уверены, что только при помощи большевизма удастся спастись, установить справедливые порядки и достичь рая на земле.

К сожалению, рая на земле не существует, никогда не было и не будет. Да и полного этнического равенства достичь никогда не удастся, так как нации — понятие не постоянное, одни зарождаются, другие исчезают. Население, как правило, этнически смешанное, и достичь национально гомогенного общества не так-то просто, если не прибегать к насильственному переселению этнических групп. Кроме того, хотя многие нации на словах восторгались этническим принципом национального строительства, одновременно они настаивали на исторических правах, обосновывая их давно не существующими границами. Например, политики возрожденного польского государства мечтали о границах до первого раздела Польши, то есть 1772 г.!

Мирный договор с Австрией, подписанный в Сент-Жермене 10 сентября 1919 г., и договор с Венгрией, заключенный в Большом Трианонском дворце 4 июня 1920 г., знаменовали собой окончательную ликвидацию Австро-Венгрии. На ее развалинах возникли три, как они сами себя определяли, этнические государства: Чехословакия, Польша и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. Югославия). Помимо этого, на основе «этнического принципа» часть территории распавшейся монархии присоединили к уже существовавшим государствам — Италии и Румынии. Собственно говоря, создание Королевства СХС можно трактовать как присоединение югославянских территорий Австрии к Сербии. На самом деле ни одно из этих государств не являлось национальным: все они — Польша, Чехословакия, Королевство СХС, стали уменьшенными копиями Австро-Венгрии, унаследовавшими все ее этнические проблемы. Более того, принято говорить, что все они имели на своей территории крупные национальные меньшинства, но это справедливо только в случае с Польшей, где около двух третей населения являлись поляками — основной этнической группой. В Чехословакии и Югославии «национальности» (чехословацкая и югославская) были искусственно созданы, и ни один из этих

народов не составлял более половины населения. Возникли только два национальных государства — Австрия, которой по мирным договорам запрещалось объединение с Германией, и Венгрия, которая, конечно, не рассматривалась венграми как новое государство, а как продолжение Венгерского королевства. Разумеется, в Венгрии продолжали существовать различные этнические диаспоры, но ввиду малочисленности они не представляли собой серьезной проблемы. За исключением этих двух стран население радовалось существованию своих «национальных государств». Но эти две страны стояли особняком. Немцы считали Австрийскую республику «государством, которого никто не хотел». Венгры, продолжавшие рассматривать территории Венгерского королевства как свои собственные, вдруг с изумлением увидели, насколько уменьшилась их страна. До сих пор они не смирились с потерей двух третей своих исторических территорий.

Новый статус и создание собственного государства приветствовались чехами и словаками, сербами, хорватами и словенцами в Королевстве СХС, поляками в Польше. Румыны Трансильвании и Буковины, румыноговорящее население Бессарабии, итальянцы в Тренто и Триесте, конечно, могли иметь и имели причины праздновать национальное освобождение. Создание Чехословакии, Королевства СХС (Югославии) и восстановление независимой Польши являлись явно позитивными шагами и проявлением права наций на самоопределение. Давайте теперь оставим в стороне проблемы отношений между чехами и словаками, и особенно между сербами и хорватами, которые, как это вскоре выяснилось, оказались далеко не такими безоблачными. Но создание этих государств не решило этнических проблем, и в еще меньшей степени способствовали этому решению попытки обосновать границы и присоединить территории, населенные этносами соседних стран к государству, выступавшему на стороне победителей.

Между Австрией (но не Венгрией) и государствами-наследниками имелось одно принципиальное различие: в австрийской части монархии, в Цислейтании (но не в Транслейтании), официально существовало равенство между отдельными этническими группами (*Volksstämme*). Цислейтания определялась как мультинациональное государство, в котором ни одна из наций не являлась основной этни-

ческой группой. Новые государства, однако, идентифицировали себя как «национальные государства», что означало наличие в них как основных этнических групп, так и национальных меньшинств. Эксперты, создававшие новый Версальский порядок в 1919–1920 гг., не признавали в новых государствах проблем с меньшинствами. Решение виделось в создании системы защиты их национальных прав. Статьи о меньшинствах включались в мирные договоры со всеми государствами-наследниками с тем, чтобы гарантировать равный статус представителям меньшинств и основной этнической группы, и более того, обеспечивая меньшинствам «дополнительные права» в образовании и использовании родного языка. Однако индивидуальное равенство представителей этносов в одной стране не означало равенства этносов как этнической общности. Суть этого наглядно продемонстрировал Иосиф Зелигер, выступая на учредительном съезде немецкой социал-демократической партии Чехословакии в Теплице 1 сентября 1919 г.: «Мы открыто заявляем, что будем всеми силами бороться против статуса национального меньшинства. Мы понимаем, что будем пользоваться правами полноценных граждан. Но этого недостаточно; не может быть равенства граждан без равенства этнических групп!»¹⁴⁶.

Надо сказать, что ни одна этническая группа добровольно не хочет быть национальным меньшинством в чужом государстве, вне зависимости от того, какими бы правами меньшинств она не обладала. Поэтому не удивительно, что сразу же после распада Австро-Венгрии национальные советы, а затем и правительства государств-наследников включились в междоусобную борьбу с тем, чтобы отодвинуть границы и включить «свои» соответствующие народы в границы «своего» национального государства. И здесь решающими факторами стали их военная мощь и интересы государств Антанты. Известно о польско-украинской войне, вспыхнувшей в Галиции. 22 ноября 1918 г. поляки напали на Львов, и правительство Западно-Украинской народной республики вынуждено было бежать в Станиславов (ныне Ивано-Франковск). 25 июня 1919 г. государства Антанты дали добро Польше — учитывая ее заслуги в борьбе с боль-

¹⁴⁶ Цит. по: *Soukup F* 28. říjen. Předpoklady a vývoj našeho odboje domácího v československé revoluci za státní samostatnost národa. Díl II. Praha, 1928. S. 1163.

шевиками на Украине — на военную оккупацию Галиции до реки Збруч, то есть до довоенной австро-российской границы¹⁴⁷. Впоследствии Галиция так и осталась под властью поляков. В конце ноября — начале декабря 1918 г. чехословацкие вооруженные силы оккупировали изолированные пограничные территории, населенные немцами, и присоединили их к Чехословакии. К концу года была оккупирована Словакия, часть которой до тех пор оставалась под контролем правительства графа Михая Каройи в Будапеште. 23 января 1919 г. чехословацкая армия полностью оккупировала Тешинскую Силезию после краткой недельной войны с Польшей для того, чтобы провести прелиминарную границу по линии р. Ольши в соответствии с решениями стран Антанты¹⁴⁸. Италия начала оккупацию Литорала и Гориции 11 ноября и взяла под контроль Истрию и часть Далмации с городами Шибеник и Задар. В середине ноября итальянцы подошли к Любляне и Риеке, оккупации которых помешала сербская армия, постепенно преобразовавшаяся в югославскую армию. Югославы считали, что Антанта их предала и расценивали официальные требования Италии как чрезмерные. Однако одновременно и словенцы предъявили права на Нижнюю Штирию и Южную Каринтию. 31 октября местное правительство Каринтии высказалось против этих требований и приняло резолюцию о неделимости Каринтии¹⁴⁹. В конце 1918 г. несколько национальных советов постепенно образовали Карпатскую Рутению, часть из них требовала сохранить за собой автономию в составе Венгрии, другие выступали за объединение с Чехословакией, третьи хотели присоединиться к Западно-Украинской народной республике, которая затем должна была слиться с независимой Украиной¹⁵⁰. 11 ноября румынская армия оккупировала Буковину и изгнала оттуда Украин-

¹⁴⁷ *Serczyk W.* Historia Ukrainy. 3. wyd. Wrocław — Warszawa — Kraków, 2001. S. 285–286.

¹⁴⁸ *Rychlík J., Penčev V.* Od minulosti k dnešku. České dějiny. Praha, 2014. S. 411–412.

¹⁴⁹ *Rychlík J. et al.*: Dějiny Slovinska. Praha, 2011. S. 154. Большинство населения спорной территории в конце концов проголосовало во время плебисцита за то, чтобы остаться в Австрии и отклонило присоединение к Королевству СХС. Среди населения преобладала сильная каринтийская идентичность, несмотря на словенские корни.

¹⁵⁰ Подробнее см.: *Rychlík J., Rychlíková M.* Podkarpatská Rus v dějinách Československa. Praha, 2018. S. 38–43.

ский национальный совет¹⁵¹. Установление границ государств-преемников затянулось до 1920 г.

Версальская система позднее стала мишенью для критиков, которые называли ее крайне несправедливой и даже считали тем фактором, который спустя 20 лет привел ко Второй мировой войне. Немцы и венгры, а также, например, болгары вполне могли использовать такого рода аргументы (и они это делали), выражая крайнее недовольство потерей территорий, которые они веками считали своими. Однако, анализируя Версальский мирный договор с Германией, а также рассматривая мирные договоры с Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, нельзя игнорировать тот факт, что эти договоры после Великой войны являлись результатом мирной конференции, на которой, как в любой войне, были победители и проигравшие. Таким образом, любая мирная конференция, как и эта, не могла быть абсолютно справедливой, потому как победители всегда вознаграждают себя и наказывают проигравших. С этой точки зрения, границы между странами, установленные в Версале в 1919 г., были не менее и не более справедливыми, чем, скажем, те, которые были начертаны Великобританией, США и СССР в Ялте и в Потсдаме в 1945 г. Однако ясно, что проблема защиты меньшинств так и не была решена. Ни одна страна не смогла с ней справиться или решить ее достаточно эффективно. Некоторые государства, такие как Чехословакия, выполнили свои обязательства, но не смогли удовлетворить требования национальных меньшинств, и в конце концов спустя 20 лет результат был таким же.

Многие этнические группы бывшей Австро-Венгрии действительно выиграли от распада империи. Однако это утверждение нельзя применить ко всем народам. В целом, следует упомянуть, что положение тех из них, которые получили статус национального меньшинства, было значительно хуже, чем в Австрии до 1918 г. Особенно это касалось австрийских немцев Южного Тироля, а также словенцев и хорватов на границах бывшей Австрии, которые вошли в состав Италии. Общественные школы, где обучение велось на языке меньшинств, вскоре закрылись, постепенно ликвидировались и культурные организации. С установлением и укреплением

¹⁵¹ *Marochій П.-Р.* Україна. Історія її земель та народів. Ужгород, 2012. С. 501.

фашистского режима Муссолини давление на меньшинства усилилось. Например, на рынке в Кобарид-Капоретте появилась вывеска с надписью «Только для говорящих на итальянском языке». До 1918 г. подобную вывеску невозможно представить не только в Кобарид-Капоретте, но и нигде в Австро-Венгрии. В Триесте фашистские группировки подожгли словенский культурный центр. Более того, в случае со словенцами и хорватами в Италии ситуация сложилась еще более парадоксальная, так как эти меньшинства, как и Италия, выступали на стороне стран-победителей.

Положение украинцев в польской Галиции также значительно ухудшилось. Хотя в Восточной Галиции украинский язык продолжал использоваться в качестве второго языка в судах и государственных органах, количество украинских школ, особенно средних, резко сократилось. Ситуация с украинцами в Буковине, которая стала частью Румынии, сильно усложнилась, так как румынские власти в течение нескольких лет практически полностью ликвидировали украинские школы. У венгров в Трансильвании дела обстояли немногим лучше.

Вполне понятно, что этническая политика новых государств отражалась и в формировании штата административных, правоохранительных учреждений и органов безопасности. В то время как в Цислейтании административный аппарат и штат органов безопасности формировались на мульти-этнической основе, или, вернее сказать, безотносительно этнической принадлежности, теперь в ряде стран, таких как Италия, Румыния, Польша, увольняли «этнически нежелательных» чиновников. Это, конечно же, нельзя рассматривать как общее правило, ситуация не всегда и не везде складывалась одинаково. Но даже в либеральной Чехословакии представители национальных меньшинств имели меньше шансов устроиться на работу в государственные органы, чем представители вымышленной титульной чехословацкой нации, причем шансов у чехов было больше, чем у словаков.

Несмотря на все вышесказанное, нельзя рассматривать распад Австро-Венгрии как трагедию или катастрофу: он представлял собой процесс установления новых национальных государств, который, помимо всего прочего, продолжается в мире до сих пор (если принять во внимание, например, усилия каталонцев создать

собственное государство). Поэтому неправильно утверждать, что страны-преемницы в большей степени были основаны на «этническом», а не на гражданском принципе, в чем их сейчас, не учитывая исторической обстановки, упрекают. Эти страны и не могли быть основаны на каком либо ином, кроме этнического, принципе, в противном случае, не было бы и причин для их создания. К тому же в тех условиях гражданский принцип тогда не мог реализоваться. Хотя все новые государства утверждали, что были демократическими (и действительно такими являлись в начале межвоенного периода¹⁵²), демократия сама по себе не могла объединить все этнические группы в рамках одного государства. Почему, скажем, полякам Тешина следовало жить в демократической Чехословакии, если по другую сторону границы существовала демократическая Польша?

Итак, почему же распалась Австро-Венгрия? В случае с Цислейтанией это точно произошло не потому, что отдельным этническим группам в ее границах плохо жилось. Причина заключалась в другом: каждый этнос после удовлетворения своих культурных запросов, стремится создать собственную форму государственного существования. Если нескольким этническим группам суждено жить в одном государстве, они должны принять его как свое собственное и идентифицироваться с ним. Но население монархии не имело общей идентичности, которая удерживала бы его в одном государстве. В конечном счете, все, кроме двора, генералов и духовенства, перестали в нем нуждаться. Это, конечно, не означает, что представители других национальностей не отождествляли себя с Австрией как со своей страной, но таких людей в общем числе было немного. В основном люди напрямую отождествляли себя со своей этнической группой. Как только они стали мыслить себя лишь в условиях этнического государства (хотя на словах по-прежнему выражали верность Габсбургской монархии), Австрийское государство было обречено на распад. Его хотя и возможная трансформация в федерацию национальных государств не явилась бы решением

¹⁵² Хотя считается, что Чехословакия была единственным демократическим государством в межвоенной Центральной Европе, это утверждение справедливо лишь относительно второй половины 1930-х годов, между тем, можно утверждать, что сразу после Первой мировой войны все страны региона были демократическими, пожалуй, более сдержанно в этом отношении можно говорить лишь о Румынии.

вопроса, поскольку такая машина стала бы неуправляема, что также привело бы к краху. Кроме того, с вековой дистанции, нам известно то, чего люди не знали тогда: любая федерация, построенная на этническом принципе, нестабильна, так как требует баланса власти между центром и отдельными государствами-членами. В конечном счете, большинство ограничений федерации слишком обременительны для национальных государств. В этом отношении судьба Австрийской федерации, несомненно, ничем не отличалась бы от судеб других многонациональных федераций в начале 1990-х, таких как СССР, Чехословакия, Югославия. Австро-Венгрия была неспособна решить этнические вопросы, но и ее преемницы также не преуспели в этом, так как эти вопросы нерешаемы.

Чехи и словаки, разумеется, рассматривали распад Австро-Венгрии с точки зрения своих национальных интересов. Создание нового государства, Чехословакии, приветствовалось обеими группами, хотя каждая из них представляла его по-разному. Новая страна хотела противопоставить себя старой Австрии, как любая новая страна всегда противопоставляет себя своей предшественнице. И хотя Чехословацкое государство было, безусловно, более прогрессивным и демократическим, чем бывшая Австрийская монархия, и, особенно, Венгрия, вскоре стало очевидным, что связь со старой монархией гораздо теснее, чем разрыв: старые законы все еще применялись в новом государстве, которое унаследовало и адаптировало правоохранительные и административные органы своей предшественницы. Сегодня нам ни в коей мере не следует негативно относиться к старой монархии, мы воспринимаем ее со всеми положительными и отрицательными сторонами. Это же относится не только к чехам и словакам, но и к другим народам бывшей империи.

*Ян Рыхлик
(Прага)*

*Перевод с английского
Е.П. Серапионовой*

Присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии

«Когда 28 октября с восторгом и воодушевлением в Праге отмечали выход чехов и словаков из бывшей Австро-Венгерской империи и возникновение самостоятельного чехословацкого государства, едва ли кто думал о Подкарпатской Руси, так как вряд ли кто мог предположить, что эта красивая, но весьма удаленная от Праги, а потому мало известная там земля станет частью этого нового государства»¹⁵³. Эти слова, которыми начинается подробный рассказ Камилы Крофты о развитии отношений и контактов между чешскими землями, Словакией и Подкарпатской Русью, убедительно свидетельствуют о том, что лидеры чехословацкого народа совершенно не рассчитывали на эту территорию¹⁵⁴. Это логично, так как Подкарпатская Русь являлась частью Венгрии, а там основное внимание и усилия чехов сосредоточивались на дружбе со словацкими братьями, о бедном же населении где-то в горах, которое само не понимало кто они, не особо-то задумывались.

До Первой мировой войны лишь Милан Годжа предложил определенную программу для русин, которых он хотел оградить от русской пропаганды графа А.А. Бобринского и влияния украинцев Галиции. Он предложил помощь русинам со стороны остальных славянских народов Венгрии, особенно словаков, которые также подвергались национальному угнетению венгерских властей, но положение которых было многим лучше¹⁵⁵.

Естественно, что этот проблеск довоенного интереса не мог в полной мере проявиться в годы Первой мировой войны, когда население чешских земель могло лишь познакомиться с эвакуиро-

¹⁵³ Krofta K.: Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání. Praha, 1995. S. 5.

¹⁵⁴ О создании Чехословакии из новейшей литературы см.: Rychlík J. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. Praha, 2018.

¹⁵⁵ Hronský M., Pekník M. Martinská deklarácia. Cesta slovenskej politiky k vzniku Česko-slovenska. Bratislava, 2008. S. 34.

ванными с территории военных операций русинами, правда, беженцев стремились использовать на сельскохозяйственных работах¹⁵⁶. С родственным славянским этносом чешское население легко устанавливало теплые отношения¹⁵⁷.

Чехословацкое национально-освободительное движение, как заграничное, так и внутреннее, не испытывало интереса к подкарпатской территории, так как основой будущего государства должны были стать исторические чешские земли и Словакия. Долгое время Подкарпатскую Русь не рассматривали как часть Чехословакии, на нее как раз претендовала царская Россия¹⁵⁸, но этого не хотели допустить западные державы, так как тогда Россия получала бы постоянный плацдарм за Карпатами (с точки зрения Петрограда, а позднее Москвы) для возможных военных операций в Европе¹⁵⁹.

Кроме того Россия могла опереться на старые традиции, когда поход русских войск в 1849 г. так сильно повлиял на местное население, что «родилось мистическая вера в русскую помощь, мессианское русофильство»¹⁶⁰. Перед Первой мировой войной в чешских землях работали агенты секретных служб царской России под видом, например, сотрудников английской фирмы, занимавшейся разведкой природного газа, месторождений угля и т.п. Во время войны, особенно в ходе наступления русских войск в самом начале войны, местные русины искренне приветствовали русские части¹⁶¹. Представители других национальностей, понятно, не имели причин приветствовать русских, особенно это касалось венгров. Русины часто отказывались воевать против родственного народа по ту сторону Карпат и предпочитали сдаваться в плен¹⁶². В результате контраступления войск Центральных держав русские войска были вынуждены отступить,

¹⁵⁶ Rejzl B. Zaměstnávání uprchlíků v Čechách v době první světové války // Venkov, rolník a válka v českých zemích a na Slovensku v moderní době / Eds. Balcarová J., Kubů E., Šouša J. Praha, 2017. S. 270–271.

¹⁵⁷ Krško J. Pavlíkov v proměnách času. Rakovník 2014. S. 257.

¹⁵⁸ Krofta K.: Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání... S. 5.

¹⁵⁹ Houser J. Zakarpatská Ukrajina a buržoasní předmnichovská republika // Právník. Časopis pro právní teorii a právní praxi. Roč. 91. 1952. S. 565.

¹⁶⁰ Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. Vydání... S. 29.

¹⁶¹ Hora A. Uherská Rus za války a v míru. Praha, 1919. S. 5.

¹⁶² Houser J. Op.cit. S. 566.

и на вновь занятой территории печально прославились венгерские офицеры, принимая жесткие меры против местных русин. Наоборот, офицеры чехи пользовались популярностью, особенно те, кто командовали хозяйственными частями. В отличие от венгерских офицеров, они следили за своевременной выплатой положенных денежных сумм и получением всех предписанных продуктовых пайков¹⁶³. Территория будущей Подкарпатской Руси служила Венгрии в качестве базы снабжения продовольствием и людскими ресурсами, как для военных нужд, так и для принудительных работ¹⁶⁴. В качестве рабочей силы также использовали несколько десятков русских военнопленных, например, на химическом заводе Клотильда¹⁶⁵.

В годы Первой мировой войны Эдвард Бенеш и Томаш Гарриг Масарик полагали, что вопрос Подкарпатской Руси решится присоединением ее к царской России. Масарик во время второй поездки в Голландию в октябре 1914 г., где ему оказывали содействие англичанин Эрнст Брейн и русский И.А. Кастелянский, имел беседу с Сеттоном-Ватсоном, в которой изложил свое видение границ нового государства. Он ожидал, что Ужгород, Мукачево и Мармарошская Сиготь войдут в состав российской империи, и тем самым будет обеспечена общая граница с Чехословакией, что он считал для нее жизненно важным¹⁶⁶. В 1915 г. приятель Масарика Павел Николаевич Милюков издал работу о территориальных претензиях России, которые помимо Польши, проливов Босфор и Дарданеллы включали и русинские области¹⁶⁷.

В конце Первой мировой войны малым народам представилась редкая возможность освободиться от зависимости крупных держав, ослабленных длительным ходом военных действий. Как и во многих других случаях здесь усилия предпринимались как внутри страны,

¹⁶³ Hora A. Op. cit. S. 5–6.

¹⁶⁴ Марканич М. Закарпаття в роки першої світвої війни // Prvá svetová vojna v Karpatoch / Ed. Kónya P. Prešov, 2016. S. 44–48.

¹⁶⁵ Mysjuk M. Російські військовополонені на території Закарпаття (1915–1918 рр.) (За документами Державного архіву Закарпатської області) // Prvá svetová vojna v Karpatoch... S. 102–109.

¹⁶⁶ Pichlík K. Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918. Zápas o československý program. Praha, 1991. S. 90.

¹⁶⁷ Slepcev I. Z histórie karpatskej ofenzívy ruských vojsk v rokoch 1914–1915 // Vojenská história. Č. 2. 2000. S. 4.

так и за границей. Основную роль за границей играла Национальная русинская рада, находившаяся в США, которая в июле 1918 г. проголосовала за то, чтобы по возможности создать независимое государство. Если же создание самостоятельного государства будет невозможно, тогда она требовала объединения с населением Галиции и Буковины. Наименее предпочтительным из всех вариантов была автономия, но не говорилось в составе какого государства подкарпатская территория должна получить самоуправление. В октябре 1918 г. эти требования были представлены американскому президенту Вудро Вильсону, который в ответ на них разъяснил, что реальным является только третий вариант, то есть автономия. 23 октября через два дня после встречи с Вильсоном американские русины вступили в Центрально-европейскую унию, председателем которой являлся Томаш Гарриг Масарик¹⁶⁸. В составе чехословацких легионов в Сибири возникла карпато-русская часть¹⁶⁹.

С 25 октября 1918 г. начались переговоры между Т.Г. Масариком и Григорием Жатковичем относительно возможного присоединения к будущей ЧСР. Дискуссия проходила и среди самих американских русинов, ее пиком стал ноябрьский плебисцит с участием 1089 делегатов относительно будущей судьбы Подкарпатской Руси. Один процент проголосовал за то, чтобы остаться в составе Венгрии (всего 9 человек), два процента высказались за полную независимость, 10 участников проголосовали за присоединение к России. Вместе с тем треть выступила за воссоединение с Украиной (28 %, то есть 310 делегатов), а целых 67 % (732 делегата) потребовали присоединения к Чехословакии, которая должна была гарантировать Подкарпатской Руси полные автономные права¹⁷⁰. Этот же вопрос в феврале 1919 г. обсуждали представлявшие американских русин Г. Жаткович и Юлий Гардош, а также внутреннее национальное движение – председатель прешовской национальной рады Антон Бескид с чехословацкими политиками Э. Бенешом и Карелом Кра-

¹⁶⁸ Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. Vydání... S. 31; Houser J. Op. cit. S. 566.

¹⁶⁹ Krofta K. Čechoslováci a Podkarpatská Rus. Zvláštní otisk ze sborníku Podkarpatská Rus. Bratislava, 1936. S. 8.

¹⁷⁰ Křepinský J. Autonomie Podkarpatské Rusi // Osm přednášek o Podkarpatské Rusi. Praha, 1925. S. 13; Houser J. Op. cit. S. 567.

маржем в Париже¹⁷¹. Еще одни переговоры русины вели с Миланом Годжей на рубеже 1918–1919 гг. в Будапеште¹⁷².

Словаки также не забывали о родственных русинах, и уже в заявлении Словацкого национального совета в Турчанском Св. Мартине 30 октября 1918 г. предложили им автономию в составе своей территории¹⁷³. Не меньше обсуждений проходило по карпато-русской проблематике и в Праге. На заседании чехословацкого правительства 3 декабря 1918 г. было доложено о переговорах в Будапеште. Наряду со словацкими вопросами и необходимостью предоставления автономии прозвучало следующее: «Русские [имелись ввиду русины. — *Д. Г.*] требуют присоединения к нам, если мы предоставим им автономию в школьном образовании, судах, церковных делах и администрации, возможность обучения на русском в словацком университете, возможно и русском университете». Реакция правительства была простой: «Постановляем, чтобы словаки и русины подготовили соответствующее предложение»¹⁷⁴. На следующем заседании правительства 2 января 1919 г. констатировалось, что «жизненно важным интересом для нас является, чтобы наши товары попадали непосредственно в Россию. Поэтому русинский вопрос для нас является важным, возможно, самым важным. Союз с Румынией для нас имеет также огромное значение, так как мы можем стать крупнейшей транзитной страной на континенте, через нашу страну пройдет соединение Западной Европы с Дальним Востоком, как когда-то планировался европейско-индийский путь через Кавказ. Вообще и для нас восточная ориентация нашей торговли имеет большое значение». Рудольф Бехине не разделял восторгов по этому поводу, а высказал опасения насчет совместных враждебных действий меньшинств, в отношении же русинов он заявил: «Положение, когда русины хотят к нам присоединиться, временное, они ожидают от нас только, что мы предоставим им свое войско для борьбы с большевиз-

¹⁷¹ Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání... S. 31–32; Houser J. Op. cit. S. 569.

¹⁷² Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání... S. 32–33.

¹⁷³ Klimko J. Politické a právné dejiny hraníc predmníchovskej republiky (1918–1938). Bratislava, 1986. S. 63–64.

¹⁷⁴ Národní archiv. Fond Předsednictvo ministerské rady (dále jen NA. F. PMR). Kart. 4029. I. Vláda, 14. zasedání z 3. prosince 1918. Fol. 189.

мом»¹⁷⁵. Алоис Рашин, наоборот, стоял за возможное объединение на востоке, указывая: «Объединение с русинами было бы достаточно свободным, мы бы предоставили им полное самоуправление с собственным сеймом. Нам нужно объединение с ними для позитивного разрешения соляного вопроса, который для нас является весьма важным». Он также полагал, что Антанта рассматривает Чехословакию как барьер на пути германской экспансии на восток¹⁷⁶.

Решающую роль, безусловно, сыграли державы-победительницы, которых безусловно заинтересовало утверждение Э. Бенеша, что русины мало чем отличаются от восточных словаков¹⁷⁷. Великие державы не считали Подкарпатскую Русь жизнеспособным образованием, но в тот момент они не могли присоединить ее ни к Польше, ни к Украине, ни к России (два последних государства западные державы вообще не принимали во внимание, не желая, чтобы Россия и ее союзница Украина через Карпаты приблизились к Европе). Кроме того во всех трех указанных государствах шла гражданская война, и они еще воевали между собой. В целом нереально было оставить эту территорию и побежденной Венгрии, которая также не представляла собой консолидированное государственное целое. Более того, Украина, Россия и Венгрия были сильно заражены коммунизмом, о чем не забывал напоминать Бенеш, к тому же в самом Подкарпатье стали появляться различные советы. В случае присоединения к Румынии, Подкарпатье представляло бы собой неестественный выступ, хотя определенное время часть Подкарпатской Руси контролировалась румынской армией. Румынская сторона, конечно, тоже имела виды на эту территорию (по крайней мере на Берегово). Но пребывание союзнической армии на этой территории привело к определенным трениям. Чехословацкие жандармы видели своих союзников несколько иначе, чем это хотела представить официальная пропаганда: «Под предлогом реквизиций, а по большей части при помощи насильственного грабежа румынская армия бесплатно вывозит все, что только можно вывезти»¹⁷⁸.

¹⁷⁵ NA. F. PMR. Kart. 4030. I. Vláša, 26. zasedání z 2. ledna 1919. Fol. 17–18.

¹⁷⁶ Ibid. Fol. 19.

¹⁷⁷ Neville P. Czechoslovakia. Tomáš Masaryk and Edvard Beneš. London, 2010. P. 67.

¹⁷⁸ NA. F. Ministerstvo vnitra I. — stará registratura (dále jen MV-SR). Kart. 484. Sign. 19/2/47, manipulační období 1918–1924.

Как логический ответ на стоявший вопрос «Ну и что с этим делать?» было предложено решение, на котором сошлись чехословацкие и русинские представители. Великие державы это решение сразу же одобрили в феврале 1919 г., когда договорились, что эту территорию не оставят Венгрии¹⁷⁹. Решающим для великих держав стало то обстоятельство, что присоединение Подкарпатской Руси к Чехословакии не нарушит равновесия сил¹⁸⁰.

Свою роль, конечно, сыграла и сложившаяся на этой территории ситуация полной разобщенности населения, не имевшего единой преобладавшей идентичности. В конце октября 1918 г. правительство Михая Каройи назначило Антона Бескида министром по русинским вопросам¹⁸¹. Кроме того, было создано министерство по делам национальных меньшинств во главе с Оскаром Яси, который подготовил программу по переустройству Венгрии на подобии Восточной Швейцарии, основанной на разделении земель по кантонам, возможно и более мелким автономным частям¹⁸².

21 декабря 1918 г. венгры издали X народный закон, согласно которому Подкарпатье стало называться Руськой Краиной, и ей было обещана автономия. Эта крайна должна была делиться на четыре жупы: Марамарошскую, Угочанскую, Берегскую и Ужгородскую¹⁸³ (по другим данным территория Руськой Краины не была четко обозначена). И даже в соответствующем министерстве был создан отдел по этой территории во главе с д-ром Орестом Сабовым, а губернатором назначен Августин Штефан¹⁸⁴. Ужгородская национальная рада под руководством Августина Волошина склонялась к тому, чтобы поддержать это решение, но другая часть русин решительно

¹⁷⁹ Švorc P. Podkarpatskí Rusíni a ich vyrovnanie sa s česko-slovenskou štátnosťou // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě / Eds. Valenta J., Voráček E., Harna J. Díl 1. Praha, 1999. S. 195.

¹⁸⁰ Neville P. Op. cit. P. 67.

¹⁸¹ Němcová M. Strany rusínské menšiny // Malíř J., Marek P. a kol. Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu 1861–2004. Díl 1. Období 1861–1938. Brno, 2005. S. 958.

¹⁸² Michela M. Plány na riešenie „slovenskej otázky“ s cieľom obnoviť integritu Uhorska v rokoch 1918–1920 // Čechurová J., Šlehofer L. a kol. Ústava 1920. Vyvrcholení konstituování československého státu. Praha, 2011. S. 103.

¹⁸³ Křepinský J. Op. cit. S. 12; Deset let Československé republiky. Praha, 1928. S. 335; Houser J. Op. cit. S. 568; Klimko J. Op. cit. S. 62.

¹⁸⁴ Zoder J. Rodem a životem Konstantina Hrabara, guvernéra Podkarpatské Rusi. Užhorod, 1935. S. 67.

выступила против этих усилий¹⁸⁵, включая Антона Бескида, который был сторонником присоединения к Чехословакии¹⁸⁶. Наряду со штатом губернатора Русьской Крайны возник еще совещательный орган под названием губернаторский совет, состоявший из 36 членов, в состав которого избрали представителей русинской интеллигенции, включая ставшего позднее чехословацким губернатором Константина Храбара. На заседании венгерского губернаторского совета в мае 1919 г. он не порадовал венгерские власти: по его предложению губернаторский совет (после предварительных тайных переговоров с другими священниками, включая Августина Волошина) единогласно проголосовал за то, чтобы венгерское правительство в течение 8 дней определило границы Русьской Крайны. За его выступление Храбару грозило наказание¹⁸⁷.

Еще одними претендентами на земли Подкарпатской Руси были украинцы, которые 19 октября 1918 г. во Львове провозгласили указанную территорию частью своей этнографической области и временным конституционным законом от 13 ноября 1918 г. обозначили эту территорию как часть Западно-украинской народной республики, которая возникла 1 ноября 1918 г. Уже 3 ноября Западно-украинская народная республика объявила о воссоединении с Большой Украиной, но оставила свое управление до тех пор пока не соберется совместный всеукраинский законодательный сейм. Только в январе 1919 г. Западно-украинская республика объединилась с Большой Украиной, киевское правительство которой объявило, что объединяет в одно целое веками отторгнутые от единой Украины части, включая Угорскую Русь. Это решение поддержали Хустская национальная рада¹⁸⁸, а также Старолубовнянская, Свальявская и Гуцульская¹⁸⁹ и Прешовская национальные рады. Хустская национальная рада 21 января 1919 г. созвала съезд, который проголосовал за объединение с Украиной и попросил у нее военную помощь¹⁹⁰.

¹⁸⁵ *Křepinský J.* Op. cit. S. 12; *Deset let Československé republiky...* S. 335; *Houser J.* Op. cit. S. 568; *Klimko J.* Op. cit. S. 62.

¹⁸⁶ *Němcová M.* Op. cit. S. 958.

¹⁸⁷ *Zoder J.* Op. cit. S. 63, 67–69.

¹⁸⁸ *Křepinský J.* Op. cit. S. 12–13; *Krvavá kniha. Část I. Dokumenty k polské okupaci v ukrajinském území haličském. Rok 1918 až do prosince 1919.* Praha, 1920. S. 1.

¹⁸⁹ *Štec M.* *Rusíni či Ukrajinci?* Prešov, 1992. S. 22.

¹⁹⁰ *Houser J.* Op. cit. S. 568–569.

На дальнейшее развитие событий повлияло то, что в середине января 1919 г. в Ужгород вошли чехословацкие части¹⁹¹. А именно 31-й полк 6-й дивизии итальянских легионеров. Вся дивизия имела задачу обеспечить охрану восточных границ Словакии, что она с успехом выполнила. Лишь 13 января 1919 г., когда чехословацкие части заняли Ужгород¹⁹², капитан Фердинанд Писецкий информировал местных представителей о действиях их американских земляков¹⁹³. Ужгородская национальная рада сначала отдавала предпочтение автономии в рамках Венгрии, но с января 1919 г. (принимая во внимание расклад сил) осмотрительно выступила за чехословацкое решение. Следующая рада, прешовская, проделала такую же идейную эволюцию от независимости до автономной части ЧСР¹⁹⁴. Эти национальные советы после ряда внутренних и внешних перипетий, включая военное вторжение, весной 1919 г. образовали Центральный русский национальный совет в Ужгороде, и на общем собрании которого 8 мая 1919 г. склонились к чехословацкому решению своего будущего, то есть решению, которое с самого начала поддерживала Прешовская национальная рада Антона Бескида¹⁹⁵. Со стороны русин это был прагматический шаг. Новое государство они воспринимали как чешское, к которому добровольно могли присоединиться другие славянские народы, чтобы вырваться из-под гнетущего мадьярского ига¹⁹⁶.

Центральный русский национальный совет при присоединении к Чехословакии представил собственное видение административного устройства Подкарпатской Руси. Во-первых, он предложил, чтобы государство называлось Чешско-словацко-русская республика, которая имела бы федеральные министерства обороны, иностранных дел и финансов, а в остальном каждая часть управлялась бы по-своему. Подкарпатская Русь должна была иметь своего министра, назначенного президентом. Об этом представители Чехословакии должны

¹⁹¹ Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání... S. 33.

¹⁹² Vojenské dějiny Československa. Díl III. Praha, 1987. S. 49.

¹⁹³ Krofta K. Čechoslováci a Podkarpatská Rus... S. 8.

¹⁹⁴ Švorc P. Podkarpatští Rusíni a ich vyrovnanie sa s česko-slovenskou štátnosťou... S. 194.

¹⁹⁵ Krofta K. Podkarpatská Rus a Československo. II. vydání... S. 32.

¹⁹⁶ Švorc P. Podkarpatští Rusíni a ich vyrovnanie sa s česko-slovenskou štátnosťou... S. 195.

были подписать соглашение, а в случае каких-либо спорных вопросов решение принадлежало Лиге Наций, ее постановления были бы обязательными для обеих сторон¹⁹⁷. Но этим путем Чехословакия не пошла при административном устройстве Подкарпатской Руси по многим причинам, о чем свидетельствовали перипетии с принятием первых административных норм — Генерального статута¹⁹⁸.

Чешские политики до Первой мировой войны не имели ни малейшего представления о русинской нации где-то в Карпатах. Словацкие деятели были более осведомлены, так как в восточной Словакии встречались с этим народом. Чехословацкие лидеры в годы Первой мировой войны вообще не рассчитывали на присоединение территории, которая позже в рамках нового государства получила название Подкарпатская Русь. Отсюда затруднительное положение и полная неготовность решать административные задачи, а также еще сильно влиял психологический момент — желание доказать, что чешская администрация в отношении к местному славянскому населению добрее. Чехословацкий вариант решения судьбы территории под Карпатами при этом не был однозначным и на практике стал реализовываться только в 1918–1919 гг. и лишь благодаря усилиям русин за границей и деятельности некоторых русинских национальных советов. Свою роль несомненно сыграло и наступление чехословацких войск на Ужгород, позволившее информировать о возможном присоединении к Чехословакии, которое в конце концов одобрили великие державы. Остальные варианты государственно-правового решения русинского вопроса, в силу военных либо политических причин, не были реализованы.

*Давид Губены, Надежда Круглова
(Прага)*

*Перевод с чешского
Е.П. Серапионовой*

¹⁹⁷ Švorc P. Zakletá zem. Podkarpatská Rus 1918–1946. Praha, 2007. S. 44–56;
Švorc P. Podkarpatskí Rusíni a ich vyrovnanie sa s česko-slovenskou štátnosťou...
S. 196.

¹⁹⁸ NA. F. MV-SR. Kart. č. 812. Sign. 1/16/76. Manipulační období 1925–1930.

Инкорпорация Подкарпатской Руси в состав Чехословакии в 1919 г. в оценках русинских деятелей и чешских чиновников

В ходе Первой мировой войны доминировавшая среди карпато-русской интеллигенции традиционная общерусская этнокультурная ориентация заметно усилилась. Массовые репрессии против русинов Галиции и Угорской Руси со стороны австро-венгерских властей обусловили быструю радикализацию русинских общественных и политических деятелей. Главным объектом репрессий стала та часть русинской интеллигенции и населения, которая выступала с позиций общерусского единства. По свидетельству русского журналиста, посетившего столицу Восточной Галиции г. Львов сразу после его взятия русскими войсками в сентябре 1914 г., «быть арестованным и отведенным в военно-полевой суд, заседавший в каждом местечке, считалось счастьем, ибо в большинстве случаев палачи казнили на месте. Казнили врачей, юристов, писателей, художников, не разбирая ни положения, ни возраста»¹⁹⁹. Символично, что известный австрийский писатель Йозеф Рот, уроженец галицкого местечка Броды, тонкий знаток галицких реалий и участник «Великой войны», в своем культовом романе «Марш Радецкого» для показа ужасов Первой мировой войны выбрал именно Галицию и трагическую участь ее коренного русинского населения. «Торопливые полевые суды выносили опрометчивые приговоры. Тайные шпики строчили бесконечные доносы на крестьян, учителей, фотографов, чиновников. Война австрийской армии начиналась с полевых судов, — размеренно повествовал Йозеф Рот. — Жены расстрелянных, вопя о пощаде, валялись перед выпачканными в грязи сапогами офицеров, и пылающий,

¹⁹⁹ Голос Москвы. 8 (21) октября 1914. № 231.

красный огонь вырывался из хижин, овинов, сараев и скирд... По целым дням висели подлинные и мнимые предатели на деревьях церковных дворов, наводя ужас на всех живущих. А живые разбегались, куда глаза глядят...»²⁰⁰. Канадский историк-славист П.Р. Магочи удачно назвал эти события «концом цивилизованной Европы», справедливо и метко охарактеризовав действия австро-венгерских властей в Галиции и в Угорской Руси как «войну против карпато-русинского гражданского населения»²⁰¹.

Примечательно в этой связи, что самые первые проявления общественно-политической активности карпатских русинов в ходе Первой мировой войны были направлены на пропаганду русского единства и присоединение исторических земель Карпатской и Галицкой Руси к России. Ранее всего это проявилось среди многочисленной и влиятельной карпато-русской эмиграции в Северной Америке, где, в отличие от Австро-Венгрии, русины имели возможность открыто выражать свои общественно-политические взгляды и заниматься политической деятельностью.

В статье «Россия и славянство», которая была опубликована в популярной среди карпато-русской диаспоры США газете «Народна Обрана» 7 августа 1917 г., обосновывалась мысль о необходимости присоединить к России «вотчины святого Владимира, Русь Червонную и Карпатскую»²⁰². По словам газеты, это присоединение диктуется как этическими целями, так и целями самообороны, поскольку «в Галиции был создан главный операционный базис против России... Там свили себе гнездо польские «ягеллоновцы», мечтающие о воскрешении, с немецкой помощью, исторической Речи Посполитой... Там дало буйные всходы семя «мазепинства», созданное для расчленения единого русского народа»²⁰³. Газета «Народна Обрана» заключала, что для угрорусского народа опасность представляют «не только агенты венгерского правительства» в Северной Америке, но и украинцы, которых она в пылу полемики эмоционально именовала «ренегатами русскости». По мнению га-

²⁰⁰ *Рот Й.* Марш Радецкого. М., 2000. С. 331.

²⁰¹ *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest — New York, 2015. P. 167–171.

²⁰² Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 5.

²⁰³ Там же.

зеты, как историческое прошлое, так и характер текущей украинской политики противоречит не только «угрорусскому народному убеждению», но и «общеславянским стремлениям»²⁰⁴.

В конце Первой мировой войны, когда ее исход уже не вызывал сомнений, пропагандировавшиеся карпато-русской прессой планы присоединения Карпатской Руси к России стали постепенно приобретать более четкие политические контуры. Необходимость воссоединения земель «подъяремной Руси», включая земли Галиции, Угорской Руси и Буковины, со «свободной демократической Россией», была зафиксирована решениями Русского конгресса в Нью-Йорке в июле 1917 г., в работе которого приняли участие представители большинства организаций карпато-русской диаспоры в Северной Америке. В принятом 13 июля 1917 г. меморандуме Русского конгресса в Америке, объединившего делегатов многочисленной русинской диаспоры, говорилось, что «весь карпаторусский народ желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и... воссоединения Прикарпатской Руси, в ее этнографических границах, с ее старшей сестрой, великой, демократической Россией. Карпаторусский народ желает быть в тесном единении с остальным русским народом... Пусть не будет больше двух Русей: Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь»²⁰⁵. Один из организаторов Русского конгресса в Америке, уроженец Угорской Руси П. Гаталяк вспоминал позднее, что решения, принятые конгрессом, были вполне естественны, поскольку «мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России»²⁰⁶.

Однако революционные потрясения 1917 г., нараставший внутривластный хаос и последующая Гражданская война в России сделали российский сценарий решения русинского вопроса нерализуемым. Осенью 1918 г. в политическую повестку дня встал энергично поддержанный президентом США В. Вильсоном чехословацкий формат решения политической судьбы карпатских русинов. Принципиальная договоренность о присоединении русинских

²⁰⁴ Народна Обрана. Homestead, PA. 1917. № 8.

²⁰⁵ Меморандум Русского Конгресса в Америке. 13 июля 1917 года, Нью-Йорк // Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 518.

²⁰⁶ Hatalak P. Jak vznikla myšlenka připojit Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1933. S. 13.

земель к югу от Карпат к Чехословакии на условиях широкой автономии была достигнута в ходе переговоров будущего президента ЧСР Т.Г. Масарика и лидера угро-русской диаспоры в США Г. Жатковича в октябре 1918 г. Позже это решение было подтверждено итогами референдума среди карпато-русской диаспоры в Северной Америке, в ходе которого около 67 % участников данного референдума высказались за вхождение в состав чехословацкой республики.

Впрочем, многие современники выражали обоснованное сомнение в репрезентативности и легитимности данного акта, поскольку «голосование было непрямым; по предложению Жатковича, каждая русинская община или приход получали один голос на каждые десять своих членов. Серьезным изъяном механизма голосования было то, что в нем приняло участие менее половины существовавших в то время в США русинских общин и приходов. Так, из 837 приходов Греко-католического Союза только 372 приняли участие в плебисците. Кроме того, в голосовании не участвовали православные русины»²⁰⁷. Тем не менее, как минимум небесспорная репрезентативность данного референдума не помешала впоследствии ведущим чехословацким политикам активно ссылаться на его итоги как на главное свидетельство легитимности присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии²⁰⁸. Окончательное международно-правовое решение о вхождении исторических земель Угорской Руси в состав Чехословакии было принято лидерами великих держав в ходе Парижской мирной конференции и зафиксировано в Сен-Жерменском мирном договоре, подписанном 10 сентября 1919 г., который закреплял широкую автономию Подкарпатской Руси в составе ЧСР.

Если в США представители местной русинской диаспоры открыто заявляли о своих внешнеполитических предпочтениях еще в ходе Первой мировой войны, то в Венгрии русины стали проявлять политическую активность уже после распада империи Габсбургов. В условиях активизации национального движения русинов Венгрии осенью 1918 г. были образованы три русинские народные рады

²⁰⁷ Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX — первой половине XX века. М., 2011. С. 119.

²⁰⁸ Raušer A. Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. Bratislava, 1936. S. 63.

в Прешове, Ужгороде и Хусте. Прешовская Русская Народная Рада во главе с известным русофилом А. Бескидом, созданная 8 ноября 1918 г. в восточнословацком г. Любовня и позднее перенесшая свою деятельность в Прешов, первоначально обходила стороной вопрос о присоединении русинских земель к какому-либо государству, требуя для русинов в их этнографических границах «право свободного самоопределения»²⁰⁹. Однако в январе 1919 г., учитывая сложившуюся обстановку и невозможность присоединения к России, Прешовская Рада заявила о необходимости включения русинских земель в состав ЧСР. При этом лидеры Ужгородской Народной Рады вплоть до начала 1919 г. придерживались ориентации на Венгрию, а руководство Народной Рады в Хусте декларировало стремление присоединиться к Украине. Позднее чешские политики объясняли поведение Народной Рады в Хусте тем, что она «была изолирована от западных территорий и не получала информации об итогах плебисцита в Америке»²¹⁰. Очевидно, однако, что Хустская Рада не могла не испытывать влияние соседней Галиции, где в ноябре 1918 г. была провозглашена Западноукраинская Народная Республика (ЗУНР). Впрочем, известный отечественный историк-славист — уроженец Закарпатья А.И. Пушкаш обоснованно замечал, что «до сих пор историками ведется спор, с какой именно Украиной» хотели объединить Подкарпатье лидеры Хустской Рады, поскольку «в то время на территории Украины существовало три государственных объединения различной ориентации»²¹¹. Таким образом, поведение русинских рад в Прешове, Ужгороде и Хусте в конце 1918 — начале 1919 г. в известной степени отразило основные векторы национальной ориентации карпатских русинов в межвоенный период.

Процесс постепенной инкорпорации русинских земель к югу от Карпатского хребта в состав Чехословакии начался в январе 1919 г. с появлением на исторических землях Угорской Руси первых чехословацких воинских подразделений. Первоначально русинское население с радостью и энтузиазмом встречало приход чехословацких

²⁰⁹ Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 524.

²¹⁰ Chmelar J. Politické poměry v Podkarpatské Rusi // Podkarpatská Rus. Obraz poměrů přírodních, hospodářských, politických, církevních, jazykových a osvětových. Praha, 1923. S. 186.

²¹¹ Пушкаш А. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 38.

войск и администрации. В статье «Великолепный день в Пряшеве» популярная среди карпато-русской диаспоры США газета «Американский Русский Вестник», выходившая в г. Хоумстед (штат Пенсильвания), сообщала 27 февраля 1919 г. о том, что в Прешове «восточные славяне устроили восторженные овации министру Чехословацкой республики доктору Шробару»²¹².

В условиях краха своих первоначальных планов объединения с Россией карпато-русские политики и представители общественности сделали ставку на вхождение всех этнически русинских земель в состав Чехословакии, имея в виду не только земли исторической Угорской Руси к югу от Карпат, но и населенные русинами области к северу от Карпат в Западной Галиции. Примечательным в этом отношении было обращение к правительству Чехословакии руководства Карпато-русской Народной Рады в Прешове от 6 марта 1919 г., в котором констатировалось, что все русины «в пределах бывшей Венгрии и в юго-западных округах Галиции от Сана по Дунаец составляют одно политическое целое» и «самым решительным образом протестуют против... разрыва этих земель»²¹³. Констатировав, что поскольку «присоединение этих земель к единой России неосуществимо», лидеры Карпато-Русской Народной Рады в Прешове заявляли, что они «считают свою территорию автономной русской частью Чешско-словацкой республики»²¹⁴ и призывали «правительство Чешско-словацкой республики оккупировать возможно скоро ту часть карпаторусских земель, которая до сих пор остается еще в руках поляков и мадьяр... Карпаторусская Народная Рада никогда не согласится, чтобы русские земли по ту и другую сторону Карпат были разорваны и присоединены к разным государствам, а желает, чтобы эти земли составляли одно целое и как автономная русская часть были присоединены к чешско-словацкой республике»²¹⁵.

В телеграмме президенту Масарику 27 апреля 1919 г. один из лидеров Ужгородской рады и председатель Русского клуба в Ужгоро-

²¹² Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27 februara, 1919. № 8.

²¹³ Archiv Kanceláře prezidenta republiky (Далее — АКПР). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 3. Sign. PR I/3. Karton 1. Požadavky karpatoruského lidu v rámci ČSR.

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ Ibidem.

де греко-католический священник А. Волошин, придерживавшийся в то время традиционных русофильских взглядов, также однозначно высказался за территориальное единство всей Карпатской Руси, предложив включить в состав Чехословакии и «страдающих в польском ярме лемков»²¹⁶. Однако, несмотря на постоянные попытки карпато-русских политиков добиться включения всех этнически русинских областей к югу и северу от Карпат в состав Чехословакии, населенные русинами земли Западной Галиции (область Лемковины) в итоге вошли в состав Польши.

С самого начала представители чехословацкой военной и гражданской администрации столкнулись с характерной для Карпатской Руси мультиэтничностью, поликонфессиональностью и крайней запутанностью межнациональных и межконфессиональных отношений. Ситуация осложнялась общей отсталостью региона, а также тем обстоятельством, что среди немногочисленной местной интеллигенции доминирующего в регионе этноса — карпатских русинов — сразу возникло несколько противостоящих друг другу культурно-национальных ориентаций. Все это стало предметом самого пристального внимания прибывших в регион чешских чиновников, которые должны были выработать основные направления политики в этой стратегически важной для Праги области, граничившей как с Польшей и Венгрией, отношения с которыми оставались крайне напряженными, так и с Румынией — союзником Чехословакии по Малой Антанте.

* * *

С первых месяцев установления чехословацкого контроля над населенной русинами областью к югу от Карпат как рядовые жители, так и местные политики активно демонстрировали свои культурно-языковые предпочтения и цивилизационную ориентацию. Уже весной 1919 г. многочисленные представители карпато-русской общественности в своих обращениях к пражскому правительству подчеркивали свое стремление «быть членами чехословацко-русской республики, но при этом в культурном отношении оставаться русскими, поскольку мы происходим от одного великого русского

²¹⁶ Archiv Ústavu T.G. Masaryka (Далее — AÚTGM). Fond T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1919. Krabice 400.

народа»²¹⁷. В меморандуме депутации крестьянского сословия Подкарпатской Руси, направленном президенту Масарику 10 февраля 1920 г., подчеркивалось, что «наш русский народ жил у подножия Карпат... русской культурой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана... Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы только культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере»²¹⁸. Примечательно, что взгляд на восточное славянство как на единый социокультурный и цивилизационный организм, составными частями которого являются и Россия, и Украина, и карпатские русины, характерен и для представителей более поздних поколений русинской интеллектуальной элиты. «На протяжении столетий население этого края обращало свои взоры на восток, туда, где за Карпатскими горами жили их кровные братья, мечтая воссоединиться с ними, — писал в одной из своих последних работ А.И. Пушкаш. — Передовые слои населения края, немногочисленные представители местной интеллигенции прекрасно осознавали, что за Карпатским хребтом живут «свои», регулярно посещали основные культурные центры России и Украины, стремясь обеспечить себе всестороннюю поддержку со стороны Москвы и Киева в борьбе за воссоединение с братьями — восточными славянами»²¹⁹.

Широкое распространение подобных настроений в 1919 г. находило свое подтверждение и в некоторых отзывах о положении в регионе находившихся там чешских чиновников и военнослужащих.

В своем пространном донесении в министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г., позже переданном в канцелярию президента республики, подпоручик-легионер 66-го пехотного полка Шимон Палайда отмечал, что карпато-русская общественность в Карпатской Руси разделена на две основные партии, которые он именовал «русской» и «русинско-мадьяронской, примыкающей к украинцам». «Русскую

²¹⁷ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 4. Sign. PR I/4. Karton 1. Županský úřad v Užhorodě, resoluce rolníka Kyrila Prokopa. Užhorod, dne 8 března 1919.

²¹⁸ АЎТГМ. Fond T.G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920. Krabice 400.

²¹⁹ Пушкаш А. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 439.

партию» Палайда характеризовал как «партию простого народа», прежде всего крестьян²²⁰. По словам чешского офицера, «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре, что лучше всего доказывает Мармарошский процесс... Крестьяне тайно посещали Россию, чтобы познать там свой братский народ и свою веру, которая преследовалась во времена мадьярского господства. Принципиальная позиция бывшего венгерского правительства заключалась в том, чтобы полностью мадьяризовать карпаторусский народ, что ей частично удалось, особенно по отношению к интеллигенции»²²¹.

Противоположную партию так называемых «русинов-мадяронов» Палайда характеризовал как партию мадьяризованной части карпато-русской интеллигенции и греко-католических священников, значительное число которых являлось убежденными мадяронами. По наблюдениям подпоручика Палайды, греко-католические священники между собой предпочитают говорить исключительно по-венгерски, считая карпато-русский язык «языком необразованного и неинтеллигентного простонародья»²²². В своих донесениях в Прагу Палайда высказывал мысль о том, что чехословацкое правительство должно безоговорочно поддержать именно «русскую партию», поскольку, по его мнению, в случае поддержки «русинско-мадяронской» партии местное карпато-русское крестьянство может «потерять доверие к чехословацким властям»²²³.

Приведя ряд конкретных примеров небезуспешной венгерской пропаганды в регионе и саботажа со стороны местных венгерских чиновников, Палайда указывал на беспокойство в карпато-русском обществе в связи с возвращением в Подкарпатскую Русь известного мадярона греко-католического епископа И. Новака, получившего разрешение чехословацких властей на приезд в Чехословакию. По мнению чешского офицера, «епископ Новак, будучи мадяроном, был и останется врагом карпато-русского народа и духовенства. Такие действия, как допуск епископа Новака и оставление мадярских

²²⁰ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávy podporučíka Palajdy.

²²¹ Ibidem.

²²² Ibidem.

²²³ Ibidem.

и мадьяронских чиновников на их должностях облегчают работу мадьярам... и поддерживают венгерскую агитацию в Карпатской Руси»²²⁴. Палайда настоятельно рекомендовал Праге назначать на административные должности в Карпатской Руси представителей «русской партии» либо из данного региона, либо из соседней Галиции, а также тех чешских чиновников, которые знают русский язык, поскольку, по его мнению, без знания языка трудно было рассчитывать на доверие со стороны местного населения.

Несколько иную картину положения в Подкарпатской Руси осенью 1919 г. нарисовал в своем пространном отчете секретарь министерства почт и телеграфа ЧСР доктор Отокар Ружичка, представивший свой доклад руководству министерства 12 ноября 1919 г. В самом начале своего доклада Ружичка, посетивший Подкарпатье в самом начале ноября, констатировал крайнюю сложность положения и нарастающий хаос в подкарпатском регионе, подчеркнув острую необходимость проведения здесь четко выверенной политики, без которой, по его мнению, угроза потери Карпатской Руси для Праги была совершенно реальной перспективой. В отличие от подпоручика Палайды, явно симпатизировавшего местной «русской партии» и призывавшего Прагу делать ставку на местных русофилов, бдительный Ружичка отмечал, что, по его наблюдениям, именно деятели «русского направления» более склонны к провенгерской деятельности. По словам чешского чиновника из Праги, «у представителей великорусского направления мы обнаружим весьма мало любви и преданности к чехословацкой республике... Они проявляют свою преданность лишь внешне, но их агитация в народе и их собрания убеждают нас в обратном»²²⁵.

По мнению Ружички, именно «местное направление», к которому он относил Волошина и Жатковича, «в наибольшей степени соответствует интересам нашей республики; общегосударственные интересы полностью говорят в пользу местного направления»²²⁶. При этом, как специально подчеркивал пражский чиновник, «укра-

²²⁴ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávy podporučíka Palajdy.

²²⁵ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1. Ministerstvo pošt a telegrafů — úprava poměrů v Rusínsku.

²²⁶ Ibidem.

инское направление было бы для нашей республики также нездоровым»²²⁷. Ружичка обращал особое внимание на различные языковые предпочтения противостоящих друг другу группировок среди карпато-русской интеллигенции. «Если великорусское направление использует великорусский литературный язык, — отмечал Ружичка, — то местное направление в языковом вопросе придерживается компромисса, используя малорусский язык, т.е. местное наречие, с великорусским правописанием»²²⁸. Ссылаясь на опыт своих личных контактов с местным населением, секретарь чехословацкого министерства почт и телеграфа делал отнюдь небесспорное, но при этом категоричное заключение о том, что местный русин «на практике» значительно лучше понимает чешский, а не русский литературный язык. Любопытно, что рекомендуемый Ружичкой в качестве представителя «местного направления» лидер американских русинов Жаткович был скорее негативно охарактеризован подпоручиком Палайдой в его донесении в министерство обороны ЧСР от 7 октября 1919 г. По словам Палайды, «личность доктора Жатковича вплоть до переворота была совершенно незнакома в Карпатской Руси... На первом собрании в Ужгороде он говорил на словацко-русинском наречии, как говорят в Шарише и в Земплине... Уже на первом собрании раздавались голоса, недовольные тем, что он не говорит по-русски...»²²⁹.

Еще более критические отзывы о представителях «русского направления» в Карпатской Руси содержались в отчетах инженера Яромира Нечаса, активиста чешской социал-демократической партии и известного политического публициста, некоторое время работавшего в аппарате первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича.

В своих пространственных донесениях в канцелярию президента республики в Прагу Я. Нечас резко раскритиковал представителей «русского направления» в Карпатской Руси за то, что он воспринимал как «насильственное навязывание русского литературного языка населению» и отрыв от этноязыковых реалий карпатского

²²⁷ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1. Ministerstvo pošt a telegrafů — úprava poměrů v Rusínsku.

²²⁸ Ibidem.

²²⁹ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávy podporučíka Palajdy.

региона. Жесткой критике Нечаса «за чрезмерную русофилию» подверглись и некоторые высокопоставленные чешские чиновники в Подкарпатской Руси. «Нынешнее региональное правительство в Ужгороде вводит на всей территории Русинии чужой, непонятный населению великорусский язык, — утверждал Нечас в своем отчете в Прагу, датированном 2 ноября 1919 г. — Тем самым усложняется и без того запутанный языковой вопрос и возбуждается негативная реакция подкарпатских русинов. Правительственные газеты «Русская земля» и «Русское слово» народ не понимает. По-великорусски понимают и говорят лишь те чиновники из Галиции и Буковины, которых наше правительство взяло на службу»²³⁰.

В своем очередном донесении в канцелярию президента республики 20 ноября 1919 г. Нечас обрушился с резкими нападками на главу чехословацкой гражданской администрации в Подкарпатской Руси доктора Брейху, который, по словам Нечаса, «проводит партийную политику, окружил себя камарильей старорусов из Галиции и Буковины и без колебаний выступил против представителей местного русинского направления»²³¹. Обвиняя местных карпато-русских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», Нечас призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции». Помимо этого, Нечас настоятельно рекомендовал проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и «воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы»²³².

Нельзя не обратить внимание на то примечательное обстоятельство, что несколько ранее Нечаса, 9 октября 1919 г. письмо аналогичного содержания непосредственно президенту Масарику направил один из ведущих русинских политиков Подкарпатской Руси греко-католический священник А. Волошин, перешедший к этому

²³⁰ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Karton 1. Ing. J. Nečas — školská otázka.

²³¹ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1. Zpráva ing. J. Nečase o poměrech na Podkarpatské Rusi.

²³² Ibidem.

времени в стан украинофилов. В своем письме Масарику от 9 октября 1919 г. Волошин резко критиковал «москвофильскую» часть местной интеллигенции за навязывание русского литературного языка местному населению, призывал «освободить от непрошенных гостей-москвофилов», называя конкретные имена, а также упрекал главу чешской администрации Подкарпатья доктора Брейху за покровительство «москвофилам»²³³. В заключение Волошин делал далекоидущий вывод об опасности «москвофильской агитации» не только «для нашего народа, но и для всей республики»²³⁴. Согласованность по времени и сходство аргументов, использовавшихся в донесениях Нечаса и в письме Волошина, позволяют предположить, что имела место скоординированная акция Я. Нечаса, А. Волошина и их единомышленников с целью повлиять на чехословацкую политику в подкарпатском регионе. Как показало развитие событий, данная акция оказалась успешной. О связях Я. Нечаса с А. Волошиным и с лидерами украинского движения, в частности, с К. Левицким, упоминал в одном из своих донесений в министерство обороны ЧСР в ноябре 1919 г. подпоручик Ш. Палайда²³⁵.

В дальнейшем политика Праги в отношении Подкарпатской Руси в большей степени ориентировалась именно на рекомендации Я. Нечаса, который, сделав успешную политическую карьеру, в 1920-е годы работал в канцелярии президента республики, курируя там вопросы, связанные с Подкарпатской Русью и оказывая серьезное влияние на практическую политику чехословацких властей в данном регионе. Это обстоятельство в значительной степени объясняет курс официальной Праги на «мягкую украинизацию» русинов Подкарпатья в 1920-е годы, что наиболее рельефно проявилось в области культуры и образования. Данный курс, вопреки многочисленным протестам местной русофильской интеллигенции, проводился чехословацкой администрацией вплоть до конца 1930-х годов, значительно усилив в итоге позиции сторонников украинского движения в подкарпатском регионе.

²³³ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 18. Sign. PR I/18. Karton 1. Augustin Vološin — práva o zasedání Rusínské Národní Rady.

²³⁴ Ibidem.

²³⁵ АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávy podporučka Palajdy.

По обоснованному мнению А.И. Пушкаша, важной причиной поддержки Прагой украинского направления в Подкарпатской Руси стало поражение на муниципальных выборах в Чехословакии в июне 1919 г. Национально-демократической партии, после чего ее лидер К. Крамарж покинул пост главы правительства ЧСР. «Этим в Подкарпатье потеряли официальную поддержку Праги сторонники русофильского направления, — констатирует А.И. Пушкаш. — В чешской печати публиковались статьи и даже выходили брошюры, подчеркивавшие, что у чехов только одно дружеское им течение — украинское, поэтому на него и нужно опираться...»²³⁶. Практическим проявлением проукраинской позиции чешской администрации в 1920-е годы стала всемерная поддержка украинских активистов в сфере образования. Так, по словам Пушкаша, глава школьного управления Подкарпатской Руси чех Й. Пешек уже в начале 1920 г. пригласил в Ужгород из Галиции украинского лингвиста И. Панькевича, который подготовил грамматику, призванную обеспечить «переход закарпатских диалектов к литературному украинскому языку»²³⁷.

Весьма оживленные контакты с представителями украинского движения в межвоенный период официальная Прага поддерживала не только в культурно-образовательной области, но и в сфере деятельности спецслужб. По воспоминаниям хорошо информированного советского разведчика П.А. Судоплатова, активно работавшего с лидерами украинского националистического движения в Европе, включая Е. Коновальца, «в Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем отношения еще со времен Первой мировой войны. Однако, когда ОУН «вышла из-под контроля» властей и осуществила убийство Перацкого,²³⁸ эти отношения ухудшились»²³⁹. Обращая внимание на явную политическую разнородность государств, лидеры которых

²³⁶ Пушкаш А. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 91.

²³⁷ Там же. С. 92.

²³⁸ Речь идет об убийстве министра внутренних дел межвоенной Польши Б. Перацкого, осуществленного боевиком Организации украинских националистов (ОУН) Мацейко при участии С. Бандеры 15 июня 1934 г. в центре Варшавы.

²³⁹ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1999. С. 27.

по тем или иным причинам сотрудничали с украинскими националистами, Судоплатов констатировал, что поддержку украинскому националистическому движению «оказывали Гитлер в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Дольфус»²⁴⁰. Более того, по свидетельству П.А. Судоплатова, украинский боевик Мацейко, убивший в июне 1934 г. министра внутренних дел Польши Б. Перацкого, бежал через Карпаты в Чехословакию, поскольку «его подруга, украинская террористка Чемеринская, организовала его побег в Чехословакию, используя свои связи в чешской полиции»²⁴¹.

Однако в долговременной перспективе заигрывание с украинским направлением в регионе оказалось для Праги контрпродуктивным. Практически неизвестное к 1919 г. украинское движение в Подкарпатской Руси постепенно усилилось, пустило корни и, завязав контакты со спецслужбами Германии после установления там нацистской диктатуры, внесло свою немалую лепту в дестабилизацию положения в Чехословакии в трагические для республики 1938–1939 гг.

Впрочем, в то время как чешские чиновники внимательно изучали крайне сложное положение в Карпатской Руси, пытаясь определить вектор оптимальной для Праги политики в регионе, карпато-русские деятели и общественность довольно быстро разочаровались в реалиях чехословацкой политики. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии после «Великой войны», их недовольство политикой чехословацких властей стало проявляться уже с весны 1919 г. Так, председатель Карпато-Русской Народной Рады в Прешове А. Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР К. Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского народа на его собственной земле»²⁴², критикуя местных чехословацких чиновников за «шовинизм», «незнание местного населения», а также за «преследования и угрозы»

²⁴⁰ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1999. С. 157.

²⁴¹ Там же. С. 27.

²⁴² АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1. Dr. A. Beskid, předseda Národní rady v Prešově, poměr k obyvatelstvu.

в адрес карпато-русского населения²⁴³. Примечательно при этом, что именно А. Бескид и возглавляемая им Карпато-Русская Народная Рада в Прешове первыми среди прочих карпато-русских структур четко и однозначно заявили о своей чехословацкой ориентации.

Правительство ЧСР серьезно отнеслось к жалобам А. Бескида и на своем заседании 5 мая 1919 г., отметив необходимость «относиться к народности карпато-русской с предельной осторожностью и охранять ее», поручило министру внутренних дел обратиться к министру по делам Словакии В. Шробару с предложением тщательно расследовать жалобу А. Бескида²⁴⁴. Кроме того, В. Шробару предлагалось поручить подчиненным ему чиновникам на местах «с максимальным вниманием относиться к национальности, обычаям и языку населения, находящегося под их управлением»²⁴⁵.

Сразу после подписания Сен-Жерменского мирного договора в сентябре 1919 г. представители практически всех политических сил и культурных направлений среди русинов стали выражать крайнее недовольство тем, что административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью оставила значительное число этнически русинских земель в составе Словакии, а обещанная автономия так и не была предоставлена. Симптоматично, что активно поддерживавший присоединение русинов к Чехословакии «Американский Русский Вестник» с этого времени стал все более резко критиковать русинскую политику Праги. Если в феврале 1919 г. «Американский Русский Вестник» с оптимизмом писал, что «уния Угро-Русинов с Чехословаками будет означать для Угро-Русинов отдельный особый Угро-Русский штат, который будет иметь верховенство в местных делах и в котором русский будет языком официальным, употребляемым в школах и судах»²⁴⁶, то уже в октябре 1919 г. это же издание с сочувствием сообщало о манифестации русинов в г. Гуменне в Восточной Словакии, протестовавших «против отделения западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси»²⁴⁷. В даль-

²⁴³ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1. Dr. A. Beskid, předseda Národní rady v Prešově, poměr k obyvatelstvu.

²⁴⁴ AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 10. Sign. PR I/10. Karton 1. Presidium Ministerské rady — poměry v Příkarpatí.

²⁴⁵ Ibidem.

²⁴⁶ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 6 februara, 1919. № 5.

²⁴⁷ Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 16 oktobra, 1919. № 40.

нейшем «Американский Русский Вестник» на своих страницах постоянно критиковал официальную Прагу за отсутствие автономии Подкарпатской Руси, за нежелание объединить всех карпатских русинов в рамках одной административной области и за проукраинскую политику в культурной сфере.

Еще одним серьезным источником недовольства Прагой со стороны русинов была и проводимая чехословацкими властями политика «мягкой украинизации» русинского населения, ярко проявившаяся в 1920-е годы в сфере образования вызвавшая, по словам русинских активистов, «языковую войну»²⁴⁸. В свою очередь, чешская общественность была крайне недовольна недопустимо высокой, с ее точки зрения, степенью мадьяризации карпато-русской интеллигенции, особенно духовенства и учителей²⁴⁹. Подобные трения, то сглаживаясь, то вновь обостряясь, продолжались на протяжении всего межвоенного периода, отразившись в карпато-русской и чехословацкой прессе этого времени.

Немаловажной проблемой, наложившей сильный отпечаток на положение в Подкарпатской Руси, где одной из самых популярных политических сил была коммунистическая партия, являлся крайне низкий жизненный уровень населения, по которому Подкарпатская Русь сильно уступала как Словакии, так и в особенности чешским землям. По авторитетному мнению эксперта, «на протяжении всего периода господства чехов в крае не было построено ни одного промышленного перерабатывающего предприятия. Край рассматривали как базу сырья для чешской промышленности и рынок сбыта чешских товаров».²⁵⁰ Будущий президент Чехословакии и герой Великой Отечественной войны Людвик Свобода, служивший в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. командиром пулеметной роты в чине капитана чехословацкой армии, вспоминал, что жизнь в этом краю «в своей инерции напоминала заспанную галицкую провинцию времен старой Австрии. Мы встречали бедно одетых крестьян с широкими и добрыми лицами, которые боялись Бога и уважали пана, — с сочувствием и теплотой писал Свобода. — Паном был приходской священник и поп.

²⁴⁸ Думнич Ю. Украинизация школы на Подкарпатській Русі під час чехословацького періода. Ужгород, 2009. С. 3–5.

²⁴⁹ Podkarpatské hlasy. Užhorod, 1925. 13 června. Číslo 48.

²⁵⁰ Пушкаш А.И. Указ.соч. С. 85.

В городе панами еще были доктор, нотариус, почтмейстер, фармацевт, жандарм и офицер. Лесорубы и пастухи с плохо выбритыми загорелыми лицами, с жилистыми шеями, в рубахах без воротников, при встрече покорно снимали свои засаленные шляпы с загнутыми полями... В корчме было принято напиваться мертвецки...»²⁵¹.

* * *

Пребывание в составе межвоенной Чехословакии имело в целом позитивные, хотя и достаточно противоречивые последствия для карпатских русинов. С одной стороны, в условиях демократического политического режима и более благоприятных социально-экономических условий Чехословакии по сравнению с Венгрией русины получили существенно возросшие возможности социальной мобильности, этнокультурного развития и социальной самореализации. Профессор П.Р. Магочи справедливо полагает, что наибольший прогресс в Подкарпатской Руси в период ее вхождения в состав Чехословакии был достигнут, прежде всего, в области образования и культуры, так как в отличие от венгерского правительства, стремившегося к мадьяризации русинов, Прага стремилась «поднять культурный уровень славянского населения в самой восточной провинции республики»²⁵². Если в 1900 г. в составе Венгрии неграмотность населения в Угорской Руси составляла около 70 %, то к 1930 г. уровень неграмотности снизился почти в два раза до 42 %²⁵³. Ряд специалистов по истории и культуре карпатских русинов обоснованно связывает пребывание Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии со «вторым русинским возрождением». Не будет преувеличением констатировать, что Подкарпатская Русь в чехословацкий период своей истории стала объектом довольно успешного и при этом умеренного модернизационного проекта, продемонстрировавшего наибольшие успехи в культурной и образовательной области.

С другой стороны, Прага, преследуя собственные политические цели, серьезно влияла на социокультурные процессы среди русинского населения Подкарпатской Руси с помощью методов этнокуль-

²⁵¹ Svoboda L. Cestami života. Praha, 1996. S. 10.

²⁵² Magocsi P.R. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest — New York, 2015. P. 205.

²⁵³ Ibidem.

турной инженерии, всячески затягивая предоставление обещанной автономии и поддерживая в 1920-е гг. украинское движение на территории Подкарпатья. Это привело к нарастанию напряженности и этнокультурных противоречий в русинском обществе, где наряду с традиционным русофильством появилось динамично развивавшееся украинофильство, трактовавшее местное русинское население как еще не до конца «пробудившуюся» часть украинского народа. Рост украинского движения, получившего в 1930-е гг. поддержку нацистской Германии, способствовал дестабилизации ситуации в Чехословакии в 1938–1939 гг. и сыграл роль одного из инструментов политики Берлина в данной части Европы.

К.В. Шевченко
(Минск)

Юридическая интерпретация связи Подкарпатской Руси с Чехословакией в толковании Вратислава Калоусека

Возникновение Чехословакии связано, помимо всего, со множеством правовых аспектов. С одной стороны, это было реализацией концепций чешского государственного права, его исторической обусловленности, как его трактовал во второй половине XIX века историк Йозеф Калоусек (1838–1915 гг.)²⁵⁴ со своими коллегами и друзьями. С другой стороны, возникновение Чехословакии в какой-то мере опровергало эти исторические аргументы, поскольку они служили основанием лишь для чешской части республики, для восточной же, особенно словацкой, они таковыми не являлись²⁵⁵.

Возникновение Чехословакии расширило историческую концепцию чешского государственного права, включив в нее Словакию, а вскоре и Подкарпатскую Русь, что, естественно, должно было означать сдвиги в интерпретации чешского и словацкого факторов в новом государстве, включая присущее тому времени конституирование «чехословацкого» народа, хотя Чехословакия просуществовала в этом виде лишь двадцать лет²⁵⁶.

Целью данной статьи является ознакомление в первую очередь с текстами, касающимися Подкарпатской Руси, юриста и видного чиновника Министерства внутренних дел Чехословакии, главы его Законодательного отделения, Вратислава Калоусека (1883–1936).

Вратислав Калоусек закончил учебу в пражском Императорско-королевском университете Карла-Фердинанда еще в 1908 г., то есть находясь под влиянием историко-правовых концепций своего отца

²⁵⁴ *Kalousek J. České státní právo*, Praha, 1871, 2. vydání Praha, 1892.

²⁵⁵ *Československo 1918–1938/2018* / Eds. P.A. Bílek, B. Jiroušek, L. Novotný, České Budějovice, 2018; *Tóth A., Novotný L., Stehlík M. Národnostní menšiny v Československu 1918–1938. Od státu národního ke státu národnostnímu?* Praha, 2012.

²⁵⁶ *Ibidem*.

Йозефа Калоусека (1838–1915), профессора чешской истории, и Яромира Челаковского (1846–1914), профессора истории чешского права²⁵⁷. Уже осенью 1918 г. Вратислава Калоусека пригласили из районного гетманства в городе Млада-Болеслав в Министерство внутренних дел, где он проработал вплоть до своей смерти. Таким образом, он участвовал в подготовке ряда основных законов суверенной Чехословакии, что отразилось и в его публицистической деятельности, которая часто основывалась на практике чешских судов²⁵⁸.

Упоминания о деятельности Вратислава Калоусека отсутствуют практически во всех современных работах о Подкарпатской Руси²⁵⁹, что, скорее всего, связано с тем, что Калоусек публиковал свои исследования в основном в журналах, которые не пользуются популярностью среди историков. Кроме того, Вратислав Калоусек находился под слишком большим влиянием исторического мышления XIX века, правового позитивизма и правовых концепций как гарантии прав, чтобы его тексты могли легко вписаться в историческое мышление республики времен Масарика, когда история часто интерпретировалась с прагматической точки зрения, а правовая преемственность (преемственность правовых отношений) заменялась «гуманистическими идеалами» Масарика²⁶⁰. Калоусек же занимался

²⁵⁷ Velek L. Jaromír Čelakovský (1846–1914). Krátký životopis // Jaromír Čelakovský Moje zápisky 1871–1914 / Eds. L. Velek, A. Velková. Praha, 2004. S. 17–49; Jiroušek B. Josef Kalousek. Historik v národní společnosti druhé poloviny 19. Století. Praha, 2018.

²⁵⁸ Kojecký J. Vratislav Kalousek. Všeherd 18. 1936. Č. 1. S. 28–29; Joachim V. Dr. Vratislav Kalousek. Veřejná správa 6. 1936. Č. 6–7. S. 257–259; Hoetzel J. Za dr. Vratislavem Kalouskem. Právník 75. 1936. Č. 7. S. 468–470; Archiv Národního muzea Praha. Fond Josef Kalousek. doktorský diplom Vratislava Kalouska. Texty Vratislava Kaloúseka sborány v osnovném v Arhive Nácionálního muzea Prahi, fond Vratislava Kaloúseka.

²⁵⁹ Pejša R. Podkarpatská Rus v Československu 1919–1922. Praha, 2016; Rychlík J., Rychlíková M. Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946. Praha, 2016; Holubec S. Mezi slovanskou vzájemností a orientalismem. České zobrazování Podkarpatské Rusi a jejich obyvatel v publicistice dvacátých let minulého století. Soudobé dějiny 23. 2016. S. 529–562; Vznik ČSR 1918 a Podkarpatská Rus / Ed. M. Balcar. Praha, 1999; Podkarpatská Rus a Československo / Eds. J. Morávek, P. Landr. Hradec Králové, 1997; Budín V. Podkarpatská Rus očima Čechů. Praha, 1996; Střední Evropa a Podkarpatská Rus / Ed. J. Hořec. Praha, 1997.

²⁶⁰ Werstadt J. Politické dějepisectví devatenáctého století a jeho čeští představitelé. Český časopis historický 26. 1920. S. 1–93; Šolle Z. Století české politiky. Od Pacláckého k Masarykovi. Praha, 1998. S. 225; Blümlová D. a kol. Cas optimismu a ctižádostivých nadějí. Prezentace a reprezentace české vědy a kultury v prvním desetiletí samostatného státu (1918–1929). České Budějovice, 2009.

изучением государственных символов и конституционно-правовых отношений, их сопоставлениями в рамках Центральной Европы, осознавая возможные альтернативы развития.

Вратислава Калоусека интересовала общая ситуация в Чехословакии с точки зрения исторического контекста нового государства и конкретная, связанная с изменением границ и плебисцитов в Тешинском регионе. Особое внимание он уделял восточной части Чехословацкой республики, принципиально менявшей концепцию чешской государственности вследствие присоединения к историческим чешским землям Словакии и Подкарпатской Руси, бывших дотоле частью Венгрии²⁶¹.

Самой значительной работой Вратислава Калоусека о Словакии и Подкарпатской Руси, вероятно, можно считать его небольшую брошюру, точнее, специальный оттиск «О военной диктатуре в Словакии и Подкарпатской Руси в 1919–1922 гг.», из журнала «Правовой обзор», изданного в 1929 г. Здесь он рассматривает ситуацию после проникновения Венгерской советской республики на территорию Словакии, когда военные органы получили полицейские полномочия «для обновления и поддержания общественного спокойствия и порядка на территории, находящейся в опасности»²⁶². Калоусек, помимо прочего, подчеркивает, что в восточной Словакии, в которую тогда входила и занятая Чехословакией часть будущей территории Подкарпатской Руси, 6 июня 1919 г., то есть на день позже, чем в западной части Словакии, указом французского генерала Эдмонда Шарля Эннока (Edmond Charles Hennocque), «верховного главнокомандующего рутенской и восточнословацкой армией», была провозглашена диктатура. Калоусека также интересуется исполнительный указ от 20 июня 1919 г., имевший свои отличия: «они заключаются в вопросах о том, кому принадлежит право осуществлять диктатуру и каким образом она исполняется, может ли дик-

²⁶¹ Kalousek V. *Judikatura o Těšínsku v době plebiscitu*. Věřejná správa 5. 1935. S. 173–188 (červen 1935); *eadem*. O vojenské diktatuře na Slovensku a Podkarpatské Rusi v letech 1919–1922. Bratislava, 1929; *eadem* Nařízení ministra pro Slovensko. Bratislava, 1929; *eadem* Zákon č. 337/1920 Sb. o mimořádných hospodářských opatřeních a některé zákony podobné. Praha, 1930 (zvl. otisk ze Sborníku věd právních a státních).

²⁶² Kalousek V. O vojenské diktatuře na Slovensku a Podkarpatské Rusi v letech 1919–1922. Bratislava, 1929. S. 3.

таторская власть менять законы, и, наконец, подчиняются ли этой власти и судебные органы»²⁶³.

Вратислав Калоусек рассматривает и другие документы, связанные с частичной отменой военной диктатуры в Словакии (16 августа и 6 декабря 1919 г.). Он обращает внимание на то, что генерал Эннок в ноябре 1919 г. специально добивался от чехословацкого правительства постановления о том, что он имеет в Подкарпатской Руси (как новом конституционном государстве) те же диктаторские полномочия, как и в Словакии, что впоследствии было подтверждено в отношении генерала Эннока и его преемника генерала Пари. Диктатура была отменена в Подкарпатской Руси, в южной и восточной Словакии — лишь в начале 1922 г. Калоусек анализирует меры и практику данной диктатуры, то есть ее отступления от обычных гражданских прав, действовавших в то время в Словакии и Подкарпатской Руси, указы, которые генерал Эннок издавал в своей штаб-квартире, расположенной в городе Спишска-Нова-Вес, а позднее в Ужгороде. Калоусека интересует и вопрос о том, как следует понимать слово «диктатура»: «В чем разница между диктатурой и чрезвычайным, осадным или военным положением? Является ли эта разница только количественной или же и качественной?»²⁶⁴.

Вратислав Калоусек размышляет над природой этой диктатуры, которая базируется на правовой, хоть и чрезвычайной основе, поскольку речь идет не о правовом вакууме, а о законах и указах, выходящих за классические конституционные рамки. Ее цели могут различаться — целью может быть возврат к прежней, еще дореволюционной ситуации, или — установление нового порядка. Калоусек понимает диктатуру, как «осуществление государственной власти, не предусмотренной конституцией, во имя устранения внутренней угрозы государственной безопасности, диктатуру можно трактовать и как отступления от действующего правопорядка»²⁶⁵. Калоусек приходит к выводу, что период диктатуры продолжался с 5 по 20 июня 1919 г. — и только после 20 июня можно говорить об ее ограничениях верховной властью, поскольку прокуратура и суды исключались

²⁶³ *Kalousek V. O vojenské diktatuře na Slovensku a Podkarpatské Rusi v letech 1919–1922. Bratislava, 1929. S. 6.*

²⁶⁴ *Ibid. S. 13.*

²⁶⁵ *Ibid. S. 16.*

из сферы действий военных диктаторов и правительственных комиссаров. Таким образом, начиная с 1919 г. военная диктатура постепенно ослабевает, хотя полностью ее отменят лишь в начале 1922 г. В связи с «диктаторской» практикой Калоусек ставит вопрос: «Как объяснить тот парадокс, что диктатура, нарушая действующее право, порождает право новое?»²⁶⁶

«Более сложные ситуации, однако, возникают, когда одновременно, бок о бок, сосуществуют обычный правопорядок и диктатура, пусть даже в чем-то ограниченная, как это было в Словакии, и особенно тогда, когда одни и те же органы действуют, с одной стороны, как диктаторские, а с другой, как вполне обычные. Это, по мнению Калоусека, зависит от отношения к ним, считать ли экстраординарными диктаторские указы или же предписания обычного правопорядка, и какие из этих предписаний следует толковать ограничительным, а какие расширительным образом». Исследователь считает необходимым ответить и на вопрос, «какое значение имеют указы министра с полномочиями на управление Словакией с 5 по 20 июня 1920 г.? Ясно, что не следует полагать, будто содержащиеся в них положения имеют конституционный характер и порождают диктатуру. В сущности они являются лишь декларацией того, что диктатура есть и в каком объеме она проявляется. В них констатировалось признание воли народа, необходимое для того, чтобы фактические обстоятельства приобрели нормативный статус»²⁶⁷.

Хотя во многих текстах Вратислава Калоусека упоминается Словакия, гораздо больше его интересует Подкарпатская Русь, поскольку она была более проблемной, то есть более интересной с точки зрения права, а также была ближе к областям, где до войны жила часть его родственников²⁶⁸. Калоусек посвятил Подкарпатской Руси два важных исследования — «Две статьи по вопросу действия правовых норм в Подкарпатской Руси»²⁶⁹ и «Когда вступали в силу

²⁶⁶ *Kalousek V.* O vojenské diktatuře na Slovensku a Podkarpatské Rusi v letech 1919–1922. Bratislava, 1929. S. 21.

²⁶⁷ *Ibid.* S. 24.

²⁶⁸ Семья его дяди (брата историка Йозефа Калоусека) жила в то время в Галиции, в Черновцах на сегодняшней Украине. См.: *Ироушек Б.* Поездка молодого историка Й. Калоусека летом 1863 г. в Черновцы // *Rax latina & Rax orthodoxa. Славистические исследования.* М., 2017. С. 145–154.

²⁶⁹ *Kalousek V.* Dva příspěvky k otázce platnosti právních norem na Podkarpatské Rusi. Veřejná správa 2. 1932. Č. 10. S. 365–382.

чехословацкие законы в Подкарпатской Руси?»²⁷⁰. Во втором тексте рассматривается вопрос государственной правопреемственности, в частности, о том, как происходит изменение гражданства, оплата налогов, наследование имущества, долгов и т. п. Вместе с тем «присоединение одной территории к другой еще не должно было обязательно означать расширение сферы действия некоторых законов данной территории на присоединенную территорию»²⁷¹. Вратислава Калоусека интересуется ситуация с принятием чехословацких законов в Подкарпатской Руси, хотя часть этой территории во время издания некоторых из них еще не была «под управлением чехословацких органов». Примечательно, что Калоусек четко различает правовые понятия «юридическая сила» и «сфера действия»²⁷².

Присоединение Подкарпатской Руси, по мнению не только В. Калоусека, является сплетением юридических актов (международных и внутригосударственных), реальных событий, имевших место в течение двух лет. Происходило постепенное овладение ее территорией чехословацкой армией, создание органов административного управления. Он рассматривает связанные с этим юридические меры, включая изменения местных жуп (областей), а также движение войска, поскольку считает существенным вопрос, можно ли — как в Чехии, Моравии и Силезии — распространять юридические акты Чехословацкой республики на всю территорию Чехословакии уже с 28 октября 1918 г., когда официально возникло новое государство. В результате основательного изучения документов Калоусек выясняет, что прецедентное право верховных административных судов Чехии, Моравии и Силезии определялось действием чехословацких законов уже с 28 октября 1918 г. (в исторических границах этих земель), в то время как в Словакии и в Подкарпатской Руси законы Чехословацкой республики вступают в силу только с момента оккупации той или иной территории чехословацкой армией²⁷³.

²⁷⁰ *Kalousek V. Kdy nabývaly platnosti československé zákony na Podkarpatské Rusi? Praha, 1932 (zvláštní otisk z publikace Pocta k šedesátým narozeninám Dra Emila Háchy. Bratislava, 1932).*

²⁷¹ *Ibid.* S. 4.

²⁷² *Ibid.*

²⁷³ *Ibid.* S. 17.

В то время как в западной части Чехословацкой республики преобладает декларативность (провозглашение независимости), в восточной — в Словакии и Подкарпатской Руси — важнее становится фактическое формирование государства, в частности, определение границ, хотя бы на уровне отдельных жуп. В Подкарпатской Руси меняется и административное деление — практически ни одна из местных жуп не присоединяется к Чехословакии целиком, осложняя ситуацию. Калоусек считает, что в случае Подкарпатской Руси необходимо исходить из того, в какой момент каждое отдельное поселение оказалось под чехословацким суверенитетом: «чехословацкие законы начали действовать в отдельных населенных пунктах Подкарпатской Руси в день, когда этот пункт был занят чехословацкими вооруженными силами»²⁷⁴. Это не дает ответа на вопрос, могло ли после 28 октября 1918 г. где-то в Словакии или в Подкарпатской Руси действовать венгерское право. Официально это было невозможно из-за указов Вавра Шробара начала 1919 г. о том, что на всей территории, которая является или станет частью Чехословакии, действует чехословацкое право. Однако на самом деле это право могло осуществляться лишь после занятия этих территорий²⁷⁵.

В работе «Две статьи по вопросу действия правовых норм в Подкарпатской Руси» Калоусек снова возвращается к разговору о том, могло ли после 28 октября 1918 г. в Подкарпатской Руси действовать венгерское право, что он считает существенным, например, при продаже или аренде земельных участков с ведома соответствующих органов. Отмену венгерских законов по решению министра Шробара нельзя было полностью распространить на Подкарпатскую Русь, поскольку Шробар имел полномочия только на управление Словакией: «полномочия министра по Словакии, а значит, и его распорядительная власть, ограничивались территориально, не позволяя вмешиваться в дела Подкарпатской Руси как самостоятельной и независимой от Словакии территории»²⁷⁶.

Датой административного отделения Подкарпатской Руси от Словакии Вратислав Калоусек считает 18 августа 1919 г., когда уже

²⁷⁴ Kalousek V. Kdy nabývaly platnosti československé zákony na Podkarpatské Rusi? Praha, 1932. S. 20.

²⁷⁵ Ibid. S. 23.

²⁷⁶ Kalousek V. Dva příspěvky k otázce platnosti právních norem na Podkarpatské Rusi... S. 371.

стало очевидным, что Подкарпатская Русь будет впредь восприниматься как территория, отличная от Словакии, и что с этого момента уже нельзя будет распространять распоряжения Шробара на ее территорию, хотя законы будут относительно разными. Практика и правовая теория, как очевидно, не всегда полностью совпадают²⁷⁷.

Из текстов Калоусека следует вывод, что чехословацкая правовая наука в связи с возникновением Чехословакии должна была решать ряд вопросов, значение которых сегодня уже трудно оценить по достоинству. Перенимание австро-венгерских законов во многих отношениях обуславливало отличия в управлении отдельными землями тогдашней Чехословакии. Вопрос права — один из основных примеров того, что преемственность и дисконтинуита намного сложнее, чем может показаться, вспоминая, с какой легкостью жители, и особенно чехи, вместе с новым Чехословацким государством приняли и его идентичность, в то время как национальные меньшинства уже не разделяли их восторг по поводу его возникновения и даже фактически были принуждены признать новое государство. Возникновение Чехословакии не только с законодательной точки зрения было длительным процессом, переменой, с которой должна была справиться послереволюционная ситуация. Хотя юриспруденция со своей проработанной терминологией иногда усложняет некоторые вещи, но одновременно она же их и уточняет. Правовая терминология может иногда удивлять историков, предлагать им какой-то непривычный угол зрения, однако она способствует пониманию позиций разных сторон, не маскирует территориальные приобретения давними чаяниями жителей, а ищет правовую преемственность и отсутствие таковой, с чем идентичность — как дискурсивный конструкт — имеет мало общего.

*Богумил Ироушек
(Ческе Будейовицы)*

²⁷⁷ Kalousek V. Dva příspěvky k otázce platnosti právních norem na Podkarpatské Rusi... S. 372–384.

Возникновение чехословацкой дипломатической службы

28 октября 1918 г. пражский переворот завершился переходом власти к Национальному комитету и принятием первого закона, гласившего: «Независимое чешско-словацкое государство вступило в жизнь...». Таким образом, чехословацкое правительство во главе с Томашем Гарригом Масариком было признано союзными державами (начиная с Франции) уже в период эмиграции.

Зарождение чешско-словацкого государства не было естественным явлением, и перед Первой мировой войны мысли о его возникновении были, скорее, единичными. Переломным моментом, однако, стали как раз война и ее ход, которые не только изменили взгляды на возможность существования самостоятельного государства, но поражение Австро-Венгрии также подготовило предпосылку для его образования.

Ключевым шагом для будущей чехословацкой дипломатической службы стало создание эмигрантского представительства во главе с Томашем Гарригом Масариком, которое при помощи соотечественников смогло сформулировать программные основы идеи чешско-словацкой независимости, заложить организационный фундамент в виде Чешско-Словацкого национального совета и терпеливой и систематической работой создать чешско-словацкое заграничное войско — легионы, которые были сформированы в России, Франции и в Италии, и боевое выступление которых неотъемлемым образом содействовало возникновению и признанию независимости Чехословакии²⁷⁸.

Уже 14 ноября 1915 г. по инициативе Масарика вышло заявление Чешского национального заграничного комитета, в котором провозглашалось: «Мы добиваемся самостоятельности чешско-словацкого

²⁷⁸ Fic V. M. *Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. Díl 1.* Praha, 2006; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1–2. М., 2013, 2018.

государства... Мы утратили веру в жизнеспособность Австро-Венгрии, мы уже не признаем ее легитимность»²⁷⁹.

Строительство чехословацкой дипломатической службы принадлежало к первоочередным задачам руководства нового государства. Под вопросом оставался ее кадровый состав. Здесь предлагали свои услуги чехи, служившие дипломатами в габсбургской монархии, однако таких было немного, и в большинстве случаев они так и не поступили на чехословацкую дипломатическую службу. Несмотря на это, новое чешско-словацкое государство уже в конце 1918 г. располагало сетью чехословацких поверенных в делах, действовавших во всех значительных союзных странах. Их возникновению способствовала деятельность Чешско-Словацкого национального совета, который преобразовался в чехословацкое правительство, признанное основными странами Антанты во главе с Францией в середине октября 1918 г.

Ключевой фигурой, связанной с формированием чехословацкой дипломатии, был генеральный секретарь Совета Эдвард Бенеш, ведущее лицо чехословацкой дипломатии не только во время ее возникновения, но и на протяжении всего межвоенного периода и в период Второй мировой войны²⁸⁰. Три года тяжелой работы во время создания чехословацкого заграничного сопротивления определили базовые кадры сотрудников, которые стали основой формирующегося чехословацкого Министерства иностранных дел. Перед ними стояли принципиально важные задачи, из-за которых они нередко даже не успевали вернуться в новую Чехословакию, а вынуждены были сразу отправляться либо в возникающие чехословацкие представительства за рубежом, либо в значимое для Чехословакии место — в Париж, где подготавливались мирные переговоры с побежденными государствами.

Президиум Национального комитета в Праге еще в начале ноября 1918 г. приступил к организации временного Комитета иностранных дел как зародыша будущего Министерства иностранных

²⁷⁹ *Kubů E., Šouša J.* T.G. Masaryk a jeho c. k. protivníci. Československá zahraniční akce ženevského období v zápase s rakousko-uherskou diplomacií, zpravodajskými službami a propagandou (1915–1916), Praha, 2015. Příloha č. 3. S. 335.

²⁸⁰ *Dejmek J.* Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata, část 1. Revolucionář a diplomat (1884–1935). Praha, 2006. S. 115–627.

дел. Впоследствии, вскоре после этого, решением чехословацкого правительства было учреждено и Бюро по организации мирной конференции, которое начало заниматься сбором материалов для предстоящих парижских переговоров.

Следующей наиважнейшей задачей было направить первых поверенных в делах в соседние страны для решения актуальных проблем международных контактов. Так в Вену был назначен Властимил Тусар, бывший вице-председатель Рейхсрата. Аналогичным образом Словацким национальным советом был делегирован в Будапешт Эмил Стодола, вскоре после этого смененный Миланом Годжей. К тому же, еще в ноябре чехословацкое правительство отправило своих представителей и в другие страны. В Кракове чехословацким представителем стал консул Карел Лохер, к хорватскому Национальному комитету в Загреб (вскоре после этого — в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев) был выслан Эмил Шимек. С целью охранять интересы чехословацких граждан чехословацкие представители выехали также в другие места — в Риеку, Бухарест, Софию и Стамбул²⁸¹.

Свою роль здесь сыграли некоторые дипломаты бывшей австро-венгерской монархии, которые своим опытом способствовали формированию пражского дипломатического центра чешско-словацкого государства и стали первыми чехословацкими представителями за границей (Фердинанд Веверка — Лондон, Милош Кобр — Париж и др.). Большинство из этих представителей имели ранг временного поверенного в делах (*chargé d'affaires*), и только в последующие годы было осуществлено назначение регулярных представителей в чине чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Нужно подчеркнуть временный характер этих представительств, ибо установление полноправных дипломатических отношений в случае с побежденными странами было обусловлено окончанием процесса подписания и ратификации мирных договоров.

Одновременно началось образование пражского центра чехословацкой дипломатии, где первым местом пребывания Министерства иностранных дел символически стал именно Пражский град. Этот

²⁸¹ *Dejmek J.* Diplomacie Československa. Díl 1. Nástin dějin ministerstva zahraničních věcí a diplomacie (1918–1992). Praha, 2012. S. 25–28.

процесс не был простым и кратковременным, поскольку большинство ключевых фигур чехословацкой дипломатии (включая министра иностранных дел Эдварда Бенеша) оставалась за границей, где их ждали важные задачи на мирных переговорах. В отсутствие Бенеша с января 1919 г. министерством руководил Бедржих Штепанек, который был неформальным заместителем министра вплоть до возвращения Бенеша с мировой конференции в сентябре 1919 г. и также обеспечивал связь между Прагой и чехословацкой делегацией на мирной конференции.

Версальские переговоры, начатые в конце января 1919 г., проходили, таким образом, при участии чехословацких представителей, во главе которых, помимо Бенеша (который фактически руководил чехословацкой делегацией), стоял и премьер-министр Карел Крамарж²⁸².

Делегация постепенно разрасталась за счет специалистов из различных областей (юридической, географической, народнохозяйственной, транспортной, военной и других). Значительной фигурой стала личность генерального секретаря, которым стал словацкий юрист Штефан Осуский (который затем также стоял во главе чехословацкого посольства во Франции на протяжении всего межвоенного периода).

Основные чехословацкие позиции, предъявленные представителям союзников, были, однако, сформулированы как раз Бенешем. Удалось провести ключевые требования, то есть подтверждение границ исторической территории бывшей Чешской короны и объединение со Словакией в ее полностью новых границах. Свою роль сыграла относительная умеренность их претензий в противоположность более широким требованиям иных центрально- и восточноевропейских государств. Также здесь была важна поддержка держав, в первую очередь, Франции, и в значительной мере — США. И Бенеш смог ее использовать, ибо для чехословацкой стороны, безусловно, речь шла о непростых переговорах, главным образом, в экономических вопросах²⁸³.

²⁸² *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 281–282.

²⁸³ *Dejmek J. a kol. Československo. Dějiny státu, Praha, 2018. S. 101–102.*

Фактом остаются его слова в Национальном собрании по возвращении в Прагу, что «вообще на мирной конференции было констатировано, что наша делегация была одной из тех, которые добились больше всего...»²⁸⁴. Заключением серии мирных договоров в Версале, Сен-Жермене и Трианоне было с международно-правовой точки зрения завершено создание самостоятельного и независимого государства²⁸⁵.

Этот факт предзнаменовал и установление регулярных контактов с побежденными государствами, куда были (начиная с Германии) направлены соответствующие посланники. Также окончательно сформировалась структура чехословацкого Министерства иностранных дел, где до возвращения Бенеша из Парижа начали функционировать лишь политическая секция и секция народного хозяйства. Определенную структуру министерство приобрело только с принятием в начале 1921 г. первого организационного статута.

Руководящим центром министерства стал президиум, в компетенцию которого, помимо организации делопроизводства, входили также финансовая, документальная, и, наконец, кадровая составляющая руководства дипломатией. Далее ключевую роль играл политический комитет, который вел, контролировал и инструктировал чехословацкие представительские учреждения, а также давал оценку результатам их деятельности. Юридические дела были поручены юридической секции, занимавшейся всем правовым делопроизводством, вопросами, связанными с Лигой Наций, правовой охраной чехословацких граждан за границей и иностранных граждан в ЧСР, равно как и сложными вопросами отношений государства и церкви, в том числе и в отношении Ватикана. Не менее важную позицию занимала и секция народного хозяйства министерства иностранных дел, проводившая экономическую дипломатию государства. Следующим отделом министерства была административная секция, решавшая проблемы чехословацких граждан за границей и собственного кадрового делопроизводства учреждения. Наконец, последним самостоятельным подразделением была информационная секция,

²⁸⁴ Beneš E. Problémy nové Evropy a zahraniční politika Československa. Projev a úvahy z roků 1919–1924. Praha, 1924. S. 23.

²⁸⁵ Dejtek J. a kol. Zrod nové Evropy. Versailles, St. Germain, Trianon a dotváření poválečného mírového systému. Praha, 2011.

в задачи которой входило как получение корреспондентской информации из-за границы, так и информирование зарубежных стран о чехословацких делах²⁸⁶.

Параллельно с формированием центра продолжалось и строительство сети чехословацких представительских учреждений во всем мире, помимо Европы, также в северной и южной части американского континента, а также в Азии.

Перед чехословацкой дипломатией после мирных переговоров в Париже стоял ряд дальнейших важных задач. Молодое государство противостояло многим угрозам как внутреннего развития, так и со стороны некоторых из своих соседей. Включение Чехословакии в «версальскую» Центральную Европу наметило основные контуры чехословацкой внешней политики. С одной стороны — соседство с побежденной, но все еще остающейся великой державой Германией, с другой стороны — соседство с государствами-наследниками бывшей австро-венгерской монархии — Австрией, Венгрией и Польшей. Затем присоединение к Чехословакии в 1919 г. Подкарпатской Руси принесло в этой области и небольшую общую границу с Румынией как один из важных моментов для будущего чехословако-румынско-югославского альянса в рамках Малой Антанты.

Значительную роль в международных отношениях играл и вопрос о границах. Постепенное установление на этой территории версальской мирной системы под надзором союзной Франции и взаимных союзнических связей (или же в некоторых случаях антагонистических отношений) привело регион в состояние определенного равновесия. Равновесия, хрупкость которого, тем не менее, показала мощная экспансия Германии и ее нацистского режима в 30-е гг. XX в., когда на поверхность вновь всплыли все до сих пор скрыто дремлющие конфликты и когда вследствие политики Гитлера на закате этого периода наступает уничтожение Австрии, Чехословакии, затем и Польши.

Ключевое значение для Чехословакии, разумеется, имело, отношение к послевоенной Германии, которая подписанием Версальского мирного договора 28 июня 1919 г. признала в 81-й статье существование независимого чехословацкого государства и его

²⁸⁶ *Dejmek J. Diplomacie Československa. Díl 1. Nástin dějin ministerstva zahraničních věcí a diplomacie (1918–1992). S. 25–28.*

границ²⁸⁷. В первые послевоенные годы между обеими странами не существовало много разногласий, и даже можно сказать, что из соседей Чехословакии Германия являлась наименее проблемной²⁸⁸. Причины этого состояния были очевидными: мирный договор не давал, за исключением присоединения небольшой немецкой области Глучинско, никаких поводов для немецкого территориального ревизионизма в отношении Чехословакии, которая имела относительно стабильные исторические границы чешских земель с Германией, границы, не вызывающие страстей, как это было в случае с Польшей и Венгрией. Чехословацкая дипломатия не нарушила это взаимное состояние равновесия даже какой-либо существенной союзнической поддержкой жесткой французской политики в отношении Германии из-за невыполнения репарационных обязательств²⁸⁹. Однако решающей переменной для судьбы чехословацко-немецких отношений было установление в Германии в 1933 г. нацистского режима, который воспринимал Чехословакию в качестве одной из будущих целей нацистской агрессии.

Очень корректными были отношения с южным соседом, Австрией. В них ничего не изменил даже начальный этап спора между австрийским правительством Курта Реннера и чехословацким правительством, касавшегося попытки создания четырех немецких провинций в Чехословакии (Дойчбёмен, Судетенланд, Дойчзюдмерен и Бёмервальдгау) и их присоединения к Австрии, противоречий, которые были разрешены силовым решением проблемы чехословацким правительством.

Переломным моментом, в этом случае, стал мирный договор, подписанный в Сен-Жермене 10 сентября 1919 г., которым Австрия признавала независимость и территориальную целостность Чехословакии и окончательно отказывалась от части исторической чеш-

²⁸⁷ Sbíрка zákonů a nařízení státu Československého, 1921. Díl 53. 22. června, články 81 a 82. S. 602–603.

²⁸⁸ Alexander M. Die erste Phase der deutsch-tschechoslowakischen diplomatischen Beziehungen 1918–1919 // Die böhmischen Länder zwischen Ost und West. München — Wien, 1983. S. 228–239.

²⁸⁹ Němeček J. Korrekte Nachbarschaft. Die Anfänge der diplomatischen Beziehungen zwischen dem Deutschen Reich und der Tschechoslowakischen Republik // Diplomatie zwischen Prag und Berlin — ein doppelter Anfang 1918/1993. Praha, 2018.

ской территории²⁹⁰. Последующее сближение происходило на базе сотрудничества против венгерского ревизионизма и против возвращения Габсбургов. Важную роль играли и экономические отношения, когда разрушенной войной Австрии Чехословакия предоставила финансовые займы и стала поставлять сырье.

Логически наиболее близким соседом должна была стать для Чехословакии славянская Польша. Не только славянское родство, но и общие внешние интересы (главным образом, в отношении Германии) должны были предопределить близость обеих стран. Однако реальность первых послевоенных лет была иной. Главным предметом спора между Чехословакией и Польшей стали общие границы.

В Чешских землях это касалось бывшего Тешинского княжества, в Словакии — областей Орава и Спиш. Споры, которые переросли в военные столкновения сторон²⁹¹. Здесь, однако, вмешались союзные державы. Решением конференции послов союзников в бельгийском Спа 28 июня 1920 г. спорная территория была разделена. Вердиктом остались не довольны обе стороны, и это оказало влияние на отношения двух стран на протяжении всего межвоенного периода, которые в октябре 1938 г. завершились польским ультиматумом и захватом чешской части Тешинской Силезии.

Отношения Чехословакии еще с одним соседним государством, Венгрией, относились к наиболее сложным. Причина была простой: Венгрия постоянно считала Словакию частью земель Святостефанской короны. В этом сходились как первое либеральное правительство графа Михая Каройи, так и следующее коммунистическое под руководством Белы Куна, возглавившее Венгерскую Советскую республику. Столкновения на демаркационной линии между Чехословакией и Венгрией завершились в начале лета 1919 г. оккупацией части Словакии венгерской Красной армией²⁹². Так же, как и в польском, в венгерском случае дипломатическое решение пришло с вмешательством союзных держав, когда были определены окончательные границы между обеими странами, подтвержденные год спустя,

²⁹⁰ *Konrád O.* Nevyvážené vztahy. Československo a Rakousko 1918–1933, Praha, 2012, kapitola 1.

²⁹¹ *Dejmek J.* Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992). Praha, 2002. S. 135–140.

²⁹² *Irmanová E.* Maďarsko a versailleský mírový systém. Ústí nad Labem. S. 123–128.

4 июня 1920 г., подписанием Трианонского мирного договора, которым Венгрия признавала «полную независимость чехо-словацкого государства, включающего и автономную территорию русинов на юг от Карпат»²⁹³.

Договор должен был обозначить переломный момент и в отношениях между Чехословакией и Венгрией; действительность, однако, была иной — Венгрия и после падения коммунистического режима в стране и прихода к власти регента Миклоша Хорти, на протяжении всего межвоенного периода, стремилась к ревизии Трианонской системы, в результате установления которой у страны было отторгнуто 71,5 % территории в пользу соседних государств-преемников: Австрии, Румынии, Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии) и Чехословакии.

Оставался последний сосед, которого Чехословакия получила после присоединения Подкарпатской Руси, — Румыния. Страна, которая была связана с Чехословакией изначальной целью: воспрепятствовать Венгрии в ревизии послевоенной мирной системы, что проявилось уже ранее при совместной деятельности по ликвидации руководимой коммунистами Венгерской Советской республики. Защита международной системы (главным образом, от Венгрии) стала затем основой союзнических связей Чехословакии, Румынии и Югославии, так называемой Малой Антанты, которая после своего возникновения в 1920–1921 гг. стала стабилизирующим элементом в Центральной Европе в отношении попыток вернуться к довоенным порядкам, где все три государства объединяла оборона послевоенных границ²⁹⁴. Впервые общую политику в этом деле они проявили при второй попытке реставрации бывшего императора Карла I в октябре 1921 г.

Ключевой опорой международного положения Чехословакии оставались Франция и Великобритания. Французское участие в формировании чешско-словацкой армии и французская поддержка на мирных переговорах особенно сказались в неформальном отношении молодого чехословацкого государства к великой французской державе, которая систематически выстраивала союзнические связи

²⁹³ Trianonská smlouva — devadesát let poté / Eds. J. Dejmek, M. Loužek. Praha, 2010. S. 173–188.

²⁹⁴ Sládek Z. Malá dohoda 1919–1938. Její hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha, 2000. S. 23–24; Ádám M. Little Entente and Europe (1920–1929). Budapest, 1993.

в Центральной Европе. Сначала с Польшей, с которой в феврале 1921 г. она подписала договор, затем также и с Чехословакией, когда Бенеш во время своего визита в Париж 25 января 1924 г. подписал союзническое соглашение с последующим чехословацко-французским гарантийным договором от 16 октября 1925 г.

Отношения Чехословакии с Италией после прихода там к власти фашистского режима постепенно охладились, символом чего стала судьба чехословацко-итальянского договора о дружбе 1924 г., срок которого истек в 1929 г. и, несмотря на чехословацкие усилия, уже не был продлен дальше²⁹⁵.

На протяжении всего межвоенного периода Чехословакия опиралась на политику коллективной безопасности, представляемую Лигой Наций (ЛН), в которой чехословацкая дипломатия во главе с Бенешем (уже в 1921 г. он стал одним из заместителей председателя Ассамблеи ЛН и был повторно избран в Совет ЛН) играла активную роль почти на протяжении всего межвоенного периода, принимая участие в подготовке важных международных документов, так называемого Женевского протокола о мирном урегулировании международных споров и выработке дальнейших охранных механизмов в поддержку малых стран²⁹⁶. Однако, к сожалению, после провала этих проектов, Лига Наций во второй половине 1930-х гг. продемонстрировала свою неэффективность, неспособность противостоять диктатурам и их агрессивной политике.

В заключение можно сказать, что в непростых начальных условиях чехословацкой дипломатии удалось защитить интересы молодого чехословацкого государства и противостоять стремлениям ревизии версальской мирной системы, выразившихся в двух попытках бывшего императора Карла Габсбурга вернуться на трон в Венгрии, которые встретились с решительным дипломатическим противодействием чехословацкой дипломатии совместно с другими государствами-преемниками Австро-Венгрии.²⁹⁷ Таким образом, в первой

²⁹⁵ Houska O. Praha proti Římu, Československo-italské vztahy v letech 1922–1929. Fontes, 2011. S. 143–170.

²⁹⁶ Feriancová A. Československo a kolektívna bezpečnosť v prvej polovici dvadsiatich rokov 20. Storočia // Čriepky z dejín Slovenska. Nitra, 2011. S. 108–121.

²⁹⁷ Raiman V. Návrat krále? Restaurační pokusy Karla Habsburského v Maďarsku v roce 1921 ve světle mezinárodních vztahů v Evropě // Moderní dějiny 21. 2013. Č. 1. S. 65–102.

половине 1920-х гг. были оформлены как пражский центр в форме министерства иностранных дел, так и постепенно расширявшаяся сеть дипломатических представителей Чехословакии во всем мире.

*Я. Немечек
(Прага)*

*Перевод с чешского
П.В. Мошечкова*

Установление отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриации

Революционные вихри в России, последовавшая Гражданская война и боевые действия на менявшихся фронтах в разных частях бывшей Российской империи, естественно, не способствовали установлению отношений с зарубежными странами, не говоря уже о торговых контактах и сделках с ними. Экономическая блокада демократического мира против большевистской власти тяжело отразилась на состоянии экономики советского государства. В конце Первой мировой войны сотни тысяч военнопленных возвращались к себе на родину, а наряду с этим, вследствие революции и поражения белых войск, сотни тысяч эмигрировали.

После 1918 г. из России в только что образовавшуюся Чехословакию постепенно возвращались несколько крупных групп лиц чешского и словацкого происхождения. Чехословацкие легионеры в России представляли собой хотя и существенную, но лишь одну их часть. Следует отметить, что они отправлялись на родину в организованном порядке, прежде всего, через Владивосток, а далее — на кораблях. Помимо чешских и словацких военнопленных, возвращавшихся домой в качестве репатриантов по железной дороге, речь шла и о части членов чешских и словацких землячеств в России (в первую очередь, тех, кто оставался подданными Австро-Венгерской монархии, избрав гражданство нового чехословацкого государства). Внутри этой группы имелась еще одна часть, в основном представлявшая зажиточные социальные слои — предприниматели, обосновавшиеся в крупных городах европейской части России и Украины. Однако, учитывая ее влияние, она играла гораздо более значимую роль в развитии потенциала взаимоотношений.

Возвращение военнопленных из России

Находившиеся в конце Первой мировой войны на территории Российской империи военнопленные представляли собой весьма многочисленную и пеструю группу. «Почти из двух миллионов попавших в плен солдат Центральных держав, которые после выхода России из войны находились на ее территории, три четверти оказались на ее европейской части — в своем большинстве уже в качестве рабочей силы в различных отраслях хозяйства. Около полумиллиона пребывали в сибирских лагерях и примерно 50 тыс. чел. — в российской Средней Азии, в Туркестане»²⁹⁸. Подавляющее их большинство — около 90 % — составляли военнопленные из армий Австро-Венгерской монархии. Военнопленных, в зависимости от их национальности, размещали в различные лагеря. Бывшие солдаты немецкой армии, так называемые нежеланные, в частности немецкой, венгерской, турецкой и еврейской национальности, включая офицеров, направлялись в своем большинстве в отдаленные края царской России, в Сибирь, в Среднюю Азию, в то время как славяне, итальянцы и румыны размещались в европейской части России. Столь дифференцированное размещение, однако, проводилось непоследовательно, так как царская Россия была заинтересована в использовании квалифицированных работников на местах²⁹⁹. Нужно подчеркнуть, что, к сожалению, на данный момент мы не располагаем достоверными данными о численности военнопленных ни по областям, куда они были интернированы, ни по их национальной принадлежности, поэтому с этими данными следует работать крайне осмотрительно³⁰⁰.

Вернемся несколько назад, чтобы объяснить положение военнопленных обеих сторон еще в период существования Австро-Венгрии. Разумеется, воевавшие друг с другом государства были заинте-

²⁹⁸ Benko J. Bolševizmus medzi Východom a Západom (1900–1920). Bratislava, 2012. S. 94.

²⁹⁹ Ibid. S. 95. Подробнее см.: *Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // J. Oltmer (Hrsg.). *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. S. 240–243.

³⁰⁰ *Rachamimov A.* POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. New York, 2002. S. 34–44.

ресованы в возвращении своих находившихся в плену подданных. Репатриационная комиссия Центральных держав хотя прибыла в Россию еще в марте 1918 г. (а именно — на Украину), однако договор с большевистским правительством ей удалось заключить только во второй половине июня 1918 г., в самый разгар Гражданской войны в России. До конца Первой мировой войны из 670 000 военнопленных австро-венгерской армии в России при содействии Репатриационной комиссии была направлена обратно в разваливавшуюся монархию примерно четвертая их часть³⁰¹. Но они составляли лишь небольшую часть общего количества, насчитывавшего почти 2 млн военнопленных (преимущественно из немецкой армии). «Приток военнопленных в монархию оказался самым масштабным весной 1918 г. — австро-венгерские ведомства зафиксировали тогда более полумиллиона военнопленных — и достиг кульминации в апреле — мае 1918 г.»³⁰²

После распада монархии завершила свою деятельность и Австро-Венгерская репатриационная комиссия. Уже через несколько дней после возникновения Чехословакии, 5 ноября 1918 г., в Москве был учрежден Австро-Венгерский совет рабочих и военных депутатов (так называемый Австросовет), который стремился взять репатриацию военнопленных в свои руки³⁰³. Австросовет занял здание, где ранее заседала Австро-Венгерская репатриационная комиссия. Ему удалось получить доступ к материалам репатриационной комиссии, тогда еще, по-видимому, находившимся в явно упорядоченном состоянии. Тем самым, он, естественно, получил также и доступ к ценным документам, касавшимся военнопленных, включая списки мест их пребывания в России. Постепенно создавались и отдельные секции этого совета, в частности, чехословацкий, венгерский, югославский и румынский советы. Создание этого института, есте-

³⁰¹ Подробнее см.: *Benko J.* Op. cit. S. 100–101. Здесь также приведена и более старая литература.

³⁰² *Ibidem.* До 31 июля 1918 г. на родину вернулись 522 235 военнопленных, при этом большая их часть — до конца апреля. Из общего числа 2 млн военнопленных до октября 1918 г. на родину вернулась одна треть. Подробнее см.: *Pichlík K.* K otázce navrátilců z ruského zajetí // *Historie a vojenství.* 1962. №. 1. S. 100.

³⁰³ Подробнее см.: *Horčíčka V.* *Rakousko-uherská politika vůči sovětskému Rusku v letech 1917–1918.* Praha, 2005. S. 214–215.

ственно, не приветствовали вновь возникшие государства-преемники, которые стремились инициировать переговоры об учреждении собственных миссий. Совет народных комиссаров, напротив, приветствовал учреждение этого института и признал его единственным полномочным представителем интересов находившихся тогда в Советской России граждан бывшей монархии³⁰⁴. В интересах репатриантов, однако, надо было неотложно найти выход из создавшегося положения. После распада Австро-Венгрии при посредничестве советского правительства из плена на родину направлялись массы бывших военнопленных; только за ноябрь–декабрь около 40 тыс. чел., включая огромное количество чехов и словаков. Этот поток, разумеется, надо было как-то организовывать или регулировать.

Как вопрос репатриации из России воспринимался в Чехословакии, в правительстве?

Первая нота правительства новой Советской России чехословацкому временному правительству была направлена еще 31 октября 1918 г.³⁰⁵ Тогдашнее правительство, во главе с национальным демократом К. Крамаржем, на нее не ответило, не была радиграмма опубликована и в печати. Совет народных комиссаров снова обратился к чехословацкому правительству спустя почти месяц, т.е. 25 декабря 1918 г., однако ответа не последовало; то же повторилось после отправки 5 января 1919 г. новой очередной ноты. В то же время правительство через полицейские учреждения собирало информацию о нараставшем проникновении агитаторов и пропагандистов коммунистического движения в среду репатриантов с целью пропаганды подготовки социалистической революции.

Заключение сепаратного мира между Центральными державами и Советской Россией в Брест-Литовске в марте 1918 г. оказало существенное влияние на сдержанность позиции западных держав в их нежелании вступать в переговоры с представителями большевистского правительства. Но и среди победивших государств Антанты полного согласия не было, что обуславливалось их различными ин-

³⁰⁴ Benko J. Op. cit. S. 110.

³⁰⁵ Подробнее см.: Olívová V. Československo — sovětské vztahy v letech 1918–1922. Praha, 1957. S. 55–56.

тересами. Тем не менее, они достигли согласия в главном — в отказе вести переговоры с советским государством. В результате страна оказалась в политической, экономической и дипломатической изоляции, которая, впрочем, никогда не была тотальной.

Дипломатические представительства стран Антанты, находившиеся в России со времен царской монархии и Временного правительства, и остававшиеся здесь еще в первый год большевистской власти, были сведены к минимуму. В течение 1918 г., в результате эскалации Гражданской войны и иностранной интервенции, изоляция Советской России усугубилась. В октябре 1918 г. отношения с Россией прервали все европейские государства. Изоляция достигла апогея летом 1919 г., когда из России ушла и миссия Красного креста нейтрального Датского королевства³⁰⁶. Об организации репатриации военнопленных из России от имени секции попечения военнопленных Министерства национальной обороны П. Макса докладывал министру иностранных дел Э. Бенешу в письме от 3 февраля 1919 г. Бенеш в это время находился в Париже, где участвовал в составе делегации Чехословацкой республики в мирных переговорах в Версале³⁰⁷. В своем докладе Макса говорил о тяжелом положении чешских и словацких военнопленных. Судя по его отчету, в России их насчитывалось ни много, ни мало, а 200 000 чел. Он также сообщал, что после 6 ноября 1918 г. полномочия бывшей Австро-Венгерской комиссии самовольно взяли на себя коммунистические советы австро-венгерских рабочих и солдат, созданные в основном из военнопленных венгерской и немецкой национальности. Сотни тысяч военнопленных, согласно докладу Максы, находились также в Сибири, где размещались и части чехословацких легионеров. Макса в своем отчете подчеркнул необходимость: «1. Из наших особых национально-политических соображений ускорить возвращение российских легионеров любым путем. При определенных условиях возможным оказался бы путь через Советскую Россию. 2. Учредить под эгидой Лиги Наций или Конференции союзников международную комиссию из представителей нейтральных государств (Дания, Швеция, Норвегия, Швейцария), которая могла бы провести репатриацию военно-

³⁰⁶ *Hájek M., Mejdrová H. Vznik III. Internacionály. Praha, 1974. S. 94.*

³⁰⁷ *Archiv ministerstva zahraničních věcí (далее — AMZV). Politická sekce. 1919. № 326 pres.*

пленных без различия их гражданства, прежде всего из разных частей России, а также репатриацию российских военнопленных из стран бывшего союза Центральных держав»³⁰⁸. Через несколько дней, 10 марта 1919 г., письмо с подобными аргументами Макса направил министру национальной обороны. Из уже упоминавшегося Австросовета после распада Австро-Венгерской монархии сформировались самостоятельные советы отдельных стран-преемников. С декабря 1918 г. они установили контакты с датским посольством в Петрограде, которое взяло на себя роль посредника по вопросам охраны интересов их граждан, бывших военнопленных, находившихся на территории бывшей царской России. Однако Чехословакия с просьбой о содействии такого рода к датскому правительству не обращалась.

Правительство К. Крамаржа вопрос о репатриации чешских и словацких военнопленных из бывшей австро-венгерской армии в России детально рассматривало на своем 68-м заседании 2 мая 1919 г. Помимо необходимости обеспечения условий для возвращения около 40–50 тыс. бывших военнопленных с Украины, оно еще занималось и рассмотрением письменных заявлений семей чешского происхождения о возможности их возвращения на старую родину, в нынешнюю Чехословакию. Заявления приходили, прежде всего, из области Волыни. Правительство Крамаржа, однако, в тот момент придерживалось мнения, что «чехов осевших в восточной Галиции, Волыни и т.д., не следует поддерживать в стремлении вернуться на территорию Чехословацкой республики, а напротив, следовало воздействовать на них таким образом [...], чтобы эти семьи, имеющие на территории России недвижимое имущество и средства к существованию и являвшиеся российскими подданными, не стали бы необдуманно продавать свое имущество. Тем самым они не подверглись бы угрозе того, что средства, полученные за проданное недвижимое и движимое имущество, могли превратиться вследствие обесценивания российских и украинских денег в весьма сомнительное состояние. Из-за чего эти семьи могли бы оказаться в Чехословакии в нищете, а в силу сложившихся в стране хозяйственных, финансовых, снабженческих, жилищных и т.п. условий,

³⁰⁸ Archiv ministerstva zahraničních věcí (далее — AMZV). Politická sekce. 1919. № 326 pres.

при всем желании, ее не удалось бы преодолеть»³⁰⁹. Следовательно, в тот момент правительство не поддерживало заявления о реэмиграции. Это, однако, не означало полного отказа от возможной реэмиграции впоследствии.

Дипломатия — Чехословацкая репатриационная миссия в РСФСР

Международный Красный Крест весной 1920 г. выступал посредником в коммуникации РСФСР со странами Центральной Европы. Существенной составной частью этих переговоров оказалась проблематика репатриации. Часть бывших военнопленных возвращалась из России на родину на свой страх и риск, т.е. неорганизованно. Значительная их часть, однако, еще оставалась в различных лагерях, куда их направляли ранее, на обширной территории России, по-прежнему охваченной Гражданской войной. Советское правительство, стремившееся к международному признанию, старалось установить отношения с отдельными странами, естественно, и с Чехословакией. Положение на юге России, отступление денкинских войск и их переправа в турецкий Стамбул, падение Колчака в Сибири, наступление Красной Армии и укрепление советской власти привели представителей союзников к решению об изменении отношения к Советской России.

Установление новых отношений с Советской Россией облегчалось вследствие решения держав Антанты, которые 16 января 1920 г. решили снять блокаду еще и потому, что она не давала уже никаких результатов. Верховный совет Антанты, приняв это решение и сняв в тот же день блокаду Советской России, разрешил западным фирмам торговлю с представителями кооперативных организаций России. Это также способствовало разрядке атмосферы в решении вопроса о репатриации бывших военнопленных и других лиц. Такое изменение обуславливалось, прежде всего, заинтересованностью британской политики в потенциально огромном российском рынке, в котором она крайне нуждалась. С другой стороны, французское правительство в тот момент еще не отказалось от планов интервен-

³⁰⁹ Z protokolů schůzí první československé vlády 1918–1919. Praha, 1974. S. 106–107. О волынских чехах см.: *Vaculík J. Dějiny volyňských Čechů II*. Praha, 1998. S. 25.

ции. Пожалуй, самым веским аргументом явились опасения этих двух стран, как бы их не опередили немецкие конкуренты, которые начали уже проникать в Россию и угрожали совершенно беззащитно занять самые выгодные позиции в сфере торговли. Уже 29 октября 1919 г., за три месяца до решения стран Антанты, Германия отказалась присоединиться к экономической блокаде Советской России и начала торговые переговоры.

Торговое общество Центрокомиссия, находившееся во Владивостоке, попыталось весной 1920 г. отправить через всю Россию миссию под эгидой Красного Креста. Миссия, однако, закончилась еще в Восточной Сибири. Без согласия советского правительства, систематически укреплявшего свой контроль над территорией России, шансы на контакт с сибирскими кооперативами практически равнялись нулю³¹⁰.

Принципиальную смену в отношениях держав-союзников к Советской России приветствовал министр иностранных дел Чехословацкой республики, реалистично и стратегически мыслящий деятель. В своем экспозе в комитете по международным делам Палаты депутатов парламента Бенеш 31 января 1920 г. заявил: «Если Европа установит экономические отношения с Россией, это значит, что со временем благодаря этим экономическим отношениям большевики примут целый ряд институтов старого режима, проникшихся, скорее всего, новым духом. И тем самым, они окажут значительное воздействие на трансформацию бывшего общества; прежняя Россия, пожалуй, изменится, а взамен старого будет окончательно создан новый режим. План интервенции союзников знаменовал политику старого режима, нынешняя же политика означает режим новый»³¹¹. Во внешнеполитическом плане он, таким образом, привел аргументы в поддержку отказа использовать в дальнейшем чехословацкие легионы в Сибири против Красной Армии. В то же время он формировал свою концепцию относительно будущих преобразований советского государства, или, говоря упрощенно, его ненасильственной трансформации в демократическое общество с рыночной экономикой.

³¹⁰ Sládek Z. Hospodářské vztahy ČSR a SSSR 1918–1938. Praha, 1971. S. 27.

³¹¹ Beneš E. Problémy nové Evropy. Praha, 1924. S. 50–52.

После предварительных консультаций с британским и французским правительствами Бенеш начал переговоры сначала с советской миссией в Лондоне. Он вел переговоры весьма обдуманно и более чем осторожно. Они проходили в разгар войны между Польшей и Советской Россией. В тот момент, однако, речь шла всего лишь об установлении практических контактов и налаживании экономических отношений.

Бенеш, только недавно вернувшийся из Франции, естественно, приветствовал эти шаги. Сам он находился в непрестом положении, на отечественной политической сцене его критиковали как слева, так и справа. Поворот в политике по отношению к Советской России он впоследствии трактовал как своего рода продолжение интервенции, но другими средствами. Снятие блокады и разрядка напряжения, естественно, оказали непосредственное влияние на положение в России, где уже проходили переговоры о перемирии между Красной Армией и чехословацкими легионами. Бенеш сознавал тяжелое положение Чехословакии, которая для налаживания производства нуждалась в сырье. Поэтому он также призывал командование легионов постараться привезти с востока как можно больше сырья. Положение с запасами сырья в Чехословакии очень метко оценил Й. Матыс в статье в газете «*Národní Listy*»: «Самым основным шагом назад является то, что нам не только не удалось обзавестись сырьем для нашей промышленности, но что к тому же в течение 1919 г. из-за нехватки сырья оказались в затруднительном положении новые отрасли промышленности, которые в начале этого года даже представить себе не могли, что вообще когда-либо смогут ощутить дефицит сырья. [...] В течение 1919 г. мы абсолютно и всесторонне исчерпали находившиеся у нас сырьевые запасы»³¹².

Правительство Советской России вскоре после заключения перемирия от 7 февраля 1920 г. между советскими представителями и командованием легионов в Куйтуне предложило чехословацкому правительству установить между двумя странами дипломатические отношения. Сначала имели место неофициальные контакты, а зондаж практически в то же время проходил в нескольких местах и на нескольких уровнях. Одна из первых встреч советского пред-

³¹² *Matys J. Hospodářská situace republiky na konci roku 1919 a vyhlídka do r. 1920 // Národní listy. 1920. № 1. S. 1.*

ставителя с чехословацким в новой ситуации состоялась в датской столице Копенгагене. Там, в середине февраля 1920 г., встретились представитель РСФСР в Копенгагене и Ревеле, М.М. Литвинов и уполномоченный чехословацкого правительства З. Немечек³¹³. Немечек попросил у Литвинова справку о положении находившихся на территории Советской России чехословаков, в частности тех, кто был арестован. Литвинов обещал ее предоставить. Немечек тут же попросил Фирлингера поставить в известность о разговоре Бенеша. За письмом не последовали какие-либо действия. Однако автор дал довольно рельефную справку о личности Литвинова, его образе мыслей и действиях. Немечек в своем отчете о переговорах обратил внимание на несколько эмоциональную атмосферу встречи, которую, по его мнению, можно «объяснить той горячечной спешкой, в которой большевики хотят: 1) ввести у себя нормальный порядок, 2) получить от Антанты признание законным правительством, поскольку у себя они признаны не всеми, имея дело с противостоянием партии „Социал-революционеров“ и, прежде всего, подрывного, глубоко террористического „Всероссийского Повстанческого Комитета революционных партизан“ и „Организации Анархистов подполья“»³¹⁴. О встрече с Литвиновым Немечек в письме информировал полковника чехословацких легионов в России З. Фирлингера, который в то время уже работал в Министерстве иностранных дел. Он передавал информацию Бенешу. Практически одновременно поступила и радиogramма народного комиссара Чичерина министру иностранных дел Бенешу, в которой содержалось предложение о переговорах с Чехословакией³¹⁵.

25 февраля 1920 г. МИД ЧСР по телеграфу получил письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Чичерина, в котором предлагалось «начать переговоры об установлении мирных отношений и заключении мирного договора»³¹⁶. Подлинный, аутентич-

³¹³ AMZV. Politické zprávy (далее — PZ). Moskva. 1920. № В. Письмо З. Немечека З. Фирлингеру от 15.02.1920. Литвинов тогда работал полпредом РСФСР в Дании; его задача заключалась в постепенном налаживании отношений с европейскими правительствами.

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ Ibid. PZ. Moskva. 1920. Депеша Чичерина Бенешу от 18.02.1920.

³¹⁶ Kotrba-Skalický O. Pathologie einer Beziehung: die Sowjetunion und die Tschechoslowakei 1918–1938 // Gleichgewicht — Revision — Restauration. Die Aus-

ный текст был получен непосредственно из Москвы через три дня, 28 февраля. Только после этого нота была опубликована в печати. Бенеш, учитывая важность происходившего, разъяснял положение в циркуляре от 29 февраля, направленного в дипломатические представительства за границей. В нем говорилось, что позиция чехословацкого правительства в отношении ноты РСФСР «не может быть просто отрицательной по внутренним и внешним соображениям, поскольку поляки ведут переговоры, а сибирская армия заключила перемирие. Любое действие [следует предпринимать] по соглашению с союзниками»³¹⁷.

Публикация советского предложения в печати получила в чешской общественности сильный резонанс³¹⁸. В отличие от 1918 г., когда чехословацкое правительство не реагировало на советские предложения, а советские ноты не публиковались, сейчас оно стало поступать по-другому. На ближайшем очередном заседании комитета по международным делам Палаты депутатов парламента 11 марта 1920 г. Бенеш сообщил, что чехословацкое правительство готовится к началу переговоров с Советской Россией, аргументируя свою позицию снова как внешне-, так и внутривластической обстановкой. Он подчеркнул: «Нельзя в том фатальном положении, в каком мы сейчас находимся, не вести переговоров с Россией»³¹⁹. Получив согласие стран Антанты, Бенеш составил проект ноты, в ответ на советское предложение о переговорах³²⁰. Бенеш находил основания в самых разных факторах и взаимосвязях, при этом геополитический фактор в его аргументации играл существенную роль. «Из нашего положения в Центральной Европе, — отмечал он, — помимо прочего, следует то, что, не ощущая непосредственных опасений ни перед

senpolitik der Ersten Tschechoslowakischen Republik im Europasystem der Pariser Vorortverträge. Hrsg. Von K. Bosl. München/ Wien, 1976. S. 168.

³¹⁷ AMZV. Telegramy odeslané. 1920. № 117.

³¹⁸ Подробнее см.: *Olivová V.* Op. cit. S. 163–165.

³¹⁹ Archiv parlamentu České republiky (далее — AP ČR). Praha. Projev E. Beneše v zahraničním výboru Parlamentu // Těsnopisecký zápis o schůzi zahraničního výboru z 11.03.1920; см. также: *Beneš E.* Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z roků 1919–1924. Praha, 1924. S. 101–129.

³²⁰ Archiv kanceláře prezidenta republiky (далее — АКПР). F. D 3350/20, D 29 4049/20. Перевод проекта ноты опубликован в: *Olivová V.* Op. cit. D. II. Dokument č. 46.

войной с Россией, ни перед хаосом в России, нам представляется возможность проще следить за реальным развитием в России, а с другой стороны, нам не приходится чувствовать опасения, которые в столь большой степени до сих пор оказывают воздействие на западные европейские страны. Следовательно, наше положение между Западной Европой и Россией носит особый характер и вместе с тем оно имеет преимущества; мы полагаем, что важно использовать это особое положение в нашей внешней политике как в отношении Запада, так и Востока, ставя акцент на этом положении»³²¹. Далее Бенеш подчеркивал требование Антанты к России — поступать в международных отношениях как правовое государство. «Антанта, — писал он, — требует, чтобы сегодняшняя Россия отказалась от применяемых доселе методов в международных отношениях, ввела парламентскую систему и, в частности, созвала какое-нибудь всенародное собрание, чтобы окончательно отречься от любого вмешательства во внутренние дела нашего государства, и что потом уже следует обсудить, каким образом можно создать правовые отношения между странами-союзниками и Россией. [...] Наконец, союзники заняли позицию, согласно которой экономические отношения можно установить безотлагательно, не меняя политическую позицию и правовую оценку сегодняшнего российского правительства»³²². Когда по стране, в частности в Брно, объявили манифестации в поддержку заключения мира с Советской Россией, чехословацкое правительство отправило ответ на советскую ноту от 25 февраля.

Между тем, чехословацкий зондаж проводился и в отношении находившейся в Гааге советской делегации, а затем интерес сосредоточился на миссии представителя Центросоюза, Л.Б. Красина (1870–1926), находившегося в Лондоне. Несколькоими днями ранее по поводу возможности развития экономических отношений с Советской Россией высказался глава государства, президент Т.Г. Масарик, причем в довольно пессимистическом тоне: «Вопрос об установлении практических экономических отношений с Россией будут

³²¹ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (далее — AÚTGM). Praha. Sg. R 355/3. K. 226. Sl. SSSR. 1920. Duben, Доклад об ответе министра Бенеша на ноту Чичерина. См. также: Sborník zahraniční politiky. 1920. № 7. 15. IV.

³²² AÚTGM. L. 1.

решать средства коммуникации, находящиеся в нашем распоряжении, и никому питать иллюзий не стоит»³²³.

10 апреля 1920 г. Бенеш направил по телеграфу ноту народному комиссару иностранных дел Чичерину с выражением готовности к установлению «нормальных отношений». В тексте ноты это сформулировано следующим образом: «Чехословацкое правительство полагает, что данную ситуацию невозможно сохранять в течение длительного времени. Ни Россия, ни Центральная Европа не могут исполнить свои обязанности перед своими народами, если не попытаются на местном уровне установить нормальные взаимоотношения»³²⁴. На заявление Бенеша Чичерин с удовлетворением отозвался 22 апреля, предложив направить комиссию по установлению экономических отношений. В мае 1920 г. Бенеш принял это предложение.

Налаживание взаимоотношений проходило под влиянием внутривнутриполитической обстановки в ЧР и обуславливалось как позицией западных держав по отношению к Советской России, так и общей международной обстановкой. С представителями Советской России, в частности, с представителем торговой организации Центросоюза Красиным, Бенеш лично встретился в Лондоне 2 июня 1920 г.³²⁵ Один из первых вопросов Бенеша заключался в следующем: чего Советская Россия добивается от стран Антанты, а именно: «Чего вы требуете от союзников?» Ответ Красина был однозначен: «La paix La paix, la paix, la paix»³²⁶. Далее Красин сказал: «Нам нужен мир для того, чтобы перестроить Россию на основе нашей системы». По записи Красиного о разговоре, Бенеш намекнул, что Чехословакия остановила транзит оружия через Чехословакию в Польшу. Он, тем не менее, отказывался, причем достаточно упорно, от разговоров о взаимном признании де-юре. Разговор, однако, касался и других сфер. Он даже перерос в дискуссию на тему о роли революции,

³²³ АКРР. Словами Т.Г. Масарика: «Über das Anknüpfen von praktischen Wirtschaftsbeziehungen zu Russland werden die verfügbaren Kommunikationsmitteln entscheiden und niemand solle sich Illusionen machen». Ibidem.

³²⁴ Dokumenty a materiály československo-sovětských vztahů (DMČSSV). Praha, 1975. D. 1. S. 360–361. Dok. 285. Подробнее о связях см.: *Dejpek J. Edvard Beneš. Politická biografie českého demokrata. Revolucionář a diplomat (1884–1935)*. Praha, 2006. D. 1. S. 277.

³²⁵ AUTGM. EB I. K. 226. Cr. R 355/3. Notes sur une conversation avec Krassin.

³²⁶ Ibid. L. 3. В переводе с французского на русский: «Мира, мира, мира».

сути республики советов и марксизма. Тут Бенеш не скрывал своего скепсиса по поводу марксизма, утверждая, что для него «Карл Маркс многого не значит. Это набор противоречий и утопий»³²⁷. Хотя ответ Красина звучал эмоционально, Бенеш и на этот раз остался скептиком. Но идеологические вопросы тут не играли особой роли, более существенной являлась практическая сторона дела — установление взаимоотношений и торговля, конечно без официального признания РСФСР и УССР. В отчете для Министерства иностранных дел Бенеш подчеркивал, «что, по мнению чехословацкого правительства, нельзя вести переговоры о заключении мира с Советской Россией, поскольку Чехословакия никогда не находилась в состоянии войны с Россией. [...] В настоящее время речь идет об установлении экономических и торговых связей, по существу, об отношениях де-факто, без иных политических международных последствий»³²⁸.

*Эмил Ворачек
(Прага)*

*Перевод с чешского
Э.Г. Здорожнюк*

³²⁷ Ibid. L. 11.

³²⁸ AMZV. F. Pařížský archiv (PA). Č. 7310. Záznam E. Beneše z 2. 6. 1920.

Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг.

Приход большевиков к власти в октябре 1917 г. и провозглашение независимого чехословацкого государства 28 октября 1918 г. поставили перед правительством Чехословацкой республики вопрос об отношении к русской революции, о признании советского правительства и установлении с ним контактов. Необходимость практических связей диктовалась предстоящим обменом военнопленными, решением о выводе Чехословацкого корпуса с территории России, а затем и прекращением военного конфликта с ним.

Обе стороны при этом руководствовались конкретными политическими и экономическими интересами. Перед советским правительством стояла задача выхода из изоляции и получения дипломатического признания, а чехословацкое правительство было заинтересовано в установлении торгово-экономических связей и завоевании ёмкого российского рынка.

После подписания 7 февраля 1920 г. условий мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири Чехословакия и Советская Россия летом того же года обменялись миссиями Красного Креста, имевшими в основном репатриационные функции. Российскую миссию в Праге возглавил И.С. Гиллерсон, чехословацкую — Й. Скала. Практически через год эти миссии сменились торговыми представительствами. Советское представительство в Праге возглавил полномочный представитель РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко, а чехословацкое — Й. Гирса. В 1921–1922 гг. шла подготовка к заключению временного торгово-экономического соглашения между двумя государствами. Чехословацкое правительство не возражало против предложенного советской стороной проекта договора за исключением двух строк параграфа № 1 — о признании представительства Мостовенко единственным. По этому поводу он писал Народному

комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину: «...У меня накопился громадный материал, доказывающий неофициальное существование здесь самых фантастических организаций, которые как минеральные отложения для геолога смогут помочь будущему историку составить последовательный перечень всех петроградских, московских, донских и т.д. правительств и их претендентов»³²⁹. Поддержка чехословацким правительством русских эмигрантов, в частности эсеров, часто использовалась советскими представителями в Праге как контраргумент в ответ на критику поддержки чехословацких левых со стороны Коминтерна и предоставления им крупных финансовых средств, что расценивалось правительством ЧСР как вмешательство во внутренние дела государства³³⁰. Так, 25 августа 1921 г. П.Н. Мостовенко писал в Москву: «Я, между прочим, намекнул Бенешу, что у нас тоже имеются кой-какие данные об аналогичной интервенции с их стороны в виду поддержки эсеровских предприятий»³³¹.

Политика военного коммунизма и неурожай 1921 г. привели к голоду в районах Поволжья. Чехословацкое правительство и русские эмигранты в ЧСР начали работу по организации помощи голодающим в России. В августе 1921 г. по инициативе президента Чехословакии Т.Г. Масарика наряду с помощью голодающей России чехословацкие власти начали так называемую «Русскую акцию помощи эмигрантам из России», что резко негативно расценивалось советской стороной.

Существовали и другие вопросы, вызывавшие разногласия сторон. Чехословацкое правительство затягивало подписание временного торгово-экономического соглашения, выдвигая предварительные условия — освобождение арестованных в России чехов и словаков, а также прекращение пропаганды и помощи чехословацким коммунистам со стороны Коминтерна, за которым стояла Советская Россия. 18 августа 1921 г. П.Н. Мостовенко в письме Г.В. Чичерину настаивал на «ликвидации» вопроса об арестованных, писал, что это в интересах Советов, так как избавит от лишних

³²⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). Т.1. М., 1973. С. 436.

³³⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 54. 1920–1922. Л. 248.

³³¹ Там же. Д. 4. Л. 243.

столкновений с правительством ЧСР, тем более, что информация чехов-коммунистов, находившихся в России, на основе которой эти аресты производились, не имела ничего общего с действительностью³³².

12 сентября 1921 г. заместитель Народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинов писал Мостовенко о чехословацких политиках: «Как политики мелко-буржуазного типа, они не чужды утопий и все еще верят в возможность внезапного превращения Советского правительства в эсеровское. Отсюда их постоянное заигрывание с эсерами. Оттяжки в подписании договора, упорный отказ от нейтралитета лучше всего вскрывает их лицемерие. Помощь голодающим они также рассматривают под углом зрения возможного укрепления эсеровско-кадетских элементов в России». В этом же письме он ставил условия: «Никаких русских эмигрантов в составе иностранных комиссий помощи голодающим»³³³.

13 декабря 1921 г. Литвинов давал ценные указания Мостовенко по поводу ведения переговоров о временном договоре между странами: «Отказавшись от своей непримиримой позиции по пункту о нейтралитете, мы тем большую настойчивость можем проявить в отношении савинковской организации. Ссылки Бенеша на право убежища не выдерживают никакой критики... Можно было бы с ними соглашаться, если бы у савинковцев создалось безисходное положение, то есть если бы их не пускали ни в какие другие страны, но Бенеш отлично знает, что двери Франции широко раскрыты для всех наших врагов, и что, стало быть, убежище они могут найти и вне Чехо-Словакии. Попытайтесь найти более резкую формулировку пункта договора о не поддержании враждебных нам организаций и постарайтесь скорее подписать договор»³³⁴. В этом же послании Литвинов сообщал о принципиальном решении предоставить амнистию всем участникам — солдатам белогвардейских армий, оформленном декретом ВЦИК, а также о разработке инструкции о порядке проведения амнистии. «Когда первая партия кубанцев явится в Россию в силу амнистии, — писал Литвинов, — можно бу-

³³² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 54. Л. 257.

³³³ Там же. Л. 137.

³³⁴ Там же. Л. 140.

дет из нее выделить делегацию, которая поедет на Балканы убеждать оставшихся товарищей воспользоваться амнистией...»³³⁵.

Чехословацкое общество было расколото в отношении «русского вопроса». Различные социальные группы и политические направления высказывали совершенно разные мнения относительно того, как относиться к советскому правительству и какую позицию должно занимать правительство ЧСР. Особенно эта борьба мнений обострилась в связи с предстоявшей в апреле-мае 1922 г. Генуэзской конференцией, куда британский премьер-министр Ллойд-Джорж пригласил представителей Германии и РСФСР.

Чехословацкое правительство склонялось к тому, чтобы установить экономические отношения с Советской Россией без политического признания. Эта позиция была обусловлена прекращением блокады и политики изоляции России со стороны Франции и Великобритании. В полемике с правыми правительственная печать ЧСР обосновывала необходимость такой политики, ссылаясь на то, что она может привести к постепенной эволюции большевистского режима. Об этом писала проправительственная газета «*Čas*» в номере от 21 марта 1922 г. Она даже оправдывала красный террор, заявляя, что ни один народ не осуществлял великих переворотов без огромных потрясений и развала, без насилий, кровопролития и террора, приводя при этом в пример Гуситское движение и Великую французскую революцию. Но в то же время днем раньше та же газета негодовала по поводу суда над социалистами-революционерами, называя процесс инсценировкой и указывая, что он сильно ослабил надежды на возможность сотрудничества Запада с Советской Россией. Другой официальный орган «*Prager Presse*» постоянно повторял, что большевики не могут править без насилия и террора, а потому нельзя и думать о внутреннем оздоровлении России, пока существует их диктатура. Оздоровление может наступить лишь по устранению их от власти. В номере от 21 марта 1922 г. эта газета писала, что Москва не намерена отказываться от государственной монополии во внешней торговле, а потому торговля с ней невозможна, так как у советского государства нет ни денег, ни кредитов, ни товаров для экспорта, а главное — нет доверия к нему.

³³⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 54. Л. 141.

Из чехословацких дипломатов по «русскому вопросу» высказался бывший заместитель председателя Отделения Чехословацкого национального совета в России, а с марта 1921 г. посол в Варшаве социал-демократ П. Макса³³⁶, заявив, что чехословацкое правительство и общество проникнуты желанием помочь России и вывести ее из тяжелого положения. По его словам, ЧСР не преследует при этом никаких эгоистических целей, а руководствуется лишь симпатией и сочувствием к братскому народу. По мнению Максы, возвращение к старым формам правления в России уже невозможно, а падение большевиков ввергло бы страну в состояние полной анархии. Поэтому Европа, а, следовательно, и ЧСР, должны вступать в деловые сношения с большевиками. Макса также, как бывший премьер-министр, а с марта 1921 г. чехословацкий посол в Берлине социал-демократ В. Тусар³³⁷, занимал достаточно благожелательную позицию в отношении Советской России.

Но были и другие мнения. В связи с предстоявшей Генуэзской конференцией орган клерикалов «Šech» в номере от 17 марта 1922 г. писал: «Нельзя представить себе более гнусного и пресловутого зрелища, нежели то, которое хочет разыграть Ллойд-Джорж в Генуе, призывая большевиков. Пока не будут устранены нынешние иудейские тираны и убийцы русского народа вообще невозможно говорить о спасении России. Действия Ллойд-Джоржа свидетельствуют, что в Лондоне хотят гибели русского народа и опустошения России. Другой задачи нет у Генуэзской конференции»³³⁸. Газета аграриев «Venkov» от 20 марта 1922 г. приветствовала отказ Америки от участия в конференции, указывая, что Америка — единственный противовес германской опасности. А Великобритания, по ее словам, своей лицемерной политикой поддерживала захватнические устремления Германии.

Наиболее серьезную и непримиримую оппозицию политике Э. Бенеша составляли национальные демократы во главе К. Крамаржем. 19 марта 1922 г. в своей речи на публичном собрании в Краповом Градце Крамарж указывал: «Нельзя думать о консолидации

³³⁶ См. о нем подробнее: Diplomacie Československa. Díl. II. Biografický slovník československých diplomatů (1918–1992) / J. Dejmeš, J. Němeček, S. Michálek. Praha, 2013. S. 160–161.

³³⁷ О Тусаре см.: Ibid. S. 250.

³³⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 3.

мира пока везде существует большевизм, поддерживаемый агитацией и деньгами из Москвы. Рынок сбыта нас не спасет, пока наше производство так дорого, что мы не в состоянии конкурировать. России невозможно помочь пока там большевистское правительство. Не засуха, а декреты Ленина виноваты в голоде. Нельзя верить в эволюцию большевизма. Европейские капиталисты, намеревающиеся эксплуатировать Россию пока там большевики, несомненно, на этом прогорят и вызовут к себе ненависть будущей России. Нельзя сесть за один стол с господами, которые за немецкие деньги предали свою родину. Большевики ни в коем случае не будут следовать принципу взаимного невмешательства во внутренние дела. Единственная светлая точка — решительный отказ Америки сесть за один стол с губителями России»³³⁹. Крамарж высказал возмущение тем, что ЧСР поспешила открыть свои границы большевистским миссиям и покровительствует русским эмигрантам-эсерам, напомнив, что именно социалисты-революционеры помогали большевикам разложить фронт. Крамарж доказывал необходимость ориентации на великую Россию (без большевиков) и на славянство.

Хорошо осведомленный в вопросах внешней политики бывший дипломатический представитель ЧСР в Италии, а затем ведущий международный обозреватель газеты «*Národná politika*» Л. Борский опубликовал статью, где писал, что именно «русский вопрос» не дал возможности договориться представителям Малой Антанты и Польши ни в Варшаве, ни в Белграде, ни в Праге. Так как Польша была заинтересована в признании Советов, что явилось бы и признанием Рижского мира, а Румыния нет, так как еще не разрешила Бессарабский вопрос. Не удалось преодолеть разногласий по «русскому вопросу» между Чехословакией и Королевством СХС, и братиславская встреча Э. Бенеша с министром иностранных дел КСХС М. Нинчичем не дала ожидаемых результатов. Хотя в своих высказываниях Нинчич говорил о нейтралитете по отношению к России, официальная белградская газета «Трибуна» в передовице писала: «Мы не признаем большевистского режима ни де-юре, ни де-факто. Мы должны открыто и решительно требовать восстановления законного режима»³⁴⁰.

³³⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 4.

³⁴⁰ Там же. Л. 5.

В то время, как Бенеш называл абстрактной и романтической ориентацию Крамаржа на «славянство», последний весьма скептически относился к реальной силе «средне-европейского блока». Сближение Малой Антанты и Польши тормозилось «русским вопросом», польско-чехословацкими территориальными спорами, а также опасениями как бы Польша не стала полновластной хозяйкой в блоке центральноевропейских стран.

Но и партия Крамаржа не была единой. Орган национал-демократов, брненские «*Lidové Noviny*», 24 марта 1922 г. писал: «Когда Европа, остро нуждающаяся в России, ищет, наконец, путей, чтобы завязать с ней новые сношения, казалось бы, все старые русофилы должны радостно приветствовать делом и советом новое начинание. А происходит прямо противоположное... Но с кем же сесть европейским... деятелям за стол, если они хотят вести переговоры с Россией...? Кто представляет Россию, те ли, кто правит в Москве, или те, кто фланирует по французским бульварам?... Думать, что коммунисты являются узурпаторами, которых русский народ сбросит с себя, ...было грубой ошибкой, ибо с вагоном импортированных агитаторов нельзя провести революцию...»³⁴¹. Далее газета задавалась вопросом, который и сегодня звучит весьма актуально «Возможна ли Россия демократическая?». Ответ был таков: «Многие сознательные люди полагают, что при нынешнем положении вещей ничего кроме диктатуры там невозможно. Пока в России нет ни земледелия, ни промышленности, ни торговли, ни культурной жизни, там, по мнению многих, не может быть демократии».

А так как новая интервенция невозможна, то надо вести переговоры с правительством Ленина, надо работать над обновлением России, необходимо, чтобы большевики стали на реальную платформу и приспособились к мировому общественному и экономическому порядку. Газета, за которой стояли торгово-промышленные круги, заинтересованные в экономических отношениях с Россией, делала вывод: «Европа и Россия нуждаются друг в друге, ...к таким суждениям нас ведут как наши интересы, так и русофильство»³⁴².

Но палитра высказываемых мнений была очень пестрой. Еще один орган крупных чешских промышленников, «*Třibuna*», с одной

³⁴¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 7.

³⁴² Там же.

стороны, признавал необходимость чехословацко-российских экономических связей, а, с другой — доказывал необходимость поставить Советской России в Генуе условием вывод всех красноармейских частей с «нерусских территорий», т.е. из Белоруссии, Украины и с Кавказа, и создание из этих областей кондоминиума под протекторатом Большой и Малой Антанты³⁴³.

Та же газета писала: «Мы должны потребовать от Советского правительства, чтобы оно вознаградило наших граждан за громадные убытки, которые они понесли в России и на Украине во время Гражданской войны»³⁴⁴. А счет за «мнимые» расходы и убытки, связанные с пребыванием чешских легионеров в России, приготовленный советским правительством, называла фантастическим.

Социал-демократическая пресса в своем органе «Právo lidu» обвиняла Советскую Россию в росте милитаризма, протестовала против процесса над эсерами. Социал-демократ Р. Бехине призывал к дружественному союзу с русской эмиграцией, а сенатор Ф. Соуп, заявил, что партия выступает за признание советского правительства, так как считает, что это признание «вгонит его в гроб»³⁴⁵. ЦК социал-демократической партии, также как вождь национальных социалистов В. Клофач, подали Бенешу 18 марта 1922 г. меморандум с протестом против тенденциозного процесса над социалистами-революционерами и требованием предпринять против него дипломатические шаги. В мартовском номере социал-демократического ежемесячника «Academia» И. Сикора выразил тревогу в связи с участием России в Генуэзской конференции, так как, первое, трибуна конференции могла быть использована как политическая пропаганда и, второе, Россия могла потерпеть «генеральное поражение», так как режим, по его словам, не выдержит проникновения западно-европейского влияния³⁴⁶.

Газета национальных социалистов «České slovo» 27 марта 1922 г. заявляла, что Чехословакия из гуманитарных и экономических соображений и под давлением стагнации и безработицы должна искать

³⁴³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 8.

³⁴⁴ Там же. Л. 9.

³⁴⁵ Там же. Л. 10.

³⁴⁶ Там же.

рынок сбыта в России. Поэтому она отвергала политику интервенции и изоляции³⁴⁷.

Коммунистическая печать обвиняла чехословацкое правительство в антисоветской политике и в том, что оно руководствуется не национальными интересами, а интересами Франции³⁴⁸.

Такой разброс мнений в отношении Советской России, без сомнения, был вызван противоречивостью сведений, получаемых о Советской России, полным фиаско всех представлений о дальнейшем ходе русской революции, безрадостным состоянием чехословацкой промышленности, отсутствием четкой правительственной линии по вопросу о признании советов, а также быстрой сменой отношения к России на Западе, в том числе во Франции, где в самом правительстве имелись существенные разногласия по «русскому вопросу», и даже одни и те же политики проявляли в этом отношении завидное непостоянство. Поэтому отдел печати советского торгового представительства, отслеживая чехословацкую печать, делал вывод о полной «растерянности и дезорганизованности в „русском вопросе”» и называл чехословацкую прессу «парламентом мнений»³⁴⁹.

17 мая 1922 г. Торговая делегация РСФСР в Чехословакии направила в Министерство иностранных дел ЧСР ноту, в которой говорилось, что помощь, оказываемая чехословацким правительством русским эмигрантам, крайне затрудняет работу по проведению амнистии и возвращению русских эмигрантов на родину и даже делает «продолжение такой работы совершенно невозможным». В ноте подчеркивалось, что «существующие в Чехословацкой республике на средства чехословацкого правительства организации помощи эмигрантам представляют собою в действительности политический союз чехословацкого правительства и отдельных кругов чехословацкой общественности с небольшими группами русских партийных деятелей, преимущественно эсеровского толка... группа этих политических дельцов, благодаря своим связям с чехословацким правительством и денежной поддержке от него, имеет возможность подавлять остальную массу эмиграции, ничего общего с этими людьми

³⁴⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. Папка 102. Д. 15. Л. 11.

³⁴⁸ Там же. Л. 13.

³⁴⁹ Там же. Л. 14.

ми не имеющую и по большей части относящуюся к ним враждебно»³⁵⁰. Особой критике подвергся Пражский Земгор как «боевая» организация эсеров. При этом в ноте приводился пример увольнения его работника А.А. Попова лишь за высказывание о нецелесообразности антисоветской борьбы и призыв вернуться на родину для положительной работы. В ноте отмечались репрессии в отношении пожелавших вернуться на родину лиц, содержалось требование представления лагеря для амнистированных и подлежащих репатриации эмигрантов³⁵¹.

5 апреля 1922 г. Г.В. Чичерин в интервью корреспонденту газеты «Prager Tageblatt» признавался, что эмигрантский вопрос является одной из основных причин, почему никак не удастся «прийти с чехословацким правительством к каким-либо положительным или экономическим соглашениям»³⁵².

Президент Т.Г. Массарик в письме председателю правительства и министру иностранных дел Э. Бенешу 24 апреля 1922 г. высказался категорически против признания Советской России де-юре, но поддержал заключение торгового договора³⁵³.

Временный договор, означавший признание Советской России де-факто, был все-таки подписан 5 июня 1922 г. Статья 1-я договора признавала каждое из представительств единственным представительством надлежавшего государства в другой стране, а в примечании к этой статье говорилось, что оба правительства обязуются «прекратить всякие официальные сношения с разного рода учреждениями и представительствами организаций и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны»³⁵⁴. Однако временный договор далеко не сразу был ратифицирован чехословацкой стороной³⁵⁵.

В декабре 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик. Отношения Мостовенко с Бенешем не сложились,

³⁵⁰ ДМИСЧО. Т. 1. С. 496–497.

³⁵¹ Там же. С. 498.

³⁵² Там же. С. 491.

³⁵³ Там же. С. 494–495.

³⁵⁴ Там же. С. 507.

³⁵⁵ См. письма Мостовенко и Юренева М.М. Литвинову от 28 декабря 1922 г., 5 января 1923 г. и 21 апреля 1923 г. — АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 4–9; 119–121; 261.

и пользуясь новой ситуацией — возникновением СССР — в марте 1923 г. в ЧСР был направлен новый представитель — К.К. Юренев. По этому поводу беспартийная газета «Трибуна» (редактор Пероутка) 4 марта писала: «Утверждают, что новый представитель советов в Праге, Юренев, принадлежит к тому направлению, которое отстаивает НЭП и стремится к экономическому сближению с Европой. Россия считает Чехословакию единственным консолидированным государством в средней Европе и намерена вести по отношению к нам политику сближения. Признавая эти добрые намерения, мы должны оставить за собой право скепсиса. Но тем не менее было бы ошибкой, если бы мы в результате такового заняли бы отрицательную позицию по отношению к эвентуальным попыткам экономических сношений между обоими государствами»³⁵⁶. По поводу отъезда П.Н. Мостовенко Юренев 17 марта записал в своем дневнике: «Его двухгодичное пребывание здесь — это несомненно „темное пятно на светлой революционной совести Наркоминдела”»³⁵⁷. 4 апреля 1923 г. Юренев сообщал в НКВД о своей беседе с Бенешем, во время которой тот заявил, что отвергает славянофильскую романтику, не хочет строить на ней политику, а вопрос о признании России и установления нормальных дипломатических отношений может решиться только после признания России Европой, так как Чехословакия зависима от Антанты в финансовом и ряде других вопросов. Бенеш признался, что и внутреннее положение не способствует тому, чтобы ставить вопрос о признании России де-юре, что, как министр коалиционного правительства, он вынужден лавировать между левыми и правыми. При этом глава внешнеполитического ведомства ЧСР заявил: «Конкретные наши интересы в России в данный момент невелики»³⁵⁸. В другом апрельском письме М.М. Литвинову Юренев указывал, что Бенеш вообще ориентируется не на Восток, а на Запад. За признание России выступали КПЧ, немецкая социал-демократия и партия независимых чешских социалистов. Против признания были национальные демократы и социал-демократы. В конце письма Юренев делал вывод о том,

³⁵⁶ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 159.

³⁵⁷ Там же. Л. 168.

³⁵⁸ Там же. Л. 201.

что «форсирование вопроса о признании де-юре, не суля никаких реальных положительных результатов, лишь скомпрометировало бы нас в ЧСР и за ее пределами»³⁵⁹. В середине мая Юренев писал Г.В. Чичерину: «ЧСР никогда не выступит против нас с оружием в руках. Это исключено. Но общая тенденция отношений ЧСР к нам пока что остается недвусмысленно враждебной. Против сближения ЧСР с нами выступает Малая Антанта и Франция, а внутри страны национальные демократы, клерикалы и аграрии. Чешские социал-демократы тоже наши враги. Но Гамбургский социалистический конгресс принял резолюцию, обязывающую социалистические партии всех государств добиваться признания России де-юре»³⁶⁰.

7 сентября 1923 г. Юренев в письме Чичерину подробно останавливался на отношении к Советской России Т.Г. Масарика. Он приводил неоднократные высказывания Масарика о том, что Чехословакия нуждается в сильной, объединенной, федеративной, но демократической России. Летом 1920 г., когда Красная армия наступала на Варшаву, Масарик в беседе с Гиллерсоном впервые высказался за необходимость сближения двух стран, заявляя, что ЧСР тяготеет к французскому влиянию, и при этом добавил, что чехословацкое правительство готово уступить России Прикарпатскую Русь. Но после поражения Красной армии Масарик в 1921 г. в газете «*Čas*» резко отрицательно выступил против Советской России, заявив, что большевистская диктатура — «не диктатура пролетариата, а диктатура над пролетариатом»³⁶¹. Переход к НЭПу Масарик расценил как положительную эволюцию режима. «Более оптимистически расценивая наше будущее, нежели Бенеш, — писал Юренев, — Масарик не является активным поборником сближения Чехословакии с нами»³⁶².

12 сентября Юренев получил ноту чехословацкого правительства, в которой образование СССР принималось к сведению и сообщалось о назначении Гирсы Полномочным представителем Чехословакии при его правительстве. Юренев сообщал, что нота

³⁵⁹ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 218.

³⁶⁰ Там же. Л. 354.

³⁶¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 5784а. Оп. 1. Д. 78. Л. 57об.

³⁶² АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 530.

составлена в «очень лояльных, дружественных выражениях» и делал вывод о том, что «ЧСР „признало” нас без склоки»³⁶³.

В своем дневнике 2 октября 1923 г. К.К. Юренев подробно охарактеризовал состояние советско-чехословацких отношений. После разговора с председателем клуба социалистического объединения И. Врбенским Юренев сообщал в Москву об уверенности Бенеша в том, что в скором времени во Франции и Англии произойдет сдвиг влево, и они признают СССР. Чехословакия, по мнению Бенеша, тоже заинтересована в признании, но как малое государство не может опережать события, а должна ориентироваться на западные государства. По словам Врбенского, точка зрения Бенеша «несколько односторонняя», на события в России он смотрел глазами Антанты, расходился с Масариком в оценке русского вопроса, недооценивал его и был «чрезмерно пессимистичен» в отношении к Советской России³⁶⁴. Бенеш лично мог пойти на установление лояльных отношений с Россией, но в правительственной коалиции на вопрос о признании Советов сильное давление оказывали национальные демократы. К тому же даже в своей партии (национальных социалистов) Бенеш не имел по вопросу о признании СССР однозначной поддержки³⁶⁵. Юренев указывал, что враждебную позицию по отношению к Советской России занимали также аграрии и социал-демократы. Первые — из опасений, что коммунисты «отнимут у них мелких землевладельцев», вторые — из-за борьбы с коммунистами. Из социал-демократов наиболее резкую антисоветскую позицию занимали Р. Бехине и Ф. Соукуп. Но позиции аграриев и социал-демократов в отношении СССР не являлись вопросом принципиального характера. По словам Юренева, на формирование советско-чехословацких отношений влияли и прежние недоразумения. Три советских представителя в Чехословацкой республике представляли собой три этапа взаимоотношений. Относительно Гиллерсона чехословацкое правительство прекрасно знало, что он интенсивно вмешивался во внутренние дела Чехословакии и принимал активное участие в политике чехословацких коммунистов, что не могло содействовать упорядочению двусторонних отношений. О Мостовенко Юренев

³⁶³ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 542.

³⁶⁴ Там же. Л. 616–617.

³⁶⁵ Там же. Л. 618.

писал, что тот приехал с наилучшими намерениями, но из-за неблагоприятных условий его отношения с чехословацкими политиками окончательно испортились. Третий этап (то есть свою деятельность) Юренев обозначал как «установление гладких отношений», хотя и признавал, что следы недоверия все еще сохраняются.

По его словам, Бенеша особенно раздражало и заставляло быть сдержанным в политике по отношению к Советской России непостоянство ее внешней политики, которая то «ставила на германскую революцию, то отказывалась от этой ставки». Юренев приводил слова Бенеша: «Я готов делать политику с Советами, но для того, чтобы делать политику надо делать ее с кем-то, но я не знаю, с кем эту политику делать, ввиду крайней неопределенности и ненадежности тех факторов, с которыми имеешь дело, приходится строить на песке, а когда строишь на песке, то приходится ежеминутно заново зондировать условия, и это чрезвычайно затрудняет работу»³⁶⁶.

Юренев честно признавался, что и чешские коммунисты осложняли дело российско-чехословацкого сближения: долгое время они своей пропагандой «разрушали представление о том, что Россия — это государство, с которым можно делать политику и вести торговлю, они, напротив, всячески старались уверить, что Россия — это, прежде всего, революционная сила, которая зажжет пожар мировой революции, и это, конечно, у буржуазных кругов окончательно отбивало охоту вступать с нею в сношения»³⁶⁷.

В конце сентября 1923 г. вопрос о советско-чехословацких отношениях вновь стал предметом общественных дискуссий. Связано это было с вручением Юреневым Гирсе верительных грамот как представителя СССР. Чехословацкое правительство вынуждено было объяснить, что причиной формальному аккредитованию представителей ЧСР и СССР у соответствующих правительств явилось изменение советской Конституции. Одновременно официальный орган Мининдела ЧСР перепечатал без комментариев статью П.Н. Милюкова «О признании большевиков», в которой говорилось дословно следующее: «Мы боремся всеми силами против признания, полагая, что признание Совпра иностранцами является вопросом,

³⁶⁶ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 619.

³⁶⁷ Там же.

близко касающимся нас, а не только их... Мы не устаем доказывать, что признание большевиков вредно для России»³⁶⁸. «Národní Listy» также высказались по этому поводу: «Признание Советского правительства было бы несчастьем для Европы и для русского народа. Каждое европейское государство, которое признает Совпра де-юре, прервет тем самым связь с оппозицией в Совроссии и с русской политической эмиграцией, а в случае крушения Совпра должны ждать ослабления симпатии со стороны свободного русского общественного мнения, и даже враждебность»³⁶⁹.

Несмотря на постоянный нажим из Москвы, Юренев в 1923 г. повторял, что условий для сближения нет, что в коалиционном правительстве нет ни одной партии, которая поддержала бы эту идею. В парламенте вопрос признания поддержали бы только коммунисты, «социалистическое объединение» Врбенского и Бродецкого и, возможно, немецкие социал-демократы. Поэтому форсирование этого вопроса могло бы дать лишь противоположные желательным результаты и принесло бы вред, так как было бы истолковано, как слабость³⁷⁰. Он подчеркивал, что «чешско-русское сближение — это болезненный и довольно длительный процесс»³⁷¹.

Советским представителям в ЧСР удалось добиться официального признания СССР де-юре со стороны Чехословакии лишь спустя 11 лет, 9 июня в 1934 г.³⁷², и это было во многом связано с изменением международной обстановки, опасностью, нависшей над ЧСР со стороны Германии, где в 1933 г. к власти пришел А. Гитлер.

Е.П. Сератионова
(Москва)

³⁶⁸ АВП РФ. Ф.0138. Оп. 4. Д. 8. Папка 102а. Л. 563.

³⁶⁹ Там же. Л. 564.

³⁷⁰ Там же. Л. 560.

³⁷¹ Там же. Л. 564.

³⁷² ДМИСЧО. Т. 2. С. 593–594.

Новые архивные документы, касающиеся современных чешско-российских отношений, в Национальном архиве в Праге

В Национальном архиве³⁷³ в Праге хранятся основополагающие документы Чешского и Чехословацкого государств — от древних (к ним, в первую очередь, принадлежат грамоты чешских правителей) до новейших (например, документов сегодняшнего правительства, министерств и прочих центральных органов). Наряду с документами государственного происхождения и документами самоуправления бывших Чешских земель интересующиеся найдут здесь также архивы политических партий и организаций, обществ и других гражданских объединений, церквей и религиозных обществ, некоторых предприятий, финансовых учреждений, культурных институций, благотворительных организаций, и не в последнюю очередь также личные фонды и семейные архивы. Богаты также собрания коллекций, как например, коллекция карт и планов, коллекция плакатов или активно используемые коллекции газетных вырезок.

Тема чешско-российских отношений принадлежит к темам, всегда привлекавшим исследователей. В настоящее время преобладает интерес к чехословацко-советским отношениям после 1918 г. и особенно после 1945 г. Этот интерес связан со стремлением проанализировать феномен коммунизма, который был общей долей наших стран в течение четырех десятилетий. Объектом исследования являются не только двусторонние отношения обеих стран, но и влияние международных факторов на разные области общественной жизни и на частную жизнь их рядовых граждан. Целью настоящей работы является информирование о некоторых архивных фондах, которые после 1989 г. могут использовать исследователи в Национальном архиве.

³⁷³ Название до 2004 года — Государственный центральный архив в Праге (Státní ústřední archiv v Praze).

В первую очередь следует упомянуть документы Центрального комитета КПЧ, которые были переданы Национальному архиву в середине 1990-х гг. и которые практически сразу же стали доступны исследователям. Документы президиума, секретариата, отдельных комиссий и отделов ЦК КПЧ, как и документы партийных научных институтов и Высшей политической школы в Праге, имеют принципиальное значение для истории чехословацко-советских отношений. Национальный архив после 1989 г. также постепенно принимал документы правительства, министерств и других центральных органов социалистической Чехословакии. Также некоторые достойные внимания документы удалось обнаружить при упорядочении фондов, которые попали в архив еще до 1989 г. Так, например, была найдена ранее не известная картотека Русского заграничного исторического архива, которая была создана в архиве МВД в годы Второй мировой войны и которая отражает состояние указанного архива незадолго до его передачи в Советский Союз.

В нашей работе мы хотели бы обратить внимание исследователей, в первую очередь, на архивные документы, приобретенные аквизиционной деятельностью на основе договоров между собственниками или держателями документов, с одной стороны, и Национальным архивом, с другой. Наверное, не будет нескромным упомянуть, что в последние годы Национальный архив в этом отношении достиг исключительных успехов. Это связано, конечно же, и с тем, что в 1996 г. было создано специальное отделение, которое работает с частными лицами и обслуживает фонды негосударственного происхождения и архивные коллекции.

В первую очередь необходимо упомянуть архивные документы, рассказывающие о представителях эмиграции из России после 1917 г. Еще до 1989 г. в ведении Национального архива находились официальные документы, свидетельствующие о том, какую помощь со стороны чехословацкого государства получали эмигранты из России (речь, прежде всего, о материалах Русской акции помощи, проведение которой обеспечивало в межвоенный период Министерство иностранных дел), а также архивы некоторых русских и украинских организаций в Чехословакии (например, Комитета по предоставлению образования русским и украинским студентам или Украинского музея). В начале нашего столетия нам удалось получить

несколько личных фондов членов партии социалистов-революционеров, которые в межвоенный период обрели второй дом в нашей республике.

Сегодня в Национальном архиве исследователи могут изучать рукопись воспоминаний и корреспонденцию Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской, знаменитой «бабушки революции» также, как и документы других эсеров, которые поддерживали переписку, например, с бывшим председателем правительства Александром Керенским. Конкретно речь идет о личных архивах Семена Николаевича Николаева³⁷⁴, Василия Гавриловича Архангельского, Бориса Николаевича Рабиновича, Егора Егоровича Лазарева и других лиц. Представляют ценность и документы Гали Валной, касающиеся жизни эмиграции из России. Также нам удалось получить части архивной документации членов других политических групп и обществ русской эмиграции, так, например, большое наследие члена балетной труппы Национального театра в Праге Дмитрия Дмитриевича Григоровича-Барского. Установлению контактов с семьями потомков эмиграции из России нашему архиву помогло общественное объединение «Комитет “Они были первыми”» (и прежде всего, Анастасия Копрживова), которое затем начало нам передавать и собственный архив, и личный архив своего председателя, известного журналиста Владимира Быстрова.

После 1989 г. наибольшая опасность угрожала документации международных организаций, центры которых располагались в Праге. К сожалению, нам до сих пор не удавалось выяснить судьбу архивов Международной организации журналистов (1947–), Международного союза студентов (1946–), Всемирной федерации профсоюзов (1945–) и Международного издательства «Мир и социализм» (1958–1992). В 2011 г. мы обратились за помощью в поисках в Федеральное архивное агентство Российской Федерации.

По нашему мнению, опасность также угрожала и архивам бывших массовых общественных организаций, входивших в Национальный фронт, которые после 1989 г. в основном утратили свое значение. Наши усилия по сохранению документов не всегда были успешны. Например, неизвестно, куда исчезли архивы центральных органов

³⁷⁴ См.: *Machatková R. Osobní archiv Semjona Nikolajeviče Nikolajeva. Paginae historiae 17. 2009. S. 299–303.*

Союза чехословацко-советской дружбы. Однако мы получили ценные документы Социалистического союза молодежи, Чехословацкого союза журналистов, Чехословацкого союза женщин, Чехословацкого комитета мира и других организаций, свидетельствующие об отношениях с партнерскими организациями в Советском Союзе и их совместных действиях на международной арене. Особенно важно обратить внимание на архив Союза борцов против фашизма, в котором собрана документация, например, о действиях чехословацких воинских частей в СССР во время Второй мировой войны. В Национальный архив также попадают архивы современных общественных объединений, некоторые из них касаются разных аспектов чешско-российских или чехословацко-советских отношений. Так, например, в фонде Конфедерации политических узников хранятся списки лиц, вывезенных после 1945 г. в Советский Союз.

Кроме всего прочего, следует также упомянуть личные фонды выдающихся деятелей, которые нам недавно удалось обнаружить³⁷⁵, и в которых находятся интересные документы, касающиеся истории России и Советского Союза. Например, в личном фонде Зденека Млинаржа можно найти документы, свидетельствующие о его контактах с Михаилом Горбачевым, в личном фонде Честмира Цисаржа находится корреспонденция с советскими учеными и деятелями искусства. В личном фонде Франтишека Яноуха можно найти корреспонденцию и другие документы, касающиеся его контактов с академиком Андреем Сахаровым. В контексте изучения чехословацко-советских связей имеет значение также наследие еще одного представителя Пражской весны Франтишека Кригела. Наследие Ивана Игнатия Паркания возвращает нас в канун Второй мировой войны, в нем содержатся некоторые интересные документы губернатора и министра Подкарпатской Руси. Исследователей заинтересуют и бумаги Романа Домбчевского, касающиеся Главной рады Украины в 1920–1925 гг.; корреспонденция советского кооператива «Рефлектор» в фонде Феликса Сватека либо документы о деятельности Общества чехов и словаков в России в 1914–1920 гг.

³⁷⁵ Об общей стратегии комплектации в случае документов личного происхождения см.: K celkové strategii akviziční činnosti u archiválií osobní proveniencie srv. Jiří Křest'an Získávání osobních archivů // Archivní časopis 51. 2001. Č. 3. S. 153–175.

Национальный архив будет и в дальнейшем предпринимать усилия по получению документов, касающихся чешско-российских связей, и предоставлять исследователям доступ к ним. По сути, все фонды, упомянутые в данном сообщении, доступны для исследователей без каких-либо ограничений, что, естественно, касается и исследователей из Российской Федерации. Нам отрадно, что есть и российские архивисты, которые учитывают потребности чешских историков и архивистов, что и в России имеются архивы, как, например, Архив Российской академии наук или Государственный архив Российской Федерации, которые стараются путем усовершенствования информационной системы и других услуг идти навстречу интересам наших исследований.

*Йиржи Кржестян, Ян Кагуда, Ленка Клочкова
(Прага)*

*Перевод с чешского
М.Ю. Дронова*

Конец Первой мировой и видоизменения творческих ориентиров в литературах западных и южных славян

11 ноября 1918 г. Германия прекратила военные действия, и окончилась Первая мировая война, повлиявшая на ход мировой истории и открывшая ее новый этап. Изменилась не только карта Европы, где с распадом вековых империй исчезли одни и появились другие границы новых государств, изменилось мироощущение людей — участников, современников и потомков Первой мировой, что отразилось и на облике славянских литератур. В данной работе из их комплекса отобраны литературы западных и южных славян, развивавшиеся после войны более свободно, чем литературы восточных славян, испытывавших после Октябрьской революции и установления на их территориях советских порядков ужесточавшееся давление государственной власти, партийных установок и директив, мешавших спонтанному развитию культуры.

Творческие ориентиры в литературах западных и южных славян после окончания Первой мировой войны, т.е. направление и характер их развития зависел от целого ряда факторов. От новых условий существования народов, которые наконец-то обрели свою государственность, от накопленного творческого и жизненного опыта, в том числе и полученного в годы войны, а также от персоналий, личностей писателей, задействованных в национальном литературном процессе. Скажем сразу, что при разных установившихся в странах южных и западных славян режимах, при разной степени их демократичности, период с окончания Первой мировой войны до начала Второй мировой — был одним из самых благополучных, а может быть, и самым благополучным в их истории.

Порой высказываются мнения о том, что подданным империи Габсбургов совсем неплохо жилось под их владычеством. Разумеется, она не была «тюрьмой народов», как аттестовал ее Фридрих

Энгельс, иначе бы там не возшло и не расцвело творчество целого ряда выдающихся славянских классиков.

Да и члены императорской семьи были людьми образованными, воспитанными на идеях эпохи Просвещения. Некоторые из Габсбургов даже пользовались популярностью у своих подданных, как, к примеру, супруга Франца-Иосифа, императрица Елизавета (Сиси, как звали ее в семье), убитая в 1898 г. итальянским анархистом на набережной Женевского озера, где через сто лет установили ей памятник в виде изящного женского бюста.

Однако, при разных периодах истории Габсбургской империи, мягких и более жестких режимах (при Баховской реакции после поражения революции 1848 г.) большинство ее подданных тяготилось своим подневольным положением, мечтая о независимости. Неслучайно Марина Цветаева в стихотворении «Сентябрь» (1938, из цикла «Стихов к Чехии») назвала время до и после распада этой империи — «триста лет неволи, двадцать лет свободы». Под «свободой» подразумевался период с образования независимой Чехословакии (октябрь 1918), продлившийся до Мюнхенского соглашения (30 сентября 1938 г.) между Даладье, Чемберленом Муссолини и Гитлером, отобравшем у республики пограничные территории, развязав тем самым руки фашистскому агрессору для ее раздела и оккупации. Прославленный же летописец XIX в. чешской истории, Алоис Ирасек, назвал столетия габсбургского владычества периодом «Темна», «Тьмы», что отражало, правда, не столько объективное состояние империи, сколько ее субъективное восприятие подданными, как темное пятно в их судьбе.

Обретение славянами своей государственности освобождало писателей от бремени патриотической (порой ура-патриотической) ангажированности, позволяло от педалирования мечты о национальной свободе обратиться к самому широкому кругу проблем, добиваясь полноты самовыражения и повышения эстетического уровня своего творчества. Нельзя не учесть разнонаправленность писательских интересов, зависящих не только от типа личности художника, но и от его политических взглядов в условиях социального расслоения национального коллектива, углубившегося под влиянием идей Октября 1917 г. Но при этом можно выявить и связующие славянские литературные тенденции, некие объединяющие

разноликих творцов ориентир, повлиявшие на проблематику и структуру литературного процесса.

Потрясения и впечатления от Первой мировой рожают серию разножанровых произведений. Ими богата чешская литература, откликнувшаяся на Первую мировую гениальной сатирой Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (1921–1923), пережившей своего автора и свое время, романами Владислава Ванчуры «Поля пахоты и войны» (1925), Карела Конрада «Отбой!» (1934), творчеством Франи Шрамека, Индржиха Горжейшего, произведениями чешских и словацких легионеров Рудольфа Медека, Йозефа Копты, Ярослава Крадохвила, Франтишка Лангера, Янко Есенского, поданных Австро-Венгерской империи, сдавшихся в русский плен, чтобы повернуть оружие против своих вековых угнетателей.

Мило Урбан пишет первый словацкий антивоенный роман «Живой бич» (1927), где представлена «тыловая изнанка войны», «втягивание неприметной словацкой деревни в круговорот страданий и смерти»³⁷⁶. Цикл новелл «Хорватский бог Марс» (1922, 1946), связанных с войной, создает ее участник, хорват Мирослава Крлежа, показавший войну «как безысходное народное бедствие, цепь нечеловеческих страданий и унижений». В фашистской Хорватии «за чтение "Хорватского бога Марса" грозил концлагерь»³⁷⁷.

Словенцы откликаются на войну сборником рассказов Ивана Цанкара «Образы из сновидений» (1917), написанных «под впечатлением трагических событий войны и в предчувствии собственной смерти» в 1918 г. Война означает для Цанкара «смерть коллектива, народа, человечества»³⁷⁸.

Более сложную картину Первой мировой создавало творчество польских писателей, воевавших по разные линии фронта. В австрийской армии служили Владислав Броневский, Юлиуш Каден-Барановский, Анджей Струг и др. В русской — Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций). Наиболее непосредственные отклики на Первую мировую прозвучали в ретроспективном взгляде на нее Юлиана

³⁷⁶ Богданов Ю. Первый антивоенный словацкий роман // Первая мировая война в литературе и культуре западных и юных славян. Тезисы международной научной конференции 25–27 ноября 2003. М., 2003. С. 7.

³⁷⁷ Ильина Г.Я. «Хорватский бог Марс» // Там же. С. 22.

³⁷⁸ Jensterle-Doležalová A. // Там же. С. 24–25.

Стрыйковского (1905–1996) в романе «Корчма» (1966), действие которого происходит в ее первые дни в Галиции, в месте «встречи и драматической борьбы цивилизации с варварством»³⁷⁹. Под «варварством» подразумевалось наступление русских войск.

Первая мировая война нашла отражение в дневниках и творчестве Зофьи Налковской. Ей она посвятила рассказы сборника «Тайны крови» (1917), роман «Граф Эмиль», драму «День его возвращения» (1931) и т.д., связывая военную тематику с деятельностью легионов Пилсудского и его борьбой за независимость Польши. При этом Налковская осуждала войну, не разделяя взглядов на нее «как на героическое деяние, которое может привести Польшу к свободе»³⁸⁰.

В особой ситуации оказывается и литература Болгарии, воевавшей на стороне австро-германского блока. Отношение к Первой мировой ряда крупных болгарских писателей было достаточно противоречивым. Ура-патриотическими настроениями и ненавистью к противоборствующей стороне (румынам, сербам, русским) отличалось творчество Антона Страшимирова³⁸¹. Иван Вазов же пережил эволюцию, перейдя от патриотического угара к трезвому взгляду на вещи. Воспев в начале войны героизм болгарских воинов, он через два года перешел к отражениям ее ужасов (стихотворения «Вздохи», «Кошмар» и др.), отрекаясь от прежних «бранных песен» и противопоставляя «силам войны, приведшим Болгарию к катастрофе, силы труда»³⁸². (Более развернутые представления об отношении к Первой мировой войне славянских писателей можно получить из сборника «Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян», указанного в сноске 379.)

Примечательно, что при разности восприятия Первой мировой большинство писательских отзывов о ней несет в себе явную или скрытую энергию антивоенного протеста, не разделяя мажорного пафоса произведений XIX столетия о справедливых войнах и дви-

³⁷⁹ Мочалова В.В. Время и вечность войны: галицийская перспектива // Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 148.

³⁸⁰ Мусиенко С.Ф. Первая мировая война в дневнике и творчестве З. Налковской // Тезисы... С. 48.

³⁸¹ Калиганов И.И. Первая мировая война и «неровное» творчество А. Страшимирова (1910–1920-х) гг. // Тезисы... С. 26.

³⁸² Смольянинова М.Г. И. Вазов о Первой мировой войне // Тезисы... С. 62.

жениях славян. Вспомним героические эпопеи Генриха Сенкевича и Алоиса Ирасека. В «Трилогии» польского классика — романах «Огнем и мечом» (1884), «Потоп» (1886), «Пан Володыевский» (1888) речь идет о борьбе шляхетской Речи Посполитой с восставшей Украиной времен Богдана Хмельницкого, о войне поляков со шведской интервенцией и турецким нашествием XVII века³⁸³. В исторических трилогиях Алоиса Ирасека: «Между течениями» («Два двора» — 1887, «Сын факельщика» — 1888, «За три голоса» — 1890) и «Против всех» («Скончание века», «Крестовый поход», «Божьи воины», 1893) отражены движения гуситов против германского императора, католического Рима и корыстного духовенства, борьба Жижки против крестовых походов «всей европейской феодальной реакции»³⁸⁴.

Ни за отражением вышеупомянутых событий, ни за Отечественной войной 1812 г., ни за русско-турецкой войной 1878–1879 гг. не потянулся шлейф пацифизма. Дегероизируя военную тематику, он потянулся за Первой мировой, возможно потому, что она не имела столь весомых исторических оправданий, как войны во имя освобождения или защиты своего народа, не преследовала столь высоких целей и не имела таких вдохновителей, как наполеоновские войны. Неслучайно В. Ванчура в своем романе «Поля пахоты и войны» (1925) изрек: «ни в одной из армий не было Наполеона, который хоть немного одухотворил бы эту бойню»³⁸⁵. А чешский поэт И. Горжейший никак не мог забыть русского солдата, в которого он когда-то вонзил свой штык:

*У него были алые губы, голубые глаза
И лицо, белое, как мел...
(«Монолог бывшего пехотинца»,
сб. «Музыка на площади», 1921)*

Героические мотивы порой возникали в творчестве чешских легионеров, в их откликах на битву у Зборова 2 июля 1917 г., когда

³⁸³ Горский И.К. Польская литература 50-х — 80-х годов XIX века // История литератур западных и южных славян. Том второй. М., 1997. С. 390.

³⁸⁴ Никольский С.В. Чешская литература 50-х — 80-х годов XIX века // Там же. С. 434.

³⁸⁵ Будагова Л.Н. К литературоведческой рефлексии Первой мировой войны // Первая мировая война в литературах западных и южных славян. С. 18.

они лицом к лицу встретились с австрийцами и германцами, одержав над ними убедительную победу, или когда воспевали своего любимого командира, полковника Йозефа Швеца, чешского учителя физкультуры из Екатеринодара (ныне Краснодар)³⁸⁶.

В стороне от превращения военной темы в тему антивоенную, от девальвации, размывания образа врага не остались и западные писатели, достаточно вспомнить творчество Анри Барбюса и Эриха М. Ремарка. В романах Барбюса «Огонь» (1916) и Э.М. Ремарка «На западном фронте без перемен» (1929) показано, что солдаты противоборствующих сторон не испытывали ненависти друг к другу, обвиняя в своих бедствиях рок или сильных мира сего, втянувших народы в кровавую бойню.

Первую мировую войну не героизировали. Ею ужасались и ее высмеивали.

В послевоенный период память о войне прошедшей преобразуется в предостережения против войны новой.

*Staré rány, jež hojili bez léku,
nezacelily se dosud
a nová válka proti člověku
nese ještě strašlivější osud.*

(V. Závada. Oslava míru, sb. Siréna, 1932)

*Старые раны еще не залечены
Бальзамами их не мазали
А уже новая война грозит человечеству.
Пострашней, чем атака газовая*

(В. Завада. Здравница миру, сб. «Сирена», 1932)

«Дюссельдорфский убийца — ангел по сравнению с дипломатом, приказавшим летчику взлетать в небеса с бомбой», — напишет Незвал в те же 30-е годы.

Несмотря на уже ощутимую дезинтеграцию славянского мира и специфичность условий, в которых развивалась каждая литература, в них прослеживаются сходные процессы.

³⁸⁶ Langer F. Legionářské prózy. Spisy 2. Praha, 2003. S. 211, 268, 274, 284, 398, 401, 431.

Помимо расширения их проблемно-тематического диапазона из-за акцентирования военной и антивоенной тематики, происходит дифференциация литературного процесса в каждой стране, что, по мнению словацкого теоретика Диониса Дюришина, является одним из признаков зрелости, развитости литературного творчества.

В начале 1920-х гг. складываются революционно-пролетарские направления, позднее осознавшие себя как литература социалистического реализма, социального реализма, нового реализма. С ними в разные периоды творчества, а то и пожизненно были связаны многие крупные писатели: поляки В. Броневский, Л. Кручковский, чехи И. Волькер, С.К. Нейман, М. Майерова, И. Ольбрахт, словаки Л. Новомеский, Я.Р. Поницан, хорваты М. Крлежа, А. Цесарец, словенцы С. Косовел, М. Кранец, сербы Р. Зонович, Б. Чопич, болгары Х. Смирненский, Г. Милев, македонцы К. Рацин, К. Неделковский и т.д., и т.п.

Их возникновение предопределяли разочарования в послевоенной действительности, в буржуазном мироустройстве, которое скомпрометировали Первая мировая война и послевоенная разруха, что усиливало левый фланг культуры. Не последнюю роль сыграло и стремление нонконформистских общественных слоев продолжить борьбу за высокие цели, за освобождение своего народа теперь уже не от национального, а социального угнетения, от власти не иноземных правителей, а капитала.

Революционно-пролетарская литература опиралась на традиции реализма и романтизма, стремясь к обновлению проблемно-тематической сферы искусства в духе марксистской идеологии, набравшей популярность после победы Октября 1917 г. и образования во многих странах Коммунистических партий. Особенность зарубежного соцреализма с его литературными корнями и предтечами по сравнению с советским, провозглашенным с трибуны Первого съезда советских писателей (1934 г.), в том, что он возникал по зову души, не навязывался сверху и его сторонники приходили к нему и уходили добровольно (как, например, плеяда чешских писателей 1920–1930-х гг.: Я. Сейферт, Й. Гора, И. Горжейший). Советские же писатели были фактически приговорены к этому методу, правда, умея виртуозно обходить его догмы, если их талант был сильнее их идеологии (автор «Тихого Дона», но не «Поднятой целины», В. Ка-

верин, М. Пришвин, Б. Житков, К. Паустовский, список можно продолжить).

Вместе с тем в литературах западных и южных славян растет потребность более радикальных, чем это было у пролетарских писателей, вмешательств в искусство, ради поисков образов и ритмов, адекватных стремительно меняющейся картине мира. Появляется почва для формирования авангардных течений, возникавших в западных и русской литературах в 1910-е гг., а в славянских лишь в начале 1920-х гг. Вдохновляясь не только реальностью, но и западным авангардом (футуризмом, дадаизмом, сюрреализмом), славяне идут своими путями, внося в общеевропейскую палитру особые нюансы и краски³⁸⁷.

Военное время подчеркнуло ценность мирной жизни, простых радостей бытия, поэтому оно дало свои импульсы не только трагическому экспрессионизму, чью поэтику определял «крик отчаяния» (хорватская, словацкая, словенская, отчасти болгарская и чешская литературы), но и витализму, и чешскому поэтизму, воспевающему радости жизни, чтобы излечить стресс и депрессии, вызванные войной. Выступая за свободу творчества, авангардные течения, к ним у славян помимо экспрессионизма и поэтизма относились футуризм и конструктивизм, характерные для польской литературы, сюрреализм, ярко проявивший себя у сербов, чехов и словаков, — стремились модернизировать изящную словесность. Желая покончить со штампами, дидактизмом, рассудочностью, с любыми проявлениями «атеросклероза» в искусстве, они открывали путь к творческому эксперименту. В каждой из литератур были свои лидеры и активные участники авангардного движения. Это В. Незвал, К. Тейге, Я. Сейферт — в чешской; Б. Ясенский, Ю. Пшибось, А. Стерн — в польской; М. Бакош, Р. Фабрый, В. Рейсел — в словацкой; М. Ристич, О. Давичо, М. Дединац — в сербской; С. Косовел, А. Подбешек — в словенской; Г. Милев, Н. Райнов — в болгарской литературах и т.д.

³⁸⁷ О специфике славянского литературного авангардизма см.: *Будагова Л.Н. Авангардизм в поэзии славян (О функции и специфике авангардных течений) // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 128–146.; Будагова Л.Н. Авангард и его специфика в литературах западных и южных славян // Сражения и связи в программах и практике славянского литературного авангарда. М., 2018. С. 11–24.*

Несмотря на антибуржуазный настрой и политизированность некоторых авангардных течений, несмотря на связь с ними ряда революционных писателей, авангард и пролетарское искусство — это две разные творческие концепции. Авангард — признание самоценности и свободы творчества, отрицание его служебных функций, программное отделение искусства от идеологии и политики (нарушившееся, однако, на практике). Пролетарское искусство — это «оружие революции», акцентирование служебных функций творчества. Противоборство этих направлений просматривается в спорах между поэтизмом и пролеткультом, соцреализмом и сюрреализмом в 1920–1930-е гг. в Чехословакии, в антагонизме между сюрреалистами и соцреалистами во Франции в 1930-е гг., в прямых запретах на авангардное искусство в СССР, вплоть до физической расправы с его сторонниками. Однако даже не всегда мирное сосуществование авангарда и пролеткульта в зарубежных славянских литературах 1920–1930-х годов обеспечивали этим литературам полноту и многообразие.

Все это, все поиски и свершения, дает возможность славянским литературам, некогда отстававшим в своем развитии, но успешно наверставших упущенное в эпоху своего национального возрождения (конец XVIII — вторая половина XIX в.), закрепить достойное место в семье европейских литератур, выступая их достойными партнерами в системе разветвленных культурных связей. В двадцатилетие между Первой и Второй мировыми войнами мир открывает для себя творчество Карела Чапека и Ярослава Гашека, Милоша Црнянского и Мирослава Крлежи, Сречко Косовела и Кочо Рацина и многих других славянских писателей, еще не подозревая, что в Польше, на Балканах и в Чехии набирают творческий разбег нобелевские лауреаты грядущих времен — серб Иво Андрич, чех Ярослав Сейферт, троица польских писателей — Чеслав Милош, Вислава Шамборская, Ольга Токарчук, которые присоединятся к Генрику Сенкевичу и Владиславу Станиславу Реймонту, еще до Первой мировой войны и первыми из славян отмеченным Нобелевскими премиями. Однако непревзойденных славянских писателей несравненно больше, чем нобелевских лауреатов из славянского ареала. Достаточно вспомнить Гашека, который никогда не был в числе претендентов на престижную премию (да и серьезно не относился

к своему творчеству) или Карела Чапека, который так и не получил ее, хотя выдвигался на нее раз шесть.

Литературы западных и южных славян пережили новый, исключительно плодотворный этап своего развития не столько просто в связи с окончанием Первой мировой войны, сколько с ее результатами: возникновением «на обломках» потерпевших поражение империй новых независимых славянских государств, перед литературами которых эта независимость открыла новые перспективы и возможности.

*Л.Н. Будагова
(Москва)*

Границы, речевые стратегии и семиосфера (конец империи в литературе)

Несмотря на то, что нельзя установить прямую связь между реальным миром и литературным текстом, можно предположить, что смена эпох, ознаменованная кардинальным преобразованием или даже полным замещением существующих институтов, законов, ритуалов, общепризнанных ценностей и словаря³⁸⁸ данного общества, будет отражаться в современном дискурсе и тематизироваться в литературных текстах. Подобные перемены происходят между тем, что было, и тем, что еще только должно появиться. Равно как и между теми, кто использовал старый, а кто новый словари, старые и новые ценности: проще говоря, происходит разделение на «мы и они».

Юрий Михайлович Лотман использует термин семиосферы для определения, во-первых, различия между реальностью и речью, и во-вторых, распространенности определенного типа речевых актов в той или иной культуре. Он ссылается на свою знаменитую работу «О метаязыке типологических описаний культуры», опубликованную на чешском языке в 1969 г. в журнале «Orientace» («Ориентация»)³⁸⁹.

В исследовании Лотман сосредотачивается на определении границы между «мы и они»: между теми, кто использует определенный тип установившихся ценностей, правил и ритуалов, и теми, кого относят, скажем, к «варварам».

Иной точки зрения на поиски границ в речи на определенную тему придерживается американский философ Джон Сирл, прежде всего, в работе «Construction of Social Reality and Making the Social

³⁸⁸ Например, на такое радикальное изменение указывает Дж. Рорти в своей работе «Contingency of Language» («Непредвиденные обстоятельства в языке»), рассматривая исторический период Великой французской революции, во время которого изменение словаря произошло буквально в одночасье.

³⁸⁹ O metajazyce typologických popisů kultury, překlad M. Červenka // Orientace. 1969. Č. 2. S. 67–80.

World» («Строительство социальной реальности и создание социального мира») ³⁹⁰.

Внимание Сирла, сфокусированное на проблематике речевых актов, постепенно сместилось на исследование того, как речевые акты конструируют и формируют нашу социальную реальность, как символы создают в основе своей крепкие и труднопреодолимые границы прав и обязанностей, систем сложившихся убеждений, которые затем действуют как так называемые институциональные факты. Внутри этой системы намерения индивидуума постоянно сталкиваются с коллективными намерениями, созданными данной системой общепринятого. Границы между ними могут быть обозначены каменной стеной, хотя они имеют ту же силу, что и линия, нарисованная на земле, которую иностранец не смеет переступить безнаказанно.

Попытаемся теперь определить, какие речевые акты и риторические стратегии возникают в семиосфере литературных произведений, появившихся как ответ на переломные события эпохи, когда существующая система институциональных фактов, ритуалов, законов и ценностей теряет свою силу и коренным образом изменяется.

В соответствии с характеристиками речевых актов, влекущих за собой определенную специфику отношений индивидуальных и коллективных интенций, в чешской литературе, откликавшейся на падение Австро-Венгерской империи, можно определить несколько «модусов», которые затем в значительной мере определяют границы между различными типами речи в семиосфере. Можно также определить, находится ли данный тип дискурса ближе к полюсу коллективных намерений, отождествляя себя с ними, или, напротив, отделен в каком-то смысле от них, являясь противодействующим или деструктивным. В то же время, мы полагаем, можно идентифицировать, по крайней мере отчасти, то, как семиосфера, содержащая речевые акты, реагирующие на исторические события, внутренне структурирована и как эта структура смещается и трансформируется с течением времени.

Предлагаем ряд вопросов, которые нелегко свести воедино и тем более решить в рамках одной статьи. Попытаемся продемонстри-

³⁹⁰ Searle J. *Making the Social World*. Oxford, 2010. N.Y.: *Construction of Social Reality*, 1995.

ровать, хотя бы некоторые их аспекты, на произведениях чешской литературы разных периодов, связанных темой конца Австро-Венгерской империи.

Прежде всего, попытаемся выделить несколько модальностей, («обозначающих отношение содержания речи к действительности») которые, на наш взгляд, относятся к типу речевых актов, формирующих отдельные литературные произведения.

1. К модусу (виду) иронии и парадокса можно отнести «*Osudy dobrého vojáka Švejka*» («Похождения бравого солдата Швейка») Я. Гашека, «*Pole orná a válečná*» («Поля пахоты и войны») В. Ванчуры, «*Barák smrti*» («Барак смерти») Я. Вайсса, а так же роман «*Janka*» («Янка») крайне своеобразной писательницы Ольги Баренниковой, и «*Lítice*» («Фурии») Р. Вейнера.

2. Модус элегии и трагедии, на наш взгляд, представляют некоторые из романов Э. Гостовского: «*Danajský dar*» («Дар данайцев») или «*Černá tluča*» («Черный тюльпан»), романы Б. Бенешовой или А.М. Тильшовой, а также «*Svět hoří*» («Мир горит») Ч. Ержабека или «*Podivuhodné přátelství herce Jesenia*» («Странная дружба актера Есения») И. Ольбрахта.

3. Модус патетической оды и героического эпоса — это бо́льшая часть так называемой легионерской литературы, прежде всего, пятитомник «*Anabáze*» («Анабазис») Р. Медека, и роман Й. Копты «*Třetí rota na magistrále*» («Третья рота на магистрали») и др.

4. Модус инертности представлен главой романа «*Neznámý člověk*» («Неизвестный человек») М. Соучковой, или романом В. Ванчуры «*Tři řeky*» («Три реки»). В них распад империи воспринимается как далекое, неясное (М. Соучкова) или мифическое событие (В. Ванчура).

В дополнение к этим группам могут быть выделены другие, в частности указывающие на перемены в определении понятий «мы и они» Лотмана.

Важно отметить, что чешские земли как часть Австро-Венгерской империи имели амбивалентное отношение к монархии, а процесс их отделения от нее был непростым и напоминал движение, описываемое физиками в области квантовой механики, когда одно и то же явление могло выглядеть по-разному для одновременно находящихся по разные стороны людей. Например, в «Похождении-

ях бравого солдата Швейка» нет четкой границы между теми, кто придерживается монархических ценностей, и теми, кто выступает против них. С одной стороны, там представлены фигуры немецких или австрийских офицеров, характеристики которых могут быть выражены следующим образом: «Фридрих Краус фон Зиллергутт был редкостный болван»³⁹¹. При этом, исходя из имени, невозможно понять, идет ли речь о чехе, австрийце, немце или онемеченном чехе. Другой персонаж — военный врач Баутц — выдает сам себя словами: «Весь чешский народ — это банда симулянтов»³⁹².

Здесь различие между «мы» и «они» совершенно очевидно — это подчеркивается и языком, на котором осуществляется речевой акт. С другой стороны, в романе встречаются образы чехов, которые не уступают в своей глупости вышеупомянутому фон Зиллергутту, например, пресловутый поручик Дуб, чьим прообразом, якобы, был известный профессор лингвистики и фанатичный сторонник монархических ценностей. Когда сапер Водичка утверждает, что каждый мадьяр — сволочь, Швейк возражает ему: «Иной мадьяр не виноват в том, что он мадьяр»³⁹³. А в другой сцене Швейк угощает венгерского солдата в трактире на вокзале Табора.

Роман Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» уникален тем, что символическая граница между австрийским, австро-венгерским, немецким и чешским мирами постоянно меняется и сдвигается, всегда оставаясь неопределенной. Как будто пространство и персонажи в романе постоянно оборачиваются двуликими Янусами.

Это соответствует специфике всего романа, в котором рассказчик опирается, прежде всего, на ряд различных иллюкутивных актов разных персонажей, причем создается впечатление вавилонского смещения языков, все говорят, ничего не выражая и не формулируя в этом речевом потоке. Это скорее своего рода тягучая плазма разговора, всегда чего-то требующего: исполнения приказа или, чтобы сказанное было услышано, или это речь, которая не требует ни того, ни другого — она здесь только для того, чтобы говорящий убивал время, чтобы что-то говорилось, или, как в случае Швейка, чтобы

³⁹¹ *Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války. Praha, 1980. S. 257.*

³⁹² *Ibid. S. 84.*

³⁹³ *Ibid. S. 434.*

иллюкутивный акт противника не заканчивался перлокуцией, следовательно, чтобы она не получала силу приказа, чтобы реализация власти говорящего была блокирована и рассеяна в пространстве отсылками на события прошлого либо на высказывания других персонажей. В таком пространстве растворяются все старые истины, ценности, ритуалы и законы. Поэтому тот, кто настаивает на них больше всего, выглядит глупо и смешно, в то время как тот, кто просто ничего не понимает, получает положительную характеристику. Швейк общается с венгерским солдатом, однако, венгр не знает чешского и говорит на своем языке. К разговору присоединяется еще один солдат, и в этом хаосе венгерского и чешского звучат такие высказывания, как: «пей, давай, вы небось нашего брата так бы не угощали!» или обсуждается сражение вместе с венграми, которое заканчивается оценкой их способностей сражаться. В конечном итоге, этот парадоксальный триалог на двух языках звучит как признание общности людей, predetermined институциональной принадлежностью — быть солдатами среди всей этой военной неразберихи. Иронический модус повествовательной стратегии Гашека выделяет ту самую бессмысленную инертность институтов и институциональных фактов, с которыми никто не хочет соглашаться, однако все оказываются в центре этой системы, где все превращается в абсурд и парадокс. Единственное, что остается и спасает человечество, — это как раз подобные речевые акты, иногда примитивные, фрагментарные, но все же указывающие на то, что внутри системы существуют индивидуумы со своими потребностями, пусть даже банальными, как одержимость Балоуна едой, пьянство и сладостлюбие фельдкурата Отто Каца или оккультизм повара Юрайды.

До конца непонятой и расплывчатой является и фигура самого Швейка, своего рода флуктуирующего кванта — он перемещается по сюжетной линии романа в виде знаменитой кошки Шредингера: мы не знаем, частица ли это, или излучение, или и то и другое одновременно.

Именно этот неоднозначный характер, который требовал от многих историков литературы точных определений, ясной характеристики Швейка, и безуспешность всех этих попыток, обеспечивают романное существование героя, основанное на его исключительной способности, найти себя во всех формах хаоса того времени, пред-

ставленных в романе. Безуспешность интерпретирования Швейка станет понятной, если мы признаем эти его особенности. Это, как если бы мы хотели дать единственное и окончательное определение истины. Швейк никогда не находится в состоянии покоя, не выражает отношения к событиям и векторам истории, не демонстрирует ни линейного, ни даже слегка искривленного движения. Он сам по себе движение, которое невозможно описать в рамках обычных концепций хронотопа. Он будто бы отошел от классической евклидовой геометрии и скорее поддакивает современнику своего создателя, Эйнштейну, и его видению искаженного и радикально изогнутого пространства-времени.

В непересекающихся речевых координатах героев романа Гашека господствует общее непонимание, распад речи, что служит для иллюстрации хаотической путаницы фрагментов, фракталов, независимых речевых актов, ничем не объединенных. Герои романа разговаривают, но их слова, в том числе и Швейка, имеют своего рода инфляционную тенденцию и лишь отдаляются друг от друга. Это как взрыв, разрывающий общество, его ценности, убеждения и ритуалы. Нет лучшего символа распада империи, чем тот, который предлагает нам Я. Гашек: образ распадающейся человеческой речи. Словно рассеивается в суперновом взрыве, идентичность целого, объединенного общими ценностями (пусть и на разных языках — чешском и немецком), и его части все больше отдаляются друг от друга.

В контексте чешской литературы, возникшей после Первой мировой войны, роман Гашека часто сравнивался с романом Владислава Ванчуры «*Pole orná a válečná*» («Поля пахоты и войны»). Как и у Гашека, здесь мы сталкиваемся с риторической стратегией, основанной на иронии и парадоксе. Убийца и недалекий человек Франтишек Ржека не получает наказания за свое преступление, а становится героем войны, частью исторических событий, где индивидуальное преступление замещается преступлением легализованным, где убийство с целью грабежа замещается убийством во имя победы — причем мы даже не можем определить, какой этический принцип делает один тип убийства законным, а другой нет. Тем не менее, герой Франтишек Ржека в обеих семиосферах делает то, что у него выходит лучше всего — убивает. Причем за одно и то же преступление он в одном случае был бы наказан, а другом

случае, напротив, будет награжден, а после смерти похоронен со всеми почестями.

В то время как роман Гашека иллюстрирует общий разброд и хаос распада империи, чьи ценности были уничтожены, в романе Ванчуры мы сталкиваемся с гораздо более простой и определенной границей, указывающей на идеологические убеждения автора и его принадлежность к послевоенному авангарду и политической левнице. Мир делится на старый и новый. Старый мир представляет Франтишек Ржека, носитель всех преступлений уходящего времени, в котором между убийством в мирное время и убийством во время войны нет никакой разницы. Могила Ржеки символизирует ушедший и погребенный старый мир: «Войны покроются паутиной. Время правителей разбито, и наступает время рабочих»³⁹⁴.

Индивидуальные намерения нарративной стратегии явно вдохновлены некоторыми коллективными интенциями современности — пролетарской культурой. В других частях романа, особенно в заключительной, в словах рассказчика, связь двух интенций очевидна: «Старые вещи прекращают свое существование. Все, что было великим, сделалось малым...»³⁹⁵.

Из первой цитаты явствует, что господству старого мира настал конец и на смену ему приходит господство новое, выраженное в исторической ценности трудящихся — рабочих. Вторая цитата легко интерпретируется как указание на падение старых ценностей, потерявших свою силу.

Ржека — символ несправедливости и жестокости старого мира, существо, объявленное героем, которое остается таковым даже после смерти, призванный стать знаменем нового общества:

«Последний солдат мировой войны, убийца, которого не судили, прислушивается. Его лицо, изъеденное червями и сочащееся ранами, смотрит вверх, ожидая, когда прославленная насыпь развеется над его могилой»³⁹⁶. Риторическая стратегия Ванчуры намного проще и понятнее, чем у Гашека, несмотря на его особый интерес к языковому эксперименту, вызванный его дружбой с Романом Якобсоном и другими пражскими структуралистами. Желание экспериментиро-

³⁹⁴ Vančura V. Pole orná a válečná. Praha, 1984. S. 231.

³⁹⁵ Ibid.

³⁹⁶ Ibid. S. 232.

вать с функциями языка особенно заметно в напряженной экспрессивности, что довольно типично для 1920-х гг., когда и появился его роман. Кроме того, установленные таким способом границы в семиосфере более очевидны. Понятно, где новые «мы» и где старые «они».

В то время как рассказчик у Гашека не отождествляется с какой-либо общественной группой или какими-либо коллективными идеями, подобная идентификация у Ванчуры весьма прозрачна.

Если риторические стратегии Ванчуры и Гашека в значительной степени безличны и представляют, каждая по-своему, процесс разрушения старого порядка, то стратегия Рихарда Вейнера носит более личный характер, в частности в сборнике рассказов «*Lítice*» («Фурии»), основанном на фронтовом опыте автора во время Первой мировой войны.

В рассказах «*Dvojníci*» («Двойники»), «*Deník*» («Дневник») или «*Kostajník*» («Костайник») мы встречаем рассказчика, который, столкнувшись с реальностью военных действий, ставит под сомнение собственную идентичность. Эта тема важна и для других произведений автора, например, для сборника «*Škleb*» («Гримаса»), или для более поздних сборников «*Lazebník*» («Банщик») или «*Hra doopravdy*» («Игра взаправду») или «*Hra na čtvrcení*» («Игра на четвертование»). Страх перед безумием войны, непонимание собственного присутствия в непонятном действе лучше всего иллюстрируются в «Костайнике», рассказе об одном сражении Первой мировой за местечко Костайник, где неподвижность и пустота чередуются с жестокими обстрелами с двух сторон. В результате смерть и пустота поглощают как тех, кто обороняется, так и тех, кто нападает.

Герой, выживший в бою и убивший врага, произносит: «Я замурован ото всех и всего, и великое незнакомое горе превратилось во мне в значительное и полное Ничто»³⁹⁷.

«Ничто», заполняющее героя, отрицание всего, во что он верил, на что надеялся, дополняются в других произведениях темой распада личности. Появляется тема двойничества («*Dvojníci*» («Двойники»)), которое выступает как признак разрушения единства мысли и чувства, отождествления себя с пространством и обществом, в кото-

³⁹⁷ Weiner R. *Kostajník // Lítice*. Torst, 1996. S. 293.

ром находится герой. Герои Вейнера — это изолированные личности, движущиеся в неопределенном и изменчивом пространстве-времени, где абсолютная неподвижность чередуется с удвоением и утроением временных планов, в которые вовлечен герой. Распад личности героя или рассказчика подразумевает распад мира, в котором есть некие общие ценности. Изолированный субъект у Вейнера подвержен экспериментам над самим собой, потому что нет ничего, что бы связывало его с внешним миром. Он как будто перестал существовать, есть лишь предметы, дезинтегрированный субъект, безвременье и варианты возможных хронологических процессов — модальностей, о которых нельзя с уверенностью сказать: реализуются ли они, или еще только могут реализоваться. Повествующий и рефлектирующий субъект фиксирует, главным образом, свою неуверенность, а затем и то самое «незнакомое горе», образ которого присутствует и в других произведениях Вейнера, например в рассказе «Prázdná židle» («Пустой стул») сборника «Škleb» («Гримаса»), где оно понимается как непреодолимая метафизическая вина. У Вейнера нет понятий «мы» и «они». Есть только «я» и «я» — распадающиеся и не находящие единения. Существование других не отрицается, но эти другие действуют лишь как носители всеохватывающей метафизической вины. Единственное, что объединяет мир Вейнера, — это именно вина, что сближает его с современными экспрессионистами всей Центральной Европы, от Верфеля, Готфрида Бенна, Кафки и до членов чешской Литературной группы.

Специфика Вейнера в том, что у него четко просматриваются причины распада личностей его литературных героев. Они коренятся в переживаниях, связанных с Первой мировой войной. Довоенная поэтика Вейнера опирается на современное искусство, в том числе на абстрактную живопись и поиски Малевичем геометрического пространственного порядка, но со сборника «Lítice» («Фурии») начинается его пожизненная тема раздвоенности, и даже четвертования личности человека («Hra na čtvrtování» («Игра на четвертование»)).

В обширной легионерской литературе, например, в пенталогии Р. Медека «Anabáze» («Анабазис») или в романах Й. Копты, очевидно, что распад империи связывается с героическим жестом, с пафосом новых представителей чехословацкой государственно-

сти — легионеров, чьи приключения в России и Советской стране являются мощным источником послевоенной мифологии нового государства. По сравнению с романом Владислава Ванчуры «*Pole orná a válečná*» («Поля пахоты и войны»), в этих произведениях мы можем отметить еще одну границу семиотического поля. В обоих случаях авторы в падении империи видят рождение чего-то нового. В то время как у Ванчуры это — новый пролетарский мир, который покончит со всеми войнами, то у Медека и других легионеров — это идея новой военной мощи, связанной с национальной идентичностью. Дискурс легионерской литературы противоположен дискурсу произведений как Ванчуры, так и Гашека («*Osudy dobrého vojáka Švejka*» («Похождения бравого солдата Швейка»), а также дискурсу еще одного обширного корпуса произведений, отражающих крах империи, однако воспринимающих войну не как проявление героизма или обновления, а как трагедию, уничтожающую целые поколения.

Известный чешский прозаик еврейского происхождения Эгон Гостовский в романе 1930 г. «*Danajský dar*» («Дар данайцев») описывает деморализацию и упадок возвращающегося с войны поколения, не способного после пережитых испытанных вернуться к нормальной жизни. В более позднем романе «*Černá tluha*» («Черный тюльпан») автор изображает трагедию детей, умирающих в тылу от болезней и голода.

Подобную тему можно найти в романах А.М. Тильшовой «*Haldu*» («Груды»), Б. Бенешовой «*Úder*» («Атака»), «*Podzemní plamenu*» («Подземный огонь») и «*Ohnivá duha*» («Огненная радуга»).

В рассказе «*Barák smrti*» («Барак смерти») Яна Вайса воспроизведены образы солдат, умирающих от тифа.

Во всех этих произведениях отвергается военный героизм, а в языке подчеркиваются горе и страдания, связанные с падением Австро-Венгрии, в том числе и репрессивные меры умирающей власти. Особое место занимает здесь роман Ольги Баренийовой «*Janka*» («Янка»), в котором героини, девочки-воспитанницы монастыря, сталкиваются, с одной стороны, с жестким религиозным укладом империи, а с другой — со смертью как раненых солдат, которых привозят умирать в монастырь, так и со своей собственной (одна за другой они гибнут от различных болезней).

Во второй половине 40-х годов XX в. был написан роман чешской модернистки Милады Соучковой «*Neznámý člověk*» («Неизвестный человек»), впервые опубликованный в 1962 г. (во время эмиграции автора в США) в г. Лунде, (Швеция). «Неизвестный человек» — своего рода вольное переложение истории чешских земель от австро-прусской войны до 1930-х гг. В романе речь идет о жизни рассказчика, о его переживаниях и воспоминаниях предков. Несколько глав связаны с падением империи («Убийство в Сараеве — 1914 г.»; «Первая мировая война — июль–август 1914 г.»; «День рождения императора — 1916 г.»; «Манифест — 1918 г. »).

Исторические события здесь изображаются как бы параллельно жизни счастливой молодой героини, которая не осознает значения эпохальных событий и концентрируется на повседневных радостях, таких как дни рождения, визиты, отношения с друзьями. Речевые фрагменты из взрослого мира, комментирующие события, непонятны для рассказчицы, или она к ним безразлична, поскольку они не входят в круг ее интересов. Возникает впечатление ее особой инертности, безучастности. Война, распад империи уже являются не трагедией и поводом изменить мир, а лишь вереницей событий, далеких от героини. История, как оказывается, может, иметь разное значение для людей, выступающих в разных ролях и ситуациях, и здесь нет никакого единого объединяющего или разъединяющего начала, скорее это сложный клубок связей различной силы, составляющих жизнь общества и отдельных индивидуумов. М. Соучкова в своем романе, кроме того, показывает исторический и временной сдвиг в том, как изображаются события одной эпохи — от присутствия свидетеля в непостижимом хаосе исторических событий до дистанции во взглядах на эпоху и человека внутри нее, что значительно меняло способ повествования.

Думается, что семиосфера, которую мы стремимся исследовать, пронизана сетью внутренних границ, которые также меняются со временем и могут быть представлены не статически, как сетка, разрезающая воображаемое пространство, а скорее как динамическое поле, заполненное различными петлями и волнами.

Распад Австро-Венгерской империи воспринимается в чешской литературе на разных риторических уровнях и с помощью различных риторических стратегий. Наиболее заметными являются про-

тиворечия между мифологизацией легионеров, которая становится символическим инструментом нового государства — Чехословакии, и ожиданием новой реальности в произведениях авангарда левой ориентации, характерного для В. Ванчуры. Экспрессионистская трагика и элегия о потерянных жизнях и стремление доживать жизни за павших, присутствующие в творчестве И. Ольбрахта и Ч. Ержабека, противопоставляются инертной позиции М. Соучковой в «Неизвестном человеке», или рефлексии войны в романе Ванчуры «Три реки», где переломные события эпохи предстают либо как нечто непостижимое, либо как отдаленное мифическое пространство, в котором происходит трансформация человека.

Лишь роман Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» не несет в себе никакого противоречия, связанного с какой-либо коллективной идеей времени. Он сам является воплощением того волнообразного и искривленного хронотопа, изгибы которого изображает. Магматический поток речи главного героя и всех других персонажей, в который повествователь включается на равных, как один из говорящих, является не более чем комментарием увиденного и услышанного. Это — вселенная сама по себе, и, как каждая вселенная, она в чем-то понятна, а в чем-то непостижима, являясь, пожалуй, самым лучшим символом переломной эпохи утраты ценностей и торжества абсурда в мире, когда-то основанном на рационализме.

*В. Папоушек
(Ческе Будейовицы)*

*Перевод с чешского
К.К. Масловой*

Сведения об авторах

Mgr. **Jan Bílek**, Ph.D., Univerzita Hradec Králové.

Будагова Л.Н. — доктор филологических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

Doc. PhDr. **Radomír Vlček**, CSc. Masaryková univerzita v Brně, vědecký pracovník Historického ústavu AV ČR (pobočka Brno).

Emil Voráček, PhDr., Dr.Sc. vědecký pracovník Historického ústavu AV ČR.

Doc., PhDr. **Ľubica Harbuľová**, Csc. Filozofická fakulta Prešovské univerzity v Prešove.

Mgr. **David Hubený**, Ph.D., archivář, Národní archiv.

Задорожнюк Э.Г. — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

Prof. PhDr. **Bohumil Jirošek**, Dr., prorektor Jihočeské univerzity v Českých Budejovicích.

Mgr. **Jan Kahuda**, Ph.D., vedoucí oddělení Národního archivu.

Lenka Kločková, PhDr., pracovníca Národního archivu.

Jiří Křest'an, PhDr. Csc., vedoucí oddělení Národního archivu.

Doc. **Jan Němeček**, PhDr., DrSc., statutární zástupce ředitele Historického ústavu AV ČR, vědecký pracovník.

Prof. PaedDr. **Vladimír Papoušek**, CSc., prodekan pro vědu a výzkum, Filozofická fakulta Jihočeská univerzita v Českých Budejovicích.

Prof. **Jan Rychlík**, DrSc. vědecký pracovník Masarykova ústavu a archívu Akademie věd České republiky, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy.

Серapiroнова Е.П. — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН, профессор МГИМО (Университета) МИД РФ.

Шевченко К.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Беларусь).

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ И АРХИВИСТОВ РФ И ЧР

**ЧЕХОСЛОВАКИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
НА ОБЛОМКАХ ИМПЕРИЙ**

Коллективная монография

Ответственный редактор:

Е. П. Серапионова

Редакторы:

Л. Н. Будагова,

Э. Г. Задорожнюк,

Е. П. Серапионова

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Художник:

П. К. Донской

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
119991, Москва, Ленинский просп., д. 32А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 31.08.2020. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,88.
Объем 11,88 печ. л.

Заказ № 53.

Тираж 500 экз.